

S Structures & F Functions:

Studies in Russian Linguistics

СТРУКТУРЫ И ФУНКЦИИ:
исследования по русистике

VOLUME II   ISSUE 2   2016

ISSN 2228-2653

& Structures **& Functions:**

Studies in Russian Linguistics

СТРУКТУРЫ И ФУНКЦИИ:
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РУСИСТИКЕ

International Editorial Board

Elena Belaya, France
Dojcil Vojvodic, Serbia
Rafael Guzman, Spain
Seyed Hasan Zahraee, Iran
Andrey B. Krasnoglazov, Estonia
Andrey A. Lipgart, Russia
Swetlana Mengel, Germany
Elena V. Petruhina, Russia
Yury E. Prokhorov, Russia
Olga G. Revzina, Russia
Marina L. Remneva, Russia
Hannu Tommola, Finland
Masaki Tanaka, Japan
Emmanuel Toumazou, France
Henryk Fontanski, Poland
Zhang Huiqin, China
Alexey A. Chuvakin, Russia
Alexey D. Shmelev, Russia
Natalya V. Yudina, Russia

Editors-in-chief:

Inga Mangus, Estonia;
Victoria V. Krasnyh, Russia
Marina Y. Sidorova, Russia

Publishing editor:

Alena F. Kolyaseva

Prepress Anatoly Yegorov

ISSN 2228-2653

Publishing house Pushkin Institute

www.pushkin.ee

Maneezi 7, Tallinn 10117, Estonia

При использовании материалов в любом виде ссылка на журнал обязательна.

За точность цитат, библиографических данных и соблюдение прав интеллектуальной собственности ответственность несут авторы.

Редколлегия не обязательно разделяет мнение авторов и не всегда согласна с излагаемыми в статьях взглядами. Однако, руководствуясь тем, что исследователи могут принадлежать разным научным школам, придерживаться различных научных концепций и воззрений, вследствие чего в современной гуманитарной науке нет и, пожалуй, не может быть единственной – «правильной» – точки зрения, мы публикуем в том числе статьи, которые могут стать предметом острой дискуссии.

Совместное издание ЭСТАПРЯЛ, Таллинского Института Пушкина, Владимирского филиала Финансового университета при Правительстве РФ и филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Puškini Instituut

Содержание

ПСИХОЛИНГВИСТИКА	5
Бубнова И.А., Красных В.В. Человек говорящий как объект и предмет современных интегративных исследований: нео-психоллингвистика и психолингвокультурология	5
ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ	26
Дементьев В.В. Речежанровые заимствования	26
Карасик В.И. Ценностные приоритеты в аллюзивных афоризмах	54
КУЛЬТУРА РЕЧИ	68
Лазуткина Е.М. Этико-речевые правила в современной теории культуры речи в свете эмпирических данных (речевые стратегии, тактики, техники, приемы, выбор языковых средств): современная концепция дисциплины культуры речи	68
ГОДУ КИНО В РОССИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ	87
Коростелева А.А. Смена коммуникативных масок как основа стратегии актера при создании образа (К. Хабенский в «Деле о “мертвых душах”»)	87
РЕЦЕНЗИИ	119
Качалкин А.Н. Рецензия на книгу «Риторика. Семиотика. Языкознание: Сборник статей к 70-летию профессора А.А. Волкова»	119
ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ: МЕТАФОРА	125
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ВЫПУСКА	128

CONTENTS

PSYCHOLINGUISTICS.....	5
Bubnova I.A., Krasnykh V.V. Homo loquens as subject and object of modern integrative studies: neo-psycholinguistics and psycholinguoculturology.....	5
THEORY OF SPEECH GENRES.....	26
Demytyev V.V. Borrowing speech genres.....	26
Karasik V.II. Value priorities in allusive aphorisms.....	54
CULTURE OF SPEECH.....	68
Lazytkina E.M. Ethical and speech rules in the modern theory of speech culture in the light of empirical data (speech strategies, tactics, techniques, methods, choice of language means): the modern concept of the discipline Culture of Speech.....	68
DEDICATED TO THE YEAR OF CINEMA IN RUSSIA.....	87
Korosteleva A.A. Communicative mask changing as an actor's strategy base for creating a character (K. Khabensky in 'Dead Souls' Case).....	87
REVIEWS.....	119
Kachalkin A.N. Review: <i>Rhetoric. Semiotics. Linguistics: A collection of articles on Professor A.A. Volkov's 70th anniversary</i>	119
CALL FOR PAPERS: METAPHOR.....	125
CONTRIBUTORS.....	128

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

УДК 81'23

Человек говорящий как объект и предмет современных интегративных исследований: нео-психолингвистика и психолингвокультурология

HOMO LOQUENS AS SUBJECT AND OBJECT OF MODERN INTEGRATIVE STUDIES: NEO-PSYCHOLINGUISTICS AND PSYCHOLINGUOCULTUROLOGY

*Бубнова Ирина Александровна
Красных Виктория Владимировна*

*Bubnova Irina A.
Krasnykh Victoria V.*

В статье представляются новые интегративные подходы: нео-психолингвистика и психолингвокультурология. Первый направлен на изучение образа мира и языкового сознания как отдельной личности, так и этноса в целом, поскольку учитывает не только культурные доминанты, но и индивидуальные особенности структуры языковой личности. Второй фокусирует внимание на лингвокультуре и человеке говорящем как носителе сознания, языкового сознания, образа мира (в первую очередь этнического), как объекте и субъекте языка, культуры, лингвокультуры, коммуникации. Данные подходы взаимно дополняют друг друга и позволяют исследовать проблему национального / этнического / лингвокультурного своеобразия, поскольку идут и со стороны языка, культуры и лингвокультуры, и от самого человека во всей его целостности, учитывая все стороны его жизнедеятельности. Специфика содержания сознания отдельного человека, будучи обусловленной как внутренними, так и внешними факторами, определяет своеобразие образа мира и становится той динамической центробежной силой, которая в конечном итоге сама может стать фактором, обуславливающим глобальные перемены в обществе.

The article presents new integrative approaches – neo-psycholinguistics and psycholinguoculturology, their theoretic basis, main notions, perspectives. Neo-psycholinguistics analyzes world view and language consciousness of both an individual and ethnocultural community, since it considers not only cultural dominants but personal peculiarities as well. Psycholinguoculturology puts in focus linguo-culture and Homo

Loquens who is believed to be both creator and creation of language, culture, linguo-culture, communication. We argue that it is those approaches that meet the challenges of new reality and thus they could be helpful in understanding and explaining specific traits and dynamic of either linguo-cultural community's or of an individual view of the world. The present paper provides a starting-point for further research in the sphere of personal and ethnic view of the world and language consciousness, of Homo Loquens, of language, culture and linguoculture correlation and interaction.

Ключевые слова: нео-психолингвистика, психолингвокультурология, человек говорящий, образ мира, культура, лингвокультура, специфические индивидуальные черты

Keywords: neo-psycholinguistics, psycholinguoculturology, Homo Loquens, view of the world, culture, linguo-culture, specific individual features

ЧЕЛОВЕК ГОВОРЯЩИЙ КАК ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕГРАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: НЕО-ПСИХОЛИНГВИСТИКА И ПСИХОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

И.А. Бубнова, В.В. Красных

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня уже стало трюизмом говорить о том, что многомерный и многокомпонентный объект современных исследований необходимо требует интегративного подхода, что обуславливает появление не только новых методов, но и новых направлений научных изысканий. В целом складывается новая система гуманитарного знания, имеющая ряд характерных черт. С одной стороны, все более широкое применение и все большее проникновение в сферу гуманитарных исследований принципов естественнонаучного подхода способствует изменению самого контекста познания. С другой стороны, сохранение уже накопленного материала, учет его более ранних интерпретаций, переосмысление имеющихся результатов на основе нынешних данных об окружающем нас мире не просто дополняют уже существующие знания, но и создают основу для их переосмысления на современном уровне и для прогнозирования дальнейших путей развития мирового сообщества.

К числу новых направлений научных исследований, формирующихся в наши дни и полностью отвечающих требованиям и вызовам нашего времени, безусловно, принадлежат **нео-психоллингвистика** [Бубнова 2004; Бубнова, Красных 2013, 2014] и **психоллингвокультурология** [Красных 2013; Красных, Бубнова 2013].

Первое направление позволит, как нам представляется, при изучении человека-личности как носителя сознания, с одной стороны, учитывать диахронический аспект, а с другой – фокусировать внимание на индивидуальности, понимаемой вслед за С.Л. Рубинштейном и Б.Г. Ананьевым как «психологическая неповторимость отдельного, единичного человека, взятого в целом, во всех его свойствах и

отношениях» и – в то же время – как «индивид с комплексом определенных природных свойств» [Ананьев 2001: 281]. При этом «единичный человек как *индивидуальность* может быть понят лишь как *единство и взаимосвязь его свойств как личности и субъекта деятельности*, в структуре которых функционируют природные свойства человека как *индивида*» [Там же: 285], и «если личность – “вершина” всей структуры человеческих свойств, то индивидуальность – это “глубина” личности и субъекта деятельности» [Там же: 280] (курсив оригинала. – В.К., И.Б.).

Второе направление формируется на поле, общем для психолингвистики (точнее – этнопсихолингвистики) и лингвокультурологии. Это направление призвано изучать ряд новых объектов, среди которых следует назвать лингвокультуру и человека говорящего (Homo Loquens) – носителя языка, сознания, культуры и лингвокультуры, во всей совокупности его проявлений и с учетом основных факторов, которые влияют на его становление и коммуникативные проявления и которые находятся в фокусе внимания многих современных наук.

Представим данные направления более подробно.

НЕО-ПСИХОЛИНГВИСТИКА

В современной психолингвистике всестороннее, комплексное исследование тех или иных языковых либо речевых феноменов как «живого» целостного знания уже несколько десятилетий рассматривается как норма. Более того, по своей сути психолингвистика с самого момента своего основания совершенно естественно вписалась в ряд принципиально новых научных дисциплин, главной чертой которых является комплексность, и это изначально дало ей широкие возможности для решения различных теоретических и практических проблем.

Сегодня, как нам представляется, можно говорить о целом ряде психолингвистических направлений в нашей стране, которые уже стали классическими. И здесь, в контексте нашей работы, следует упомянуть исследования, продолжающие разработку общей теории речевой деятельности, – исследования, касающиеся психолингвистической теории значения слова, структуры языковой личности и содержания языкового сознания различных народов. С одной стороны, результаты многих из них, войдя в «золотой фонд» отечественной психолингвистики, давно перешагнули ее границы и стали широко использоваться теми учеными, чьи научные интересы лежат в смежных областях знания. С другой – выверенная методология, в основе которой лежит деятельностный подход, не просто обеспечила в

процессе изучения речевых феноменов фокусировку внимания на личности, но и позволила психолингвистике динамично развиваться за счет включения в сферу ее внимания новых проблем, требующих решения на данном этапе развития науки о языке. При этом особо следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет не об эклектизме, а о гармоничном включении в ходе работы теоретических положений родственных подходов, что, в свою очередь, дало возможность получать новые результаты, не противоречащие основным методологическим принципам, лежащим в основе классической отечественной психолингвистики, что предопределяет безусловную интегративность исследований.

Проблема **языкового сознания**, тех отличительных черт, которые характеризуют образ мира этноса (как лингво-культурного сообщества), особенности его культуры как «некого коллективного общего для группы людей, живущих одновременно и связанных определенной социальной организацией» (по Ю.М. Лотману) уже в течение нескольких десятилетий представляют интерес для многих исследователей, работающих в рамках психолингвистики. Более того, в последние годы участились обвинения в так называемом «лингвистическом нарциссизме», являющемся, якобы, неотъемлемой частью русского варианта идеологии национального превосходства, которая уходит корнями в работы М.В. Ломоносова, А.А. Бестужева-Марлинского, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, С.А. Есенина и многих других. Эти обвинения, звучащие в адрес представителей различных научных российских школ и направлений, настоятельно требуют не только научных дискуссий, но и продолжения исследований, результаты которых способны внести свой вклад в укрепление позиций тех, кого часть коллег называет «неогумбольдтианцами», вкладывая в это слово отнюдь не положительный смысл. Но даже если оставить в стороне все эти, с нашей точки зрения, абсолютно несостоятельные и политизированные упреки, то следует признать, что и сейчас перед исследователями стоит достаточно много вопросов, которые еще только ждут своего решения. И в данном случае, как нам представляется, одним из перспективных направлений может стать исследование содержания **языкового сознания** и **образа мира** с позиций взаимодействия, с одной стороны, живых, функционирующих культурных систем, а с другой – систем социальных. Такой подход выводит нас на комплексную проблему языкового сознания человека как биологического существа, члена многочисленных социальных групп и, одновременно, представителя определенного лингвокультурного сообщества. Наши размышления основаны на следующих предпосылках.

Само появление термина **языковое сознание** в психолингвистике было обусловлено интересом исследователей к содержанию **национального образа мира**, ко-

торый, по мнению Н.В. Уфимцевой, является основополагающей компонентой культуры этноса [Уфимцева 2004]. Таким образом, именно образ мира представляет собой главный объект психолингвистических исследований в значительной части работ, выполненных в психолингвистической парадигме. Предметом же в данном случае становится сознание, изучаемое через формы его овнешнения, и, прежде всего, через языковое сознание – опосредованный языком образ мира той или иной культуры [Там же].

Как замечает Н.В. Уфимцева: «В процессе развития этноса **образ мира может меняться**, но неизменными остаются принадлежащие коллективному бессознательному структурообразующие элементы этнического бессознательного – этнические константы, сквозь призму которых человек и смотрит на мир. В процессе социализации происходит “присвоение” этой системы этнических констант, что и обуславливает этничность сознания человека» [Там же: 5–6] (выделено нами – И.Б., В.К.).

Если попытаться выразить это в виде формулы, то мы получаем следующее:

$$K \rightarrow OM_{\text{эtn}} \rightarrow ЯС_{\text{эtn}} \rightarrow ЯС_{\text{инд.}}$$

где:

K – культура, (этнические) константы;

OM_{эtn} – образ мира этноса (лингво-культурного сообщества; в условиях нашей страны – национально-лингво-культурного сообщества);

ЯС_{эtn} – языковое сознание этноса (в представленном только что понимании);

ЯС_{инд} – языковое сознание индивидуальное.

Причем в данном случае важно следующее: если образ мира как таковой возникает на основе культуры, этнических констант, является результатом ее существования и может изменяться под воздействием различных факторов, то сама культура, ее константы остаются неизменными.

Именно эта формула, как правило, лежит в основе моделирования содержания языкового сознания любого лингвокультурного сообщества. Как можно заметить, в данном случае точкой отсчета является языковой коллектив с уже сложившимися культурными традициями, которые воспроизводятся каждый раз на новом витке развития цивилизаций – культурных суперсистем (О. Шпенглер) или определенных социальных общностей (П. Сорокин), существующих в режиме циклических изменений, переживающих сходные фазы жизненного цикла и сохраняющих при этом свою самобытность.

На наш взгляд, неоспоримое достоинство описанной выше формулы заключается в том, что она не только дает возможность выявлять специфику образа мира этноса, но и абсолютно явно демонстрирует, что именно культура выступает в роли центростремительных сил, позволяющих сохранять этническое своеобразие народа. В то же время, как нам представляется, объяснительная способность такого подхода распространяется только на определенный временной промежуток. Иными словами, модель прекрасно функционирует только при допущении, что культурные константы, говоря языком математики, есть величина постоянная, тогда как образ мира – это зависимая переменная.

Однако в любой науке (и психолингвистика, будучи наукой одновременно и гуманитарной, и естественной, тем более не является исключением) метод, основанный на фиксированных законах, данных раз и навсегда и действующих в определенном диапазоне, ограничивает сам себя.

Более того, совершенно очевидно, что при таком подходе к исследованию образа мира и языкового сознания учитываются только центростремительные, т. е. коллективные, статические механизмы, и практически полностью исключаются механизмы центробежные – индивидуальные и динамические.

В данном случае нам кажется уместным сослаться на замечание Ю.М. Лотмана, неоднократно подчеркивавшего: «существование человеческого мира, полностью организованного по циклическим моделям, представляет собой философскую абстракцию, обращенную против исторической реальности. Линейная модель движения – столь же древняя, как и само человечество. Конечно, соотнесение линейных и циклических процессов многократно меняло свой характер на протяжении долгого пути человечества. **Но их конфликтная соотнесенность всегда была динамическим фактором развития культуры**» [Лотман 2010: 145] (выделено нами – И.Б., В.К.).

Следовательно, необходимо выявить, какие силы или факторы олицетворяют те линейные процессы, которые составляют оппозицию процессам циклическим.

Безусловно, сейчас трудно рассуждать о тех этапах развития человечества, о которых не сохранилось никаких свидетельств. Однако идеи об инвариантах человеческого общества, о всеобщности, лежащей за их эмпирическим разнообразием, о существовании некоего общего механизма, «который, возможно, лежит в основе тех различных способов, каким человеческий разум действует в различных обществах, на разных этапах исторического развития» [Леви-Стросс 1994: 340],

буквально пронизывающие работы этнологов и антропологов, позволяют нам выдвинуть предположение, что и сама культура – это результат преобразования **предобраза / праобраза мира**, в основе формирования которого лежала изначально «неприрученная» (в терминологии К. Леви-Стросса) мысль отдельного человека. Именно эта мысль и разворачивалась линейно, позволяя первым людям осваивать действительность, окружающую их. Именно она и продолжает, на индивидуальном уровне, разворачиваться линейно, изменяя постепенно образ мира всего этноса.

Пред-/праобраз мира в таком случае становится более фундаментальным образованием, чем культура, а первоначальная формула приобретает следующий вид:

$$\mathbf{Ч} \rightarrow \mathbf{ПрОМ}_{\text{универ}} \rightarrow \mathbf{К} \rightarrow \mathbf{ОМ}_{\text{этно}} \rightarrow \mathbf{ЯС}_{\text{этно}} \rightarrow \mathbf{ОМ}_{\text{инд.}}$$

где:

Ч – человек как индивид;

ПрОМ_{универ} – универсальный пред-/праобраз мира;

К – культура, (этнические) константы;

ОМ_{этно} – образ мира этнический;

ЯС_{этно} – языковое сознание этническое;

ОМ_{инд.} – языковое сознание индивидуальное.

Главным следствием использования предлагаемой нами расширенной формулы является снятие противоречий:

во-первых, между динамикой индивидуального и статикой коллективного, т. е. между изначально линейным постижением мира первочеловеком или человеком, только начинающим формировать свой образ мира на индивидуальном уровне, с одной стороны, и обменом полученными эмпирическим путем знаниями и представлениями в группе – с другой. Иными словами, в данном случае речь идет о том этапе филогенеза и онтогенеза, на котором существует лишь пред-/праобраз мира, а поэтому представляется более правильным говорить именно о **человеке** – носителе определенных индивидуально-организмических характеристик, или «телесной личности», по П. Жане, на основе которой в дальнейшем постепенно происходит формирование личности как общественно-исторического феномена;

во-вторых, между универсальным для всего человечества опытом и существующим культурным разнообразием, которое возникает путем отбора релевантных для жизнедеятельности именно этого сообщества культурных норм.

Но не менее важным, на наш взгляд, оказывается тот факт, что **образ мира отдельного человека получает равный статус с образом мира определенного лингвокультурного сообщества**. Иными словами, еще одним, причем не менее перспективным в изучении обсуждаемой здесь проблемы, может оказаться путь, где отправной точкой исследования является не культура, а **человек в совокупности его индивидуально-психических характеристик**, «врастающий» в свою культуру в процессе социализации.

Предлагаемый нами подход предполагает, что, оставаясь в рамках деятельностной парадигмы¹, мы переносим акцент на категорию **человек**. Именно он, являясь основным звеном в диаде «индивид – языковое сознание этноса», определяет не только своеобразие структуры и содержания последнего, но и сложность его природы, а также динамику и направления его изменений.

Таким образом, подход, который может быть обозначен как **нео-психолингвистический**, фокусируется на человеке, который понимается нами в русле концепции человека Б.Г. Ананьева: суть психики отдельного представителя человеческого сообщества есть интеграция истории развития психического у всего рода (филогенеза), повторяющаяся в его личной истории развития (онтогенезе) и включающая в себя в качестве неотъемлемой части процесс социализации. Не менее важным для нас является и то, что содержание психики человека не может рассматриваться в отрыве от истории формирования и развития всего человечества, от его культурного наследия, от тенденций развития вселенной (см. [Ананьев 1977]).

Человек, по Б.Г. Ананьеву, мнение которого мы полностью разделяем, существует как целостное единство разных уровней или ипостасей: индивида, личности, субъекта деятельности и индивидуальности. Вполне очевидно при этом, что формирование уровней – от индивида к индивидуальности – происходит в течение всей его жизни, поэтому в каждый отдельный момент своего бытия интегративная целостность человека представляет собой динамическое образование, структура которого обусловлена постоянным развитием и изменениями на каждом из уровней его жизнедеятельности.

---

¹ Деятельность при этом рассматривается широко: как тот деятельный контекст, на фоне и в ходе активного взаимодействия с которым, в процессе переплетения «натурального» и «культурного» рядов развития человека постепенно формируется личность [Ананьев 1968; Асмолов 1995, Выготский 1983]; см. также понимание деятельности в работах С.Л. Рубинштейна [Рубинштейн 1997, 1998].

Если индивидуальные свойства даны человеку от рождения и проявляются в той или иной степени яркости в течение всей его жизни, то как личность он формируется в социуме, и процесс социализации обуславливает выдвигание на первый план социальных ролей и статусов. Однако явная «видимость» и очевидная важность этих феноменов для социальной стороны жизни человека не означают того, что сама личность обязательно жестко детерминирована структурой общества. Наряду с социальной стороной жизни, у каждого человека существует и иная, внутренняя жизнь, которая организуется его субъективным отношением к миру, формирующимся в процессе активной жизнедеятельности. Другими словами, социальное существует в двух видах – в форме общества и в форме индивидуального бытия конкретного человека [Абульханова-Славская 1991], и это обстоятельство определяет уникальное место личности в обществе. Формируясь и развиваясь в ходе жизненного пути, социальные качества начинают оказывать влияние на индивидуальные свойства человека, и в совокупности данные черты определяют своеобразие коммуникативных, интеллектуальных и других психологических характеристик личности, а следовательно, его индивидуальный **образ мира**.

Важно при этом помнить, что интегральная целостность человека невозможна без еще одной линии в человеческой жизни, тесно переплетенной с уровнем личности. Это жизнь человека в качестве субъекта деятельности, что изначально подразумевает его включенность в различные формы взаимодействия с миром и самим собой, т. е. его общественное поведение, берущее начало в своеобразии психологической структуры человека как субъекта.

И только при наличии всех трех уровней, в результате синтеза свойств индивида, личности и субъекта возникает индивидуальность, обладающая **особой организацией**. Центральная область индивидуальности – это **я** человека, его внутренний **образ мира**, который, как отмечал Б.Г. Ананьев, является психологическим барьером, определяющим избирательное отношение человека к различным внешним воздействиям [Ананьев 1968: 329].

Мы считаем, что, принимая данную модель человека за основу, можно выстроить целый комплекс взаимосвязанных исследований образа мира как элемента языкового сознания человека – индивида, личности, субъекта или индивидуальности. В этом случае содержание целостного образа мира человека как члена определенного лингвокультурного сообщества будет определяться, с одной стороны, степенью и эффективностью воздействия социума, а с другой – степенью его свободы, опосредованной уровнем сформированности индивидуальности, которая, в свою очередь, детерминирована общественно-исторической жизнью. Именно та-

кая роль отводится историческому времени в концепции Б.Г. Ананьева, который рассматривает историческое время как «фактор первостепенной важности для индивидуального развития человека», отмечая, что «все события этого развития (биографические даты) располагаются относительно к системе измерения исторического времени» [Там же: 154].

Идеи, высказанные Б.Г. Ананьевым, во многих аспектах перекликаются с современными оценками значимости индивидуальных свойств личности для глобальных изменений в обществе. В этом смысле позиция Б.Г. Ананьева совпадает с теоретическими положениями современного эволюционно-исторического подхода к личности А.Г. Асмолова, утверждающего, что «проявления индивидуальности личности преимущественно отражают эволюцию системы к изменению и, будучи преадаптивными по своему эволюционному смыслу, обеспечивают потенциальные возможности новых вариантов дальнейшей эволюции данной социальной системы» [Асмолов 1995: 23].

Таким образом, общественно-историческое время, включающее в себя как социальные влияния, так и влияния культурные – этнической и массовой культур, а также культурного наследия всего человечества – оказывается, как нам представляется, ведущим **внешним** фактором, определяющим не только направление развития человека от индивида до индивидуальности, но и содержание его индивидуального **образа мира**, которое соответствует данной точке его созревания. Если же говорить о **внутреннем** факторе, то можно полагать, что в значительной степени индивидуальность опосредуется фактором интеллекта, определяющим иерархию смысловых ориентаций. Наше предположение основано на том, что индивидуальность противоположна шаблонности, усредненности, причем и первое, и второе суть производное от особенностей мыслительной деятельности. Формирование индивидуальности на внутреннем уровне происходит в процессе рефлексии над своим собственным жизненным путем и окружающим миром, а это возможно лишь в том случае, если человек способен к высокопродуктивной интеллектуальной деятельности (обладает развитыми интеллектуальными способностями) и отличается индивидуальным своеобразием склада ума (в виде индивидуальных познавательных стилей) [Холодная 2002].

Актуальность исследования **образа мира человека** как члена определенной социальной группы подтверждается теми событиями в мире, свидетелями которых мы являемся сейчас. Реальность опровергла сконструированные модели содержания языкового сознания определенных народов, построенные исключительно на основе культурных доминант и не учитывающие многообразия образов мира, ха-

рактрных для людей, находящихся на разных уровнях своего развития. И только комплексный анализ, не игнорирующий как культурные реалии, так и данные об **образах мира в различных группах**, может, на наш взгляд, служить достоверным источником для прогнозирования развития событий в критические для того или иного лингвокультурного сообщества моменты.

Психолингвокультурология

На несколько иных, но очень близких позициях стоит психолингвокультурология¹, что позволяет, на наш взгляд, говорить о том, что данные дисциплины не только не противоречат друг другу, но, напротив, прекрасно дополняют друг друга, взаимодействуя, если угодно, на едином поле исследований.

Как уже неоднократно говорилось (см., напр., [Красных 2012, 2013]), современная гуманитарная парадигма имеет дело со сложным объектом, предстающим как неразрывное и неслиянное единство «человек – сознание – культура – лингвокультура – язык – коммуникация – сообщество». Данное единство может изучаться либо комплексно («целостно», как совокупность всех звеньев), либо фрагментарно («точечно», выборочно). Но в любом случае все его составляющие должны рассматриваться сквозь призму их взаимосвязи, взаимозависимости и взаимообусловленности.

Для предлагаемого, психолингвокультурологического, подхода признание и учет данного сложного, многокомпонентного, многомерного единства является методологическим основанием и в силу этого необходимо обязательным условием. При этом в качестве основного / центрального звена и, следовательно, в качестве **базовой категории** данный подход рассматривает **человека говорящего**. Особо подчеркнем, что данное положение выросло, по сути, из идеи В.Н. Телия, считавшей и неоднократно говорившей об этом в процессе личного общения, что базовой категорией культуры является человек, а базовой оппозицией – достойно / недостойно личности.

Человек говорящий / Homo Loquens может быть определен как носитель сознания, полноправный член сообщества, как личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность (в самом широком смысле: как деятель-

¹ Заметим, что впервые о возможности и необходимости такого подхода мы писали еще в 2002 г. [Красных 2002], но сегодня справедливости ради отметим, что тогда он был назван несколько «плеоназматично» – «этнопсихолингвокультурологией».

ность, необходимо требующая использования языка и опоры на язык). Концепция *Homo Loquens* со всей очевидностью опирается, с одной стороны, на учение Ю.Н. Караулова о языковой личности [Караулов 1987, 1989], с другой – на достижения отечественной психологии и психолингвистики (в первую очередь на работы Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева, А.Р. Лурия, Н.И. Жинкина, А.А. Леонтьева, И.Н. Горелова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, А.А. Залевской и др.).

С одной стороны, человек говорящий формируется как личность, как носитель сознания, как полноправный член некоторого сообщества (некоторых сообществ) именно в коммуникации, впитывая в себя культуру данного сообщества с помощью (в том числе) языка и лингвокультуру с помощью (именно) языка данного сообщества. Следовательно, можно утверждать, что человек говорящий есть **объект** (творение) языка, культуры, лингвокультуры, коммуникации. При этом крайне важно всегда иметь в виду следующее: во-первых, социализованная личность – это отнюдь не окаменевшее образование, напротив, человек говорящий постоянно претерпевает определенные изменения в процессе бесконечного накопления прижизненного опыта; во-вторых, человек говорящий, всегда будучи представителем своей культуры и лингвокультуры, носителем своего языка и т. д., не перестает быть ни представителем рода человеческого, ни отдельной личностью.

С другой стороны, человек-личность – это всегда активное начало. Он (воспользуемся словами В. фон Гумбольдта [Гумбольдт 2000]) «сплетает изнутри себя» язык, культуру и лингвокультуру и «посредством того же акта, он вплетает себя» в них (конечно, сам Гумбольдт говорил только о языке, но, думается, что подобная экстраполяция в данном случае вполне допустима). Следовательно, человек говорящий, будучи носителем сознания и находящийся в непрерывном процессе коммуникации в рамках некоторого сообщества, «сплетающий внутри себя» язык, культуру и лингвокультуру и «вплетающий себя» в язык, культуру и лингвокультуру, оказывается не только объектом, но и **субъектом** (творцом) языка, культуры, лингвокультуры, коммуникации (ср. с идеей Б.Г. Ананьева: «Личность – общественный индивид, объект и субъект исторического процесса» [Ананьев 2001: 235]).

Соответственно, одним из главных признаков предлагаемого, психолингвокультурологического, подхода является его интегративный характер, ибо исследователь-филолог работает со сложным, комплексным объектом, в котором **язык** выполняет функцию **означающего**, а в роли **означаемого** выступают феномены **иной природы** (образ мира, образы сознания, культуруносные смыслы и проч.).

Иначе говоря, внимание сосредоточивается на культурно-маркированных феноменах лингвокогнитивной природы, в которых неразрывно спаяны слово (в самом широком смысле) и воплощенное в нем знание (в философском, историко-культурологическом понимании – см., напр., [Ассман 2004], соотносимом с пониманием культуры и культурной памяти по Ю.М. Лотману [Лотман 1992, 1994]).

Другими важнейшими категориями в рамках психолингвокультурологического подхода являются также **культура** и **лингвокультура**.

Следуя В.Н. Телия [Телия 1996: 222], мы рассматриваем **культуру** как мировидение, мироощущение и миропонимание некоторого сообщества, т. е. как обладающую семиотической природой совокупность представлений (в широком смысле), в которых так или иначе отражается и закрепляется то, как представители данного сообщества видят, ощущают, понимают, интерпретируют, оценивают и – по возможности – объясняют (в первую очередь для себя) окружающий их мир. Понимаемая таким образом культура носит скорее иррациональный характер и зачастую неосознаваема, но в то же время она поддается рефлексии при необходимости и может стать «видимой» и «значимо ощущимой» для самого носителя (особенно в случае столкновения с «иным – другим – чужим» и – особенно – «чуждым»). Формируясь в нас в процессе социализации, это «видение» формирует нас как личность и лежит в основе культурной самоидентификации и идентификации личности.

Такое понимание культуры некоторым образом соотносится, с одной стороны, с концепцией культуры как **пространства некоторой общей памяти** [Лотман 1992], с другой – с понятием **образа мира**, предложенным и разработанным А.Н. Леонтьевым (см., напр., [Леонтьев 1983]) и получившим дальнейшее осмысление не только в сфере психологии и психолингвистики, но и в трудах специалистов, работающих в других областях знания (см., напр., работу Ю.Н. Караулова и Ю.Н. Филипповича, в которой, в частности, представлена многоуровневая модель образа мира [Караулов, Филиппович 2009: 223–240]).

На соотношении указанных феноменов мы остановимся подробнее чуть позже, поскольку это требует, на наш взгляд, отдельного разговора. Сейчас же особо подчеркнем уже высказывавшуюся в данной статье мысль: **в основе образа мира** как такового (т. е. и индивидуального, и этнического/лингвокультурного), **и в основе культуры** всегда лежит **пред-/праобраз мира**, претендующий, вероятно, на универсальность и имеющий архетипическую природу (подробнее см.: [Бубнова, Красных 2013, 2014]). «Архетипическую» по В.Н. Телия: надличностную, коллек-

тивно-родовую, лежащую в основе окультуривания человеком мира, т. е. моделирования человеком космоса из хаоса.

Предлагаемый подход утверждает (и здесь мы не одиноки), что культура обладает способностью, с одной стороны, трансформироваться и изменяться, с другой – воспроизводиться и сохраняться. Воспроизведению и сохранению (до точки взрыва) культуры способствуют, как представляется, именно пред-/праобраз мира, лежащий в ее основе, и доминирование коллективного начала (социального, принадлежащего членам сообщества достояния).

Лингвокультура есть воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых / речевых процессах культура, культура явленная нам в языке и через язык; это феномен лингвокогнитивной природы, формируемый не языковыми единицами, но в первую очередь образами сознания в их вербальных одеждах, что требует особых методов анализа, ибо в фокусе рассмотрения в данном случае находятся не знаки языка, овнешняющие образы, но образы, овнешняемые в знаках языка. Таким образом, «семантика» лингвокультуры – это оязыковленные культуруносные смыслы.

Итак, есть некое «пространство общей памяти», закрепленной именно в знаках языка и опосредованной языковыми значениями, где культурные смыслы явлены нам только в знаках языка, а знаки языка выступают только как тела для знаков языка культуры (напр., [Телия 1996, 2006]). Это «пространство» и есть лингвокультура, претендующая, как представляется, на статус третьей самостоятельной системы (наряду с языком и культурой), обладающей своим словарем и своей грамматикой (подробнее см., напр., [Красных 2005, 2012, 2013]).

И вот теперь мы подходим к вопросу о том, как в рамках психолингвокультурологии соотносятся такие базовые понятия: образ мира (**ОМ**), языковое сознание (**ЯС**), культура (**К**), лингвокультура (**ЛК**), сознание (**С**), язык (**Я**) и человек говорящий (**ЧГ**)?

Как уже говорилось в настоящей статье, **ОМ** предстает в двух ипостасях: **ОМ этнический** (на национальном уровне – *национально-культурный*) – $ОМ_{эtn}$, и **ОМ индивидуальный** – $ОМ_{инд}$. Последний в данном случае нами не рассматривается. Что касается $ОМ_{эtn}$, то он **реконструируется** на основе **общих компонентов индивидуальных образов мира** (обеспечивающих, по А.Н. Леонтьеву, такое неотъемлемое свойство образа мира, как его объективность [Леонтьев 1983]). Но если это так, то не получается ли, что этнический / национально-культурный **ОМ**

по сути и есть культура ($OM_{эти} = K$)? Думается, что подобное допущение не совсем корректно. Дабы объяснить нашу позицию, прибегнем к некоторой аллюзии. Как Солнце «держит» нашу солнечную систему, так есть и некое образование, которое держит и организует любую культуру: это иерархия ценностей, т. е. базовых этических и эстетических категорий культуры. По сути своей это определенная «система координат» культуры, или – в другой терминологии – культурное ядро, т. е. совокупность представлений о добре и зле, о прекрасном и безобразном, о человеке и окружающем его мире¹. Есть ли подобное средоточие этических и эстетических категорий в ОМ? Думается, что ответ не столь однозначен: данные категории, безусловно, наличествуют в ОМ, но они вторичны по отношению к культуре и лингвокультуре, ибо, по А.Н. Леонтьеву, ОМ есть «отображение в психике человека предметного мира, опосредствованного предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающегося сознательной рефлексии» [Там же]. Можно ли разрушить ОМ? Да, конечно, но только если уничтожить или человека – носителя $OM_{инд}$, или сообщество – носитель $OM_{эти}$.

И в завершение разговора приведем предлагаемые нами с позиций психолингвокультурологии трактовки названных в первую очередь в данной части статьи основных понятий. Данные дефиниции никоим образом не претендуют на окончательную завершенность, ибо, во-первых, сама дисциплина – психолингвокультурология – находится еще только в начале пути, а во-вторых, сами формулировки фокусируют внимание исключительно и именно на психолингвокультурологической специфике рассматриваемых феноменов. Они призваны в первую очередь дать более ясное представление о некоторых основополагающих понятиях разрабатываемого направления, что, думается, крайне важно, поскольку многие из них «унаследованы» психолингвокультурологией от предшествующих и смежных наук. Это с одной стороны. С другой – приводимые далее определения могут, на наш взгляд, способствовать более четкому разграничению наиболее значимых для психолингвокультурологии понятий внутри самой дисциплины.

Этнический / национально-культурный образ мира ($OM_{эти}$) есть реконструкция (на этническом / национально-культурном уровне) общих компонентов индивидуальных образов мира (понимаемых по А.Н. Леонтьеву).

---

¹ Вспомним в связи с этим «Тюремные тетради» А. Грамши: пока это ядро стабильно и устойчиво, в обществе есть «устойчивая коллективная воля», направленная на сохранение существующего порядка. Разрушение этой воли и культурного ядра есть условие революции, которое создается путем вторжения именно в культурное ядро [Грамши ЭР].

Языковое сознание (ЯС), будучи по сути своей «совокупностью образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств» (см., напр., [Тарасов 1993, 2004: 41]), включает в себя опосредованный значениями (индивидуальный) образ мира (**ОМ**) во всем его объеме.

Культура (К) – это общие компоненты образа мира, притянутые друг к другу как магнитом единым центром – культурным ядром, системой ценностей, базовыми этическими и эстетическими категориями.

Лингвокультура (ЛК) – это только спаянные культурой общие компоненты языкового сознания (ЯС), т. е. опосредованные значениями и скрепленные культурным ядром общие компоненты образа мира.

В основе «куста» данных феноменов лежит (и с точки зрения диахронии – в плане филогенеза, и с точки зрения синхронии), являясь его своеобразным «корневищем», **пред-/праобраз мира**.

Пред-/праобраз мира (ПрОМ) – неосознаваемая носителем сознания (как индивидуального – личностью, так и коллективного – и личностью, и лингвокультурным сообществом) совокупность глубинных представлений, имеющих предположительно архетипическую природу и претендующих, вероятно, на универсальность, которая (совокупность) лежит в основании ОМ как такового; ПрОМ предстает в двух ипостасях: **предобраз мира** для $ОМ_{инд}$ и **праобраз мира** для $ОМ_{эtn}$.

Язык (Я) – это: 1) означающее **С** и **ЯС**, **К** и **ЛК**, **ОМ** в целом; 2) (основной, но не единственный) инструмент: а) социализации личности и формирования **ЧГ**, б) формирования **С**, **ЯС**, **ОМ**; 3) (основной, но не единственный) инструмент и канал трансляции **К** (как «вертикальной», межпоколенной, так и «горизонтальной», между современниками – представителями разных культур); 4) основной инструмент формирования и основной канал (в первую очередь «вертикальной») трансляции **ЛК**.

Человек говорящий (ЧГ) – это: 1) личность – носитель $ОМ_{инд}$, и член сообщества – носитель $ОМ_{эtn}$, 2) носитель **С**, **ЯС** и **Я**, 3) представитель **К** и **ЛК**, 4) субъект **ПрОМ**.

Изучения **лингвокультуры** и **человека говорящего** как носителя сознания, языкового сознания, образа мира (в первую очередь этнического / лингвокультурного), как объекта и субъекта языка, культуры, лингвокультуры, коммуникации

имеет непреходящее значение, поскольку помогает лучше увидеть, понять и объяснить, что именно делает человека-индивида человеком-личностью, представителем своего сообщества. В наши дни подобные исследования приобретают, как нам представляется, особую актуальность (в частности, в связи с событиями, происходящими в современном мире).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Безусловно, в данной статье высказаны лишь некоторые идеи, которые имеют дискуссионный характер и требуют дальнейшего развития и осмысления проблемных областей. Однако нам представляется, что преимущество предлагаемых подходов заключается в глубинной научной рефлексии основных теоретических положений психологии личности, классической отечественной психолингвистики, лингвокультурологии. Данные подходы, взаимно дополняя друг друга, позволяют, на наш взгляд, исследовать проблему национального / этнического / лингвокультурного своеобразия, создавая многоуровневый, многомерный, многокомпонентный портрет (своего рода голограмму) человека говорящего, поскольку идут и со стороны языка, культуры и лингвокультуры, и от самого человека во всей его целостности, учитывая все стороны его жизнедеятельности. Более того, данные подходы, по нашему мнению, являются перспективными и крайне необходимыми, ибо отвечают требованиям сегодняшней реальной жизни, так как дают возможность объяснять своеобразие поведения и отдельного человека, и лингвокультурного сообщества в целом как с точки зрения культурных доминант того или иного этноса (в первую очередь закрепленных в знаках языка), так и исходя из индивидуальности отдельных его представителей.

Будет ли у этих интересных, многообещающих, интегративных по своему характеру направлений серьезное научное будущее, покажет время. Но нам думается, что все предпосылки для этого есть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К.А. *Стратегия жизни*. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. Ананьев Б.Г. *О проблемах современного человекознания* / АН СССР, Ин-т психолог. М.: Наука, 1977. 380 с.

3. Ананьев Б.Г. *Человек как предмет познания*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. 339 с.
4. Ананьев Б.Г. *Человек как процесс познания*. 3-е изд. СПб.: Питер, 2001. 288 с. (Серия «Мастера психологии»).
5. Асмолов А.Г. *Историко-эволюционный подход в психологии личности*. Дисс.... докт. психол. наук. М.: МГУ, 1995.
6. Ассман Я. *Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской*. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с. (*Studia historica*).
7. Бубнова И.А. *Абстрактное имя и интеллект: когнитивная модель как отражение индивидуального ментального опыта*. Минск: МГЛУ, 2004. 239 с.
8. Бубнова И.А., Красных В.В. *Личность постиндустриального общества как объект неопсихолингвистики // 10th International Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics. June 26–29 2013 Moscow, Russia. Proceedings*. М.: РУДН, МИЛ, ИЯз РАН, 2013. С. 53–54.
9. Бубнова И.А., Красных В.В. *Человек и его образ мира как объект и предмет современных интегративных исследований: традиции и новации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия Филология. Теория языка, языковое образование*. 2014, № 4 (16). С. 80–88.
10. Выготский Л.С. *История развития высших психических функций // Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 3. / Отв. ред. А.В. Запорожец*. М.: Педагогика, 1983. 367 с.
11. Грамши А. *Тюремные тетради*. [Электронный ресурс – ЭР] URL: http://modernlib.ru/books/gramshi_antonio/tyuremnie_tetradi_izbrannoe/read/ Дата последнего обращения: 03.05.2015.
12. Гумбольдт В. фон. *Природа и свойства языка вообще // Избранные труды по языкознанию*. / Общ. ред. Г.В. Раминшвили; Послел. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М., 2000. URL: <http://lib.rus.ec/b/325096/read>. Дата последнего обращения: 28.03.2015.
13. Караулов Ю.Н. *Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность*. М.: Наука, 1989. С. 3–8. URL (напр.): http://destruction.narod.ru/karaulov_jasikovaja_lichnost.htm. Дата последнего обращения: 03.05.2015.
14. Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность*. М.: Наука, 1987. 264 с.

15. Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М.: Азбуковник. 2009. 336 с.
16. Красных В.В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации // Вестник ЦМО. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2012, № 3. С. 67–73.
17. Красных В.В. Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // *Respectus philologicus*. 2005, № 7 (12). С. 10–24.
18. Красных В.В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013, № 2. С. 7–18.
19. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология как конституенты новой научной парадигмы // Сфера языка и прагматика речевого общения. Междунар. сб. науч. трудов. К 65-летию фак-та РФФ Кубанского гос. университета. Книга 1. Краснодар: Изд-во Куб. ун-та, 2002. С. 204–14.
20. Красных В.В., Бубнова И.А. Человек говорящий в свете психолингвокультурологического подхода // 10th International Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics. June 26–29 2013 Moscow Russia. Proceedings. М.: РУДН, МИЛ, ИЯЗ РАН, 2013. С. 55–56.
21. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.
22. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261. URL (напр.): <http://www.infoliolib.info/psih/leontyev/obrazmira.html>. Дата последнего обращения: 28.03.2015.
23. Лотман Ю.М. *Bibliotheca Lotmaniana*. Непредсказуемые механизмы культуры // Таллиннский университет. TLU Press, Таллинн 2010. 232 с.
24. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVII – начало XIX века). СПб., 1994. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Vuks/History/Lotman/index.php. Дата последнего обращения: 28.03.2015.
25. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. URL (напр.): <http://www.philology.ru/literature1/lotman-92f.htm>. Дата последнего обращения: 28.03.2015.
26. Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды: Основы онтологии, логики и психологии / РАН, Ин-т психологии. М.: Наука, 1997. 462 с. (Памятники психологической мысли).

27. Рубинштейн С.Л. *Основы общей психологии*. СПб.: Питер, 1998. 705 с. (Мастера психологии).
28. Тарасов Е.Ф. *Введение // Язык и сознание: парадоксальная рациональность*. М.: Институт языкознания, 1993. С. 6–15.
29. Тарасов Е.Ф. *Языковое сознание // Вопросы психолингвистики*. 2004, № 2. С. 34–47.
30. Телия В.Н. *Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв. ред. В.Н. Телия*. М.: АСТ ПРЕСС-Книга, 2006. С. 776–782.
31. Телия В.Н. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
32. Уфимцева Н.В. *Предисловие // Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов*. М., 2004. 800 с. URL: http://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/SAS_pdf/SAS.pdf. Дата последнего обращения: 10.11.2015.
33. Холодная М.А. *Психология интеллекта. Парадоксы исследования*. 2-е изд. СПб.: Питер, 2002. 272 с.

ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 811.161.1'42

Речежанровые заимствования

BORROWING SPEECH GENRES

Дементьев Вадим Викторович

Dementyev Vadim Viktorovich

Статья посвящена заимствованию речевых жанров, которое является одной из важнейших и одновременно одной из наименее изученных проблем лингвокультурологического и компаративного жанроведения. Обсуждаются сферы и типы заимствуемых жанров через призму глобализации. Много внимания уделяется фатическим речевым жанрам (светская беседа, флирт). Лингвистические особенности ряда заимствованных речевых жанров подробно анализируются с использованием методов корпусного анализа и анкетирования.

The article is devoted to speech genres borrowing, which is one of the most important and at the same time one of the least studied problems of linguistic-cultural and comparative genistics. The sphere and types of borrowed genres are discussed through the prism of globalization. Much attention is paid to the phatic speech genres (high society small talk, flirtation). Linguistic features of some borrowed speech genres are analyzed in detail using the methods of corpus-based analysis and questionnaire survey.

The genres borrowed by the Russian culture from the English-speaking / globalised culture include the inner structure elements which correspond to the general patterns of the communicative concepts organization (the ratio of speech genres, speech acts, types and so forth). The group of relevant barbarisms is rather insignificant, but it is arranged in its own way and reflects the important trends both in the modern Russian lexical semantics and in the structure of the modern Russian communication. The present study provides a starting-point for further research in the sphere the borrowing speech genres.

Ключевые слова: теория речевых жанров, речежанровая картина современности, глобализация, интернет-коммуникация, заимствование речевых жанров

Keywords: theory of speech genres, speech genre picture of modernity, globalization, Internet-based communication, borrowing speech genres

РЕЧЕЖАНРОВЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ

В.В. Дементьев

Заимствование речевых жанров (далее – РЖ) является одной из важнейших и одновременно одной из наименее изученных проблем лингвокультурологического и компаративного исследования РЖ.

Только лексический аспект заимствования РЖ – заимствование имен жанров – является относительно хорошо рассмотренным в комплексе лингвистических дисциплин, в рамках которых на протяжении XX в. изучались языковые заимствования и смежные явления, такие, как интерференция и конвергенция: теория языковых контактов, ареальная лингвистика, изучение языковых союзов (в данных направлениях преимущественно рассматривались именно лексические заимствования) [Богданов 2006; Horecky 1991; Przybylski 1986; Rathmayr 2002]; в последние годы активно исследуются когнитивные аспекты лексико-семантических заимствований [Люциньски 2010; Маринова 2012)]¹.

Остальные же заимствуемые и интерферирующие явления и механизмы: коммуникативно-речевые практики и стили, иллокутивные акты и интеракции, стратегии и тактики коммуникативного взаимодействия, наконец, конкретные языковые средства наполнения и структурирования высказывания, включая стандартные формулы типов и стадий диалогического общения, – изучены гораздо хуже. В общей теоретической плоскости, как некое системное явление данные аспекты практически не осмыслились. В целом в названном выше комплексе дисциплин заимствованию элементов речевой системности, куда относятся РЖ, уделялось мало внимания.

Данное ограничение начинает исправляться только в современных работах по теории речевых жанров, хотя небыстро и не всегда последовательно.

---

¹ Литературоведческая проблема заимствования и распространения за национальные границы художественных жанров и направлений здесь не рассматривается. Данная проблема в целом хорошо изучена еще начиная с раннего Средневековья, когда в Европе стали осваивать как традиции античного эпоса, так и традиции античного театра, – см., например: [Аверинцев 1986; Фрейденберг 1997; Шеффер 2010].

Прежде всего это касается того направления теории речевых жанров (далее – ТРЖ), задачей которого является представление общей речежанровой картины современности. Начальный импульс такому изучению был дан еще М.М. Бахтиным, определившим РЖ как «приводные ремни от истории общества к истории языка» [Бахтин 1996: 165]. В современной ТРЖ данный аспект разрабатывается в нескольких группах исследований:

- во-первых, изучение современности: культуры, коммуникации, общества – через призму РЖ («Речевые жанры, выделенные данным языком, являются <...> одним из лучших ключей к культуре данного общества» [Вежбицкая 1997: 111]). К сожалению, специальных работ, в которых данная проблема решалась бы систематически, пока очень мало – можно назвать лишь единичные, хотя и интересные попытки: [Карасик 2013; Mustajoki 2013]);

- во-вторых – изучение самих РЖ через призму современности: собственно говоря, почти каждое исследование, претендуя на адекватность, использует комплексный подход, при этом связывает изучаемый РЖ с более или менее широким культурно-историческим контекстом. Назовем лишь несколько работ, с нашей точки зрения, наиболее показательных: [Hanks 2000; Салимовский 2002; Седов 2006; Lakoff 2006].)

Многие механизмы заимствования являются общими для лексики и РЖ. Как и в случае лексических заимствований, заимствование РЖ вызывает изменения в языке-реципиенте, начиная от формального и в целом незначительного заимствования единиц языка/речи при в целом сохранении традиционных систем и норм – до видоизменения системы, включая переосмысление таких общих категорий, как система коммуникативных приоритетов и ценностей, представлений о хороших межличностных отношениях, гармонизирующем общении, проявлении уважения, а отсюда – о вежливости и этикете. Как и лексема/идиома, жанр может заимствоваться в оригинальном виде либо (накладываясь на существующую в культуре-реципиенте систему) довольно сильно видоизменяться, в результате может возникнуть принципиально новый жанр, отсутствующий в культуре-доноре.

В то же время, очевидно, заимствование РЖ имеет ряд специфических особенностей, которые мы и хотим рассмотреть.

ЗАИМСТВОВАНИЕ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:

СФЕРЫ И ТИПЫ ЗАИМСТВУЕМЫХ ЖАНРОВ

В последнее время аспект речжанровых заимствований особенно актуален в ТРЖ по причине глобализации.

В.И. Карасик определяет глобализацию как «унификацию мировой культуры под воздействием доминирующего цивилизационного направления» [Карасик 2014: 103], которое, по мнению исследователя, в настоящее время составляют «модели поведения среднего класса США: эти модели поведения отличаются приоритетом действия по отношению к созерцанию, высокой мобильностью и состязательностью, подчеркнутым стремлением к независимости, материалистической прагматичностью» [Там же]. В.И. Карасик выделяет основные коммуникативные проявления чужой современной культуры: 1) экспансия чужого языка и чужих коммуникативных паттернов в различные типы дискурса на родном языке; 2) расширение сферы массовой культуры как основного проводника глобализации в ее жанровом многообразии; 3) трансформация ценностей в сознании носителей языка и культуры под влиянием процессов глобализации [Там же: 105], а также сферы коммуникации, в меньшей и большей степени открытые для интернационализации общения: с точки зрения исследователя, максимально открытой такой сферой является научно-технический дискурс, максимально закрытой – художественный дискурс [Там же]. Но прежде всего, по мнению В.И. Карасика, глобализация осуществляется через современную массовую культуру, а в коммуникативном плане для нее особенно актуальны массово-информационный и рекламный типы дискурса [Там же: 108].

Глобализация обуславливает целый ряд особенностей речевых жанров. Так, с одной стороны, процессы, выявленные для новых РЖ в одной культуре (например русской), часто имеют более универсальный характер, чем это было (и могло быть) несколько десятилетий назад. С другой стороны, на первый план вновь (как и в другие динамичные эпохи, такие как Петровская и послереволюционная эпохи в России/СССР или «постсамурайская» в Японии XIX в.) закономерно выходят проблемы заимствования жанров, соответственно – проблемы речжанровой лакунарности, безэквивалентности и т. д. (см., например, [Алпатов 2007]).

И для первого, и для второго аспектов глобализации в современной коммуникации очевидно большую роль играет развившийся за последнее десятилетие-полтора Интернет: подчеркнем, что все основные интернет-жанры (*блог, форум,*

чат, интернет-энциклопедия) являются универсальными и несомненно имеют гораздо больше общего в разных культурах/языках с точки зрения своей речевой структуры, чем различий. При этом все они изначально осуществлялись на английском языке, отсюда большое количество англицизмов (или универсализмов на базе английского языка) в общении в рамках данных жанров на других языках.

Конечно, стремление к унификации, жанровые заимствования характерны и для неинтернет-коммуникации. Подобный опыт очень богат у Европы: несомненно, языковые структуры широко известных лингва-франка, пиджинов складывались на основе отработанных речевых практик, т. е. РЖ (прежде всего в сфере торговли, но не только), однако информации о тех средневековых жанрах, как и коммуникации людей в целом, сохранилось очень мало. Значительно благоприятнее для жанроведа современная ситуация. Так, в странах Евросоюза в непосредственное устное общение ежедневно вступают миллионы носителей разных языков / «речевых компетенций». В результате происходит не только взаимобмен жанрами, но и формирование новых РЖ, которые еще только начинают изучаться. Ср. исследование А. Мустайоки, посвященное новому, с его точки зрения, жанру в странах Евросоюза – *международной конференции на английском лингва-франка*: конференция проводится обычно в другой стране, большинство участников говорят не на родном языке, при этом использование лингва-франка добавляет парадоксальную особенность общению – люди понимают друг друга лучше, чем в естественных условиях [Mustajoki 2013]. Добавим, что подобный жанр, конечно, можно представить и в России, но все же труднее, чем в Хельсинки, где, в свою очередь, он практически невозможен на финском языке (тогда как международная конференция в Москве и даже вне России на русском лингва-франка – распространенное явление, хотя сейчас и меньше, чем лет 30 назад).

Заимствования РЖ, обусловленные глобализацией или ее аналогами в предшествующие эпохи, – далеко не новое явление, и в лингвистике (шире – филологии) такие жанры неоднократно рассматривались. Ср. такой жанр неофициального публичного фатического общения представителей привилегированного класса, как *светская беседа* (далее – СБ) (используем для простоты это название русского варианта данного жанра, хотя это и не вполне корректно по отношению к другим культурам). Исследователями были показаны универсальные черты такого общения в разных европейских культурах, развивавшихся в сторону *цивилизированности*: западноевропейских (сначала романских, потом германских) [Старобинский 2002] и в русской культуре (собственно *светская беседа*) [Лотман 1994; Фенина 2005].

СБ, согласно И.А. Стернину, – «взаимно приятный, ни к чему формально не обязывающий разговор на общие темы, основная цель которого – провести время с собеседником, оставаясь с ним в вербальном контакте, в роли официальных гостей либо в роли только что представленных друг другу и еще мало знакомых друг с другом людей» [Стернин 1996: 3]. Согласно К.Ф. Седову, СБ представляет собой одну из разновидностей базового гипержанра фатического общения *разговор*, доминанту СБ исследователь определяет как *вежливость* (другие разновидности гипержанра *разговор* – *разговор по душам* (доминанта *искренность*), *болтовня* (доминанта *несерьезность*), *дружеский разговор* (он же – *разговор в компании*) (доминанта *дружелюбие*)) [Седов 2011: 33–36].

В русской культуре представления о коммуникативных нормах и образцах СБ восходят к Петровской эпохе, когда складывались нормы поведения представителей власти, которые должны вести себя не как все, говорить по-французски – на языке, непонятном простолюдинам, – и иначе общаться фатически. В это время на существующее представление о коммуникативных образцах, опирающееся на традиции народной культуры, накладываются нормы заимствованного жанра СБ, которые во многом остаются актуальны до сих пор: элитарность (СБ владеют не все, за собеседником признается достаточно высокий социальный статус), праздничность (неповседневность или хотя бы просто занимательность: собеседники будут говорить скорее всего о том, что, как им кажется, может представлять интерес), изощренность (естественно, первоначально СБ велась только по-французски). Как показывают исследования, к концу XX в., несмотря на то, что не было «света», т. е. дворянства, основные содержательные доминанты понятия «*светский*» остались прежними: с одной стороны, высокий социальный статус, элитарность, с другой – некоторая фальшь, пустота [Антология речевых жанров 2007: 149–161]. Интересно, что первые существенные изменения как в общекультурном, так и лингвистическом содержании *света* / *светского* произошли на протяжении последних десяти-пятнадцати лет – как нам представляется, они были более серьезными, чем в 1917 г. Мы имеем в виду появление в это время у *светский* частичного синонима – заимствованной лексемы *гламур* / *гламурный*. Данная лексема называет новое и уже ставшее очень заметным, хотя во многом еще не сформировавшееся до конца явление. Анализ контекстов в русской речи новейшего периода, в которые вступают «*светскость*» (коммуникативная составляющая – *светская беседа*) и «*гламурность*» (коммуникативная составляющая которой пока не ясна: *?гламурная беседа*), будет представлен в следующем параграфе.

Несмотря на то, что СБ в русской культуре заимствованный жанр, его аналоги в других европейских культурах могут быть полностью или частично лишены пере-

численных качеств. Это было показано экспериментальным способом в кандидатской диссертации В.В. Фениной [2005], в которой сравнивались русская *светская беседа* и *small talk* в англосаксонской культуре.

Около 200 информантам – преподавателям и студентам саратовских и волгоградских вузов, – была предложена анкета, содержащая вопросы: *Какого человека можно назвать светским? Какой должна / не должна быть настоящая светская беседа? Какие из перечисленных тем наиболее подходят для светских бесед? Кому необходимо владеть светской беседой?* и т. д. Результаты анкетирования показали, что в представлении современных носителей русского языка светский человек – это тот, кто всегда ведет себя согласно правилам этикета, воспитанный, с хорошими манерами (76%), образованный, интеллигентный, эрудированный (56%). К таким людям большинство опрошенных отнесло режиссера Никиту Михалкова (52%), Президента РФ Владимира Путина (34%), телеведущего Владимира Познера (32%). Светская беседа должна быть прежде всего интересной – 64% (причем информанты, отмечавшие «интересная», как правило, отмечали также «красивая») и не должна быть агрессивной, пошлой и пустой. Во время светской беседы говорят о литературе, театре, кино (80%), о новостях из общественной жизни (57%) и, как правило, не говорят о погоде, спорте, религии, семье, работе. Светской беседой должен владеть, прежде всего, человек культурный, известный, успешный, представитель элиты, «изысканных» профессий: дипломат (51%), журналист (47%), артист (47%), политик (38%), бизнесмен (33%), реже назывались ученые (19%) и крайне редко – военные (3%).

Позже было проведено анкетирование около 100 американских преподавателей и студентов (Лэрэми, штат Вайоминг, The University of Wyoming). Были предложены сходные вопросы: *Which words would you immediately associate with small talk? Why do we need to use small talk? Which would be the most appropriate topics during small talk? What kind of person should be able to use small talk? How would you define a small-talker?* и т. д. Ответы лишь отчасти совпали с данными первого эксперимента: в сознании носителей английского языка *small talk* есть доброжелательное (86,1%), повседневное (64,5%), неоткровенное (51,1%) и поверхностное (51,1%) общение, имеющее целью создание доброжелательной психологической атмосферы (69%) и заполнение пауз (52%). Наиболее распространенными темами *small talk* являются спорт (82%) и погода (78,4%), а также проведение выходных (68,4%). Подавляющее большинство опрошенных американцев (78,7%) считает, что данным речевым жанром должен владеть *каждый человек (everyone)* независимо от профессии и социального статуса (в том числе *businessman / woman, show-biz celebrity, politician, diplomat, scientist, PR, military person*).

Для изучения подобных жанров необходимо тщательно разграничивать универсальные и национальные особенности. В противном случае велика вероятность этноцентризма (как справедливо отмечает А. Вежбицкая, в современной лингвистике это прежде всего англоцентризм [Wierzbicka 2006]). Это может иметь место, например, когда исследователи ставят знак равенства между тем *small talk*, которому Генри Хиггинс учит Элизу Дулиттл в «Пигмалионе», и той *светской беседой*, которой не может овладеть Пьер Безухов (ибо не является носителем картины мира *светского человека*), или когда в коллективной монографии «Small talk», вышедшей в Лондоне под редакцией Дж. Купланд [Small talk 2000], рассматриваются *британский, новозеландский, польский, израильский* и т. д. *small talk* без выявления каких-либо национальных различий.

Глобализация может вызывать изменения, причем в одном и том же направлении, т. е. по сути нивелирование, традиционных жанров. В качестве примера можно назвать РЖ *флирт*, который, с одной стороны, является одним из древнейших и естественнейших жанров, присущих человеческому обществу [Антология речевых жанров 2007: 269–283], с другой – имеет отчетливое национально-культурное, социальное и аксиологическое содержание: «Культура формирует эротический код, ритуал ухаживания и сексуальную технику» [Кон 1988: 121]. Следует подчеркнуть, что флирт изначально существовал как любовная речевая игра, главной отличительной особенностью которой был косвенный характер коммуникации, протекающий, по Э. Берну, из несоответствия «поверхностных структур» и «скрытого сексуального содержания транзакций»: *КОВБОЙ: Не хотите ли посмотреть конюшню? – ДЕВУШКА: Ах, я с детства обожаю конюшни!* [Берн 1988: 25].

В этом отношении является показательной одна инновация наднационального масштаба (это доказывают примеры из и русскоязычного, и англоязычного Интернета): современный флирт (особенно в речи молодежи и в Интернете, но не только) в значительной степени утрачивает игровой характер и даже косвенность.

С одной стороны, наблюдения показывают, что флирт в Интернете распространился так сильно, что присутствует (в виде важной составляющей: ведь пользователи, в большинстве, молодые люди) в огромном объеме интернет-пространства, далеко выходя за пределы «подходящих» для этого жанров (таких как чаты и часть тематических форумов и блогов). С другой стороны, став фактически обязательной частью любого интернет-общения, флирт в значительной степени утрачивает свою непрямую природу. Это касается, например, трансформации семантики лексемы *флирт* (а также *флиртовать, flirt, flirting, flirtation*) в современной интернет-речи: практически все подборки, форумы, чаты, предлагаемые

в Интернете на стимулы *флирт, flirt*, включают огромное количество абсолютно прямых, полностью лишенных игрового начала сексуальных смыслов, интенций и призывов (*Флирт и общение без ограничений!*; *Знакомства, флирт, любовь онлайн. Бесплатно и анонимно; Найди свою любовь на сайте Флирт.рф; Эротическое общение для тебя; Flirting, watching porn, oggling other people; Flirting, kissing, and of course sex; Send me your naked pictures*). Напротив, найти что-либо в традиционном значении (флирт-игра, флирт-намек, словесный поединок в любовной игре, флирт-«динамо») в современных интернет-ресурсах не так-то просто. Складывается впечатление, что *флиртом* теперь называется все то в гендерно маркированном поведении мужчины и женщины, что просто выходит за рамки собственно полового акта, или же... слово *флирт* превращается в эвфемизм прямого наименования полового акта.

Данные трансформации, как уже было сказано, не ограничиваются интернет-общением – приведем пример из произведения последнего времени – романа Хелен Филдинг «Дневники Бриджит Джонс»:

Huh. Had dream date at an intime little Genoan restaurant near Daniel's flat... The second we were inside his flat we upon each other like beasts: shoes, jackets, strewn in a trail across the room.

'I don't think this skirt's looking at all well,' he murmured. 'I think it should lie down on the floor.' As he started to undo the zip he whispered, 'This is just a bit of fun, OK? I don't think we should start getting involved.' Then, caveat in place, he carried on with the zip. Had it not been for Sharon and the fuckwittage and the fact I'd just drunk the best part of a bottle of wine, I think I would have sunk powerless into his arms. As it was, I leapt to my feet, pulling up my skirt.

'That is just such crap,' I slurred. 'How dare you be so fraudulently flirtatious, cowardly and dysfunctional? I am not interested in emotional fuckwittage. Goodbye.'

Может показаться странным, что поведение Дэниела названо *флиртом* – трудно даже представить эротические желания, выраженные более прямо. Однако дефиниция, которую с легкостью нашла для его поведения Бриджит, кажется для нее вполне естественной.

Глобализация обуславливает появление новых речевых явлений и в, казалось бы, наиболее консервативных бытовых сферах, таких как **сфера потребления**. Интересные примеры жанров «гастрономического общения» в США: *меню* в ресторане (включая его обсуждение клиентом и официантом) и *поваренных*

книг – приводит Робин Лакофф [Lakoff 2006]. Исследовательница показывает, что за последние 150 лет знания и умения в гастрономической сфере для среднестатистических *white, middle-class residents of California* (но приводимые ею данные во многом приложимы к другим культурам, например современной российской) подверглись значительным изменениям. Так, «активный гастрономический лексикон» современного американца включает множество названий блюд, продуктов, ингредиентов, деталей приготовления и т. д. на пяти или шести языках: французском, итальянском, испанском, китайском, японском и, возможно, хинди или тайском, – которых раньше не было, например: *pain de mie* ‘французский хлеб’; *pappadums* ‘соус карри паппадум’; *garde-manger* (работник ресторана, чьи обязанности заключаются в наблюдении за приправами, специями и другими деталями доведения блюд до полной готовности); *food Nazi* («фуд-нацист», человек, который квалифицирует людей по их диете: невротик, который жаждет принадлежать к «элите», обычно вегетарианской, причем пытается исключить как можно больше людей из этой группы, оскорбляя их кличками) [Там же: 142–144].

В следующих двух параграфах некоторые выявленные особенности заимствованных речевых жанров попытаемся проанализировать с использованием ряда различных лингвистических методов.

СВЕТСКОСТЬ И ГЛАМУРНОСТЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ (КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ)

Некоторые особенности современного бытования СБ помогает выявить корпусно-поисковая система Integrum.

Статистический анализ подтвердил: в современной русской речи слово *светский* является чрезвычайно распространенным. Система Integrum выдала в общей сложности 339572 контекстов для «*светский*» (анализировались публикации в современной русской прессе: российские и русскоязычные зарубежные издания, 6328 источников за период с 1992 по 2009 гг.).

Эти контексты делятся на две отчетливо противопоставленные группы: традиционные, по-видимому, автоматически связываемые с классической литературой: *беседа; вечер; дама; круг; лев; лоск; львица; манеры; общение; общество; прием; разговор; раут; салон; сплетни; человек; этикет* и др., и в большей степени

новые, современные: *тусовка, тусовщик, тусовщица, звезда, дива, треп, болтовня, презентация, вечеринка* и др.

Анализ подтверждает, что в современных контекстах реализуются, в общем, все те же коммуникативные характеристики концепта *светский* (то есть характеристики СБ), что были выявлены для прошлых эпох.

- высокий социальный статус собеседников их принадлежность к «светскому обществу» людей избранных – известных, публичных, «тусовочных»:

Мария Арбатова быстро нашла общий язык с Валентином Юдашкиным – завела с ним светскую беседу. У «Премьеры» нет плохой погоды. Московский комсомолец; 04.09.2007;

- расширенная по сравнению с обычной коммуникативная компетенция, риторические умения, которыми владеют не все:

Я, например, научилась непринужденно разговаривать ни о чем и часами поддерживать светские беседы. Жених по интернету. Дочки-матери / приложение к АиФ; 29.12.2004;

- светская беседа имеет неповседневный характер, должна быть яркой, праздничной, искусной, изощренной:

Вассерман, надо заметить, в светской толпе ничуть не смутился. Напротив – с удовольствием обнимал длинноногих моделей, угощался черной икрой и вел светские беседы с гостями. Московский комсомолец; 05.07.2008;

- в то же время светская беседа – это беседа «ни о чем»:

Я ничего не рассказывала о себе, была какая-то светская беседа... Елена Ханга. Дочки-матери / приложение к АиФ; 12.03.2003.

Контексты со «*светский*» были рассмотрены в сравнении с контекстами с «*гламурный*». Integrum выдала в общей сложности 91585 контекстов для «*гламур*» / «*гламурный*», из них по годам: 1992 – 1; 1993 – 0; 1994 – 0; 1995 – 1; 1996 – 11; 1997 – 88; 1998 – 120; 1999 – 138; 2000 – 207; 2001 – 677; 2002 – 998; 2003 – 2444; 2004 – 4607; 2005 – 8431; 2006 – 16787; 2007 – 25099; 2008 – 25165; 2009 – 6886.

Нередко *светский* и *гламурный* абсолютные синонимы, как в следующих примерах:

Ксения отправится по светским вечеринкам, фитнес-центрам, выставкам и концертам – местам, где можно встретить претендента на руку и сердце. Комсомольская правда; 14.02.2008;

Пользуясь журналистскими связями, доставала ей пригласительные на гламурные вечеринки, где подруга заводила новые знакомства. Комсомольская правда; 20.12.2008.

В то же время во многих своих значениях данные концепты расходятся. Выявить различия поможет более детальный анализ сопоставимых и несопоставимых контекстов, в которых встречаются *свет* и *гламур* в современной прессе.

В количественном отношении выделяются три группы: 1) сопоставимые контексты; 2) контексты, в которых заметно больше доля *светский*; 3) контексты, в которых заметно больше доля *гламурный*.

Светский незаменим или малозаменим на *гламурный* в следующих сферах: когда подчеркивается, что речь идет о реалиях прошлого (прежде всего, XIX века; *альбом, аристократ, хлыщ*), в устойчивых словосочетаниях (также восходящих в этому прошлому; *светский денди, светский раут*), в коммуникативных понятиях (также обычно называемых посредством устоявшихся выражений; *светская беседа, светский этикет, светские манеры*), наконец, во всех случаях, когда актуализируются такие семы понятия *свет*, как аристократизм, элита, статус, власть.

Для *гламурный* безэквивалентными сферами являются, прежде всего, сфера эксперимента (*бренд, трэш*), отрицательно-оценочные экспрессивные «молодежные» характеристики, прежде всего характеристики человека (нередко это жаргонные лексемы) (*стерва, подонок*), ситуации, когда на первый план выходят внешние характеристики, эффекты (*шик, роскошь, имидж, красotka*), наконец, мир моды, точнее, мир модной одежды (*прикид, прическа, купальник*), а также модные заведения, здания (*ресторан(чик)*).

Показательно, что среди слов, с которыми могут сочетаться *гламурный*, многие имеют «непостоянную лингвистическую прописку» в литературном языке – жаргонизмы, в том числе слова с ярко-отрицательными коннотациями (*бл...дь, курва, мерзавец, педераст, подонок, рожа, сопля, фигня, шлюха*), неологизмы (*бойфренд, гей, кутюрье, нимфетка, стразы, трэш, фенечки, хит*), молодежные диминутивы (*киска, пупсик, телка, трусики, шубка, фенечки*). Если в целом предсказуемо в этом «гламурном» ряду место слов: *феерия, шоколад, ореол*,

купальник, шик, эротика, то сочетания *гламурного* со словами типа: *тетка, баба, мужик, пацан, провинциал, камуфляж, дитя, ангел, поп, мессия* могут показаться неожиданными. Конечно, большинство таких «неожиданных» сочетаний обладают мощным зарядом экспрессии:

Немного гламурных соплей на закуску, или, чтобы утешить девочек, два часа двадцать минут мучавшихся почему зря. Страна.Ru; 16.05.2008;

Сколько раз вы видели по телику или в журнале одни и те же гламурные рожи! Урал (Екатеринбург); 15.05.2007.

Процентный коэффициент соответствий. Следующая часть нашего исследования была посвящена выяснению, насколько в целом явления и понятия с определением *светский* обнаруживают тяготение к *гламурности*. Данное исследование также было статистическим, с использованием возможностей системы Integrum: для этого нами фиксировались все контексты со словосочетаниями, включающими определение *светский*, в которых, кроме того, использовалась и лексема *гламур / гламурный*. При этом был задан режим расширительного поиска: слово *гламур / гламурный* должно быть внутри того же текста (в данном случае – одной и той же газетной статьи), что и словосочетание с определением *светский*, но необязательно в том же предложении.

Для этого были выбраны лексемы, где 1) было зафиксировано самое большое число контекстов для словосочетаний с определением *светский*, 2) по возможности было бы также большое число контекстов для словосочетаний с определением *гламур / гламурный*. Третья колонка – процентный показатель.

«Светский» + «гламур» в одном контексте – 11413 (10787) контекстов (1992–2009), из них:

	кол-во контекстов для <i>светский</i> всего	контекстов вместе с «гламур»	
		количественный показатель (в скобках – для <i>гламурный</i>)	процентный показатель (для <i>гламур</i>)
<i>беседа</i>	5152	179 (161)	3,47
<i>болтовня</i>	423	22 (22)	5,20
<i>вечер</i>	828	31 (27)	3,74
<i>вечеринка</i>	5544	467 (450)	8,42
<i>диалог</i>	64	4 (4)	6,25
<i>мероприятие</i>	15262	796 (770)	5,21

		кол-во контекстов для светский всего	контекстов вместе с «гламур»	
			количественный показатель (в скобках – для гламурный)	процентный показатель (для гламур)
КОММУНИКАТИВНЫЕ	<i>общение</i>	860	18 (17)	2,09
	<i>па(р)ти</i>	41	2 (2)	4,87
	<i>презентация</i>	56	9 (30)	17,85
	<i>прием</i>	3371	100 (98)	2,96
	<i>разговор</i>	1225	27 (25)	2,20
	<i>раут</i>	11170	622 (602)	5,56
	<i>сплетни</i>	1504	120 (115)	7,97
	<i>треп</i>	144	18 (17)	12,5
НЕКОММУНИКАТИВНЫЕ	<i>тусовка</i>	10228	965 (946)	9,43
	<i>артист</i>	15	0 (0)	0
	<i>богема</i>	34	2 (2)	5,88
	<i>девица</i>	40	1 (30)	2,50
	<i>девушка</i>	712	86 (87)	12,07
	<i>дива</i>	460	39 (39)	8,47
	<i>жизнь*</i>	35473	1527 (1497)	4,30
	<i>заведение</i>	197	12 (12)	6,09
	<i>заведение</i>	197	12 (12)	6,09
	<i>звезда</i>	142	26 (28)	18,30
	<i>знаменитость</i>	146	9 (9)	6,16
	<i>издание*</i>	722	27 (28)	3,87
	<i>лев</i>	4320	328 (304)	7,59
	<i>личность</i>	90	5 (4)	4,44
	<i>лоск</i>	537	42 (39)	7,82
	<i>львица</i>	18763	2151 (2113)	11,46
	<i>мир*</i>	958	83 (84)	8,76
	<i>мода</i>	116	9 (8)	7,75
	<i>модель</i>	257	0 (0)	0
	<i>модник</i>	19	3 (3)	15,78
	<i>модница</i>	130	19 (19)	14,61
	<i>мужчина</i>	84	8 (8)	9,52
	<i>общество</i>	6917	213 (189)	3,07
	<i>па(р)ти + party</i>	41 + 33	2 + 1 (2)	4,05
	<i>певец</i>	29	0 (0)	0
	<i>платье*</i>	137	5 (4)	3,64
	<i>салон</i>	1527	38 (38)	2,48
	<i>тусовщик</i>	497	99 (97)	19,92
	<i>тусовщица</i>	550	54 (53)	9,81
	<i>формат</i>	46	0 (0)	0
	<i>ценность</i>	336	0 (0)	0
	<i>человек</i>	5490	123 (119)	2,24
	<i>штучка</i>	50	3 (3)	6,00
<i>юноша</i>	31	0 (0)	0	

Процентный показатель может означать: а) что, встретив *светский* в данном контексте, мы здесь же встретим *гламур(ный)*: процент есть вероятность такой

встречи; б) иногда такой процент также показывает степень вероятности того, что *светский* был использован в том же значении, что и *гламурный*.

Обращает на себя внимание отчетливо более коммуникативный характер концепта *светский* (к коммуникативным характеристикам концептов «*светский*» и «*гламурный*» могут быть отнесены следующие параметры: названия речевых / коммуникативных жанров (*разговор, беседа, болтовня, сплетни, флирт*); отдельных коммуникативных действий (*улыбка*); коммуникативно-знаковые системы (этикет); тональность коммуникации; отдельные (оценочные) измерения коммуникации). Многие из этих сочетаний относятся к традиционным и устойчивым и активно использовались еще в XIX веке (*беседа; разговор; сплетни; общение; этикет; манеры; прием; вечер; раут; отношения; тон; суета; улыбка; диалог; флирт; поведение*). Для *гламура*, как видим, коммуникативные контексты в целом малочисленны.

Как в понятии недавно заимствованном, в *гламуре* последовательно сочетается семантика «своей» и «заграничной» реальности. В значительной части примеров с лексемой *гламур* описываются известные представители американского, английского, французского, итальянского шоу-бизнеса, мира кино, моды:

Звезда мировой гламурной фотографии Беттина Реймс была известна в России как автор снимков киноактеров. Вечерняя Москва; 17.04.2006;

Новый блокбастер «Звездная пыль», увы, не имеет никакого отношения к гламурному року и его блестящему гуру – певцу и актеру Дэвиду Боуи. Вечерняя Москва; 10.08.2007.

Как и следовало ожидать, именно «заграничные» реалии часто подаются как образцовые для *гламура* (как и для *светскости*) и иногда противопоставляются «нашим» – как плохому, неумелому подражанию, профанации:

Русский гламур – пошлый, плоский и неэксцентричный. Независимая Газета; 25.07.2008;

Вчера в кинотеатре «Пушкинский» состоялась церемония вручения премий «Кинонаграды MTV Россия», вести которую пригласили американскую актрису Памелу Андерсон.... Актер Андрей Мерзликин, стоявший неподалеку, шумно общался со спутницами, в светской беседе неоднократно упоминалось слово «сиськи». Вечерняя Москва; 20.04.2007.

ИМЕНА ЗАИМСТВОВАННЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ КОНЦЕПТОВ И ИХ КОМПОНЕНТОВ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Связь заимствований и глобализации в области коммуникации ярко проявляется в появлении новых коммуникативных концептов. Формируется немаленькая часть особой коммуникативной культуры, достаточно четко структурированная (по схеме «действие/акт ~ процесс/манера ~ роль/тип ~ жанр»), при этом практически не известная большей части общества; для меньшей же части (это, в общем, молодежь) структура и значения отдельных ее участков хотя и являются хорошо знакомыми, но во многом остаются нечеткими, синкретичными.

Ранее мы определяли коммуникативные концепты как «имеющие четкое композиционно-тематически-стилистическое содержание. Зафиксированные в языке имена данных концептов являются или непосредственно именами речевых жанров, или их компонентов (стратегий, тактик и т. д.), или отражают оценочное отношение к ним в рамках данной культуры» [Дементьев 2010: 252].

Представляется, что с РЖ связаны все коммуникативные концепты, но конкретное их соотношение может быть разным: концептуализации подвергаются собственно коммуникативно-речевые жанры, стратегии, тактики и т. д.

На первый план может выходить собственно **речежанровая** типизация, **действие** (коммуникативные и речевые акты), **процессуальность** (коммуникативные и речевые события и сложные события), **манера поведения**, **роль** в рамках данного типа коммуникации (например, соревновательной или игровой) или сам социальный тип (точнее, его коммуникативное преломление – **лингвокультурный типаж**).

Соответственно в области имен данных коммуникативных концептов на первый план может выходить (как производящая основа при последующей словообразовательной деривации) **имя типажа** (естественно, это существительное), **речевого действия**: однократного (речевой акт) и длительного (и тогда это глаголы, соответственно, сов. и несов. вида), **имя процесса** (существительное) или же непосредственно **имя жанра** (в этой функции тоже более вероятны существительные, чем глаголы, которые чаще именуют речевые акты).

Настоящее исследование (конечно, имеющее начальный характер) и посвящено таким именам, точнее, их соотношению (цепочкам, звенья которых соответствуют различным аспектам коммуникативных концептов).

Прежде чем переходить непосредственно к анализу лексем, дадим несколько пояснений относительно принципов отбора материала.

Во-первых, поскольку нас интересуют прежде всего речевые жанры, мы исключили из рассмотрения целый ряд варваризмов – имен коммуникативных концептов, которые называют явления или даже цепочки **без собственно жанров**: *гуглить*, *скайпить*, *(за-, рас-)френдить* и т. п.

Во-вторых, считаем существенным собственно деятельностный аспект анализируемых коммуникативных концептов, который отражается прежде всего в **глаголах**. При этом следует не только фиксировать глаголы, но и учитывать возможное противопоставление глаголов – имен актов речи и имен процессов. Хотя для многих концептов (даже большинства) данное противопоставление не является четким или отсутствует вовсе, иногда оно является значимым, например *твитнуть* ~ *твиттиться*.

В-третьих, при характеристике имен данных коммуникативных концептов, их вариантов и дериватов с точки зрения их речежанровой идентификации или отнесения к другим, смежным коммуникативным феноменам (таким как речевой акт или лингвокультурный типаж) полезна **темпоральная идентификация**, предложенная В.Е. Гольдиным для разграничения таких речевых феноменов, как *событие* и *поступок*, и состоящая, в общем, в возможности или невозможности формулировки: «*Это случилось во время...*» [Гольдин 1997: 25–32]. Думается, критерий В.Е. Гольдина является значимым для рассматриваемых заимствований, одни из которых нормально сочетаются с выражением «*Это случилось во время...*» (*презентация, парти*), другие – нет (*камингаут, троллинг*).

В этой связи выделяем в особую группу заимствований (варваризмов) – имен коммуникативных концептов – **дериваты на -инг** (значение этих существительных может быть достаточно разным: и названия жанров, и процесса, и характеристики общения). Как известно, семантика английского герундия – и отглагольное существительное, и часть собственно глагольной формы. В этом смысле, казалось бы, примерно одинакова вероятность использования варваризмов на **-инг** как (1) названий жанров (противопоставленных названиям актов) (это хорошо иллюстрирует оппозиция *троллинг* ~ *троллить*), так и (2) названий речевых событий (противопоставленных уже названиям жанров) (это иллюстрируют оппозиции *комплимент* ~ *комплиментинг*, *флирт* ~ *флиртинг*). Однако реальный материал – как формулировки, почерпнутые из интернет-общения, так и данные анкетирования (см. ниже) – скорее не демонстрирует таких четких противопо-

ставлений. В то же время обнаруживаются некоторые интересные закономерности с точки зрения упомянутого темпорального критерия: так (возможно, из-за склонности ждать от существительных на *-инг* процессуальности), выражения «*Это случилось во время...*» с ними в целом более вероятны, чем с собственно существительными – названиями жанров: ср. невозможность **Это случилось во время чата*, **Это случилось во время твита* при возможности (хотя и не очень большой) ?*Это случилось во время чатинга*, ?*Это случилось во время твитинга* (это особенно заметно было в анкете – см. ниже).

Конечно, конкретные новообразования иногда весьма искусственны, но в целом можно утверждать, что процессы заимствования и последующего словообразования в данной семантической области идут весьма продуктивно: активно складываются не только двойные, но и тройные оппозиции, а в некоторых случаях и тройные оппозиции могут быть недостаточны: так, например, рассматривая схему «действие/акт ~ процесс/манера ~ роль/тип ~ жанр» для производных от *тролль*, видим достаточно активное, но все же вряд ли окончательное заполнение парадигмы: *тролль* ~ *троллить* ~ *троллинг* – ...? Ср. невозможность *тролление (возможно, из-за нежелательной ассоциации со словом *траление*, т. е. ловля рыбы тралом; ср. в этой же связи англ. *trolling* ‘ловля рыбы на блесну’, не путать с *trawling* ‘ловля рыбы при помощи трала’). Точно так же, возможно, из-за нежелательной ассоциации затруднено появление глагола *кат* → ?*кátить* и существительного (типаж) *бан* → ?*баничик* (учитывая, что другой дериват с *-ер* уже «занят» в Интернете: *бан(н)ер* (от англ. *banner* ‘флаг, транспарант’) ‘графическое изображение рекламного характера’).

Обращает на себя внимание наиболее полная парадигма (наполненность названиями-варваризмами всех или большинства конкретных аспектов коммуникативного концепта – жанров, актов, процессов, ролей) у концептов **интернет-коммуникации**. Несомненно, это является следствием большей скорости и интенсивности процессов и заимствования, и глобализации в данной сфере. В то же время показательна и относительно, и абсолютно низкая вероятность сочетания имен «интернет-коммуникативных концептов» с выражением «*Это случилось во время...*» (за в целом сомнительными исключениями типа дериватов с *-инг*).

Безусловно, наши конкретные решения часто будут субъективными: в основном приходилось сверять результаты с собственным чувством языка (так сказать, «чувством неологизмов»), ибо существующие словари иностранных слов, интернет-сленга, молодежного сленга и т. д. практически не фиксируют таких тонких различий.

В то же время, как и следовало ожидать, нам очень много дал **Интернет** – основная часть адаптированных англицизмов (нередко экзотичных) почерпнута непосредственно из интернет-общения в рамках соответствующих жанров (блоги, форумы, чаты и т. д.):

*Наверно придется отправить его на стажировку на курсы **комплиментинга** для мужчин. Ночью был маленький шторм. На берег набегали конкретные волны. bogdanov.info;*

*Есть ли **смолтокеры** в Барнауле? groups.google.com;*

*А ещё ты самый лучший **флудщик** на форуме (пусть это будет тебе комплиментом)... flood-arch.sexnarod.ru.*

В результате, в соответствии с основными принципами лексической вербализации компонентов жанра (а также со словообразовательной моделью) мы формировали возможную словообразовательную цепочку коммуникативного концепта. Для этой цели, прежде всего, на основе собственной языковой компетенции мы подбирали имя для того или иного звена цепочки, затем проверяли существование этого слова в интернет-общении. В тех случаях, когда слово выглядело (с нашей точки зрения) особенно странно, а также если пример в Интернете был единственным или соответствующий контекст явно создавался и воспринимался как экспрессивный, мы вставляли слово в таблицу (см. ниже) с одним или двумя вопросительными знаками, например: *?[?]флудщик, ?[?]статусинг, ?[?]презентационщик*. Если для заполнения звена цепочки мы не смогли подобрать никакого слова на основе собственного «чувства неологизмов», мы ставили вопросительный знак. Если же заполнение звена цепочки словом представлялось нам вообще невозможным, мы ставили прочерк. (Но иногда мы потом заменяли вопросительный знак / прочерк на слово, почерпнутое из следующего источника – анкеты – см. ниже).

Конечно, в большинстве таких случаев нельзя говорить ни о какой регулярности, тем более – нормативности (многие из них представляют собой языковую игру); с другой стороны, всего несколько лет назад немыслимы были бы в официальных текстах и выражения типа: *Премьер-министр написал в своем блоге / микроблоге Твиттер / на своей странице в Facebook / Instagram...*

Наконец, на следующем этапе нашего анализа наличие и конкретные значения данных неологизмов (точнее, некоторых из них, наиболее, на наш взгляд, показательных и интересных) мы попытались проверить путем **анкеты**, опросив 100

современных молодых людей ок. 20 лет – саратовских студентов. Предлагались вопросы:

1. Понимаете ли Вы значение следующих слов? Оцените их нормальность и естественность **по пятибалльной шкале**, например: 5 – совершенно понятно и естественно, я сам(а) время от времени использую это слово в своей речи; 4 – совершенно понятно и естественно, я регулярно встречаю / слышу это слово в устной или письменной речи, но сам(а) не использую; 3 – слово понятно, и я иногда встречаю / слышу его в речи, но не часто; 2 – значение слова в принципе понятно, но я не припомню, чтобы встречал(а) его в речи; 1 – слово не встречал(а) в речи и с трудом могу представить, чтобы кто-то так говорил: значение слова могу угадать, но с долей неуверенности; 0 – слово кажется мне совершенно противоестественным и невозможным: (слова: имиджборд, имиджбордщик, стрит-рейсинг, спид-дейтинг, смолтокер, камингаутер, фейсбучиться, фейсбукичик, инстаграмить, инстаграмщик, твиттерщик, игнорщик, флудчик, комплиментинг, флиртинг, статуситься).

2. Прочитайте слова, расположенные **по схеме «имя жанра речи – глагол (имя акта речи или процесса) – название роли / типажа и т. п.»**. Какие, с Вашей точки зрения, «звенья» этих цепочек являются лишними? **Вычеркните** такие слова. (**Вычеркните** также те слова, значение которых Вам непонятно.) И **подчеркните** те слова в каждой цепочке, которые в ней, с Вашей точки зрения, являются главными или основными: (цепочки: троллинг ~ троллить ~ тролль; промоушен ~ промоутинг ~ промоутер; корпоратив ~ корпоративить ~ корпоративиться ~ копроративщик; чат ~ чатиться ~ чатнуться ~ чаттинг ~ чаттер ~ чатланин; форум ~ форумить ~ форуминг ~ форумчанин ~ аскер; блог ~ бложить ~ блогинг ~ блогер; фейсбук ~ фейсбучик ~ фейсбучить ~ фейсбучиться ~ фейсбучинг ~ фейсбукчик; инстаграм ~ инстаграмить ~ инстаграмиться ~ инстаграминг ~ инстаграмщик; игнор ~ игнорить ~ игноринг ~ игнорщик; флуд ~ флудить ~ флудинг ~ флудчик ~ флудильщик; твиттер ~ твитнуть ~ твититься ~ твитинг ~ твиттерщик; имиджборд ~ имиджбординг ~ имиджбордщик; статус ~ статуситься ~ статусинг).

3. Можно ли сказать: **«Это случилось во время...»?** (варианты: ...корпоратива, стрит-рейсинга, промоутинга, троллинга, камингаута, чата, чаттинга, форума, форуминга, блога, блогинга, фейсбука, фейсбучинга, инстаграма, инстаграминга, игнора, игноринга, флуда, флудинга, твиттера, твиттинга, имиджборда, имиджбординга, статусинга).

4. Какие слова – имена других подобных речевых жанров/действий/типажей и т. п., не упомянутых здесь, Вы могли бы еще назвать?

Результаты анкетирования продемонстрировали довольно большой разброс, как бывает всегда в случае новых, еще не устоявшихся в языке и речи единиц.

Показательно маленькое количество нулевых оценок – полагаем, это обусловлено возрастом информантов: как уже было сказано, практически все они были в возрасте ок. 20 лет. (Мы дали заполнить анкету нескольким людям ок. 30 лет – результаты были похожи, но в целом числа (как собственно оценки, так и количество невычеркнутых слов) были на порядок меньше; кроме того, мы показали анкету нескольким людям старше 45 лет – практически все они сказали, что «все слова выглядят крайне дико»).

Согласно результатам анкеты, самым нормальным / устоявшимся / распространенным 20-летние информанты считают *«игнорщик»* (можно предположить, что не только в интернет-коммуникации) – он получил больше всего оценок «5». Больше всего оценок «5» и «4» получили также *«инстаграмить»* и *«фейсбучить»*.

Наименее нормальными / устоявшимися / распространенными считают *«смолтокер»* и *«камингаутер»* – они получили больше всего оценок «1» (и даже «0»). Больше всего оценок «1» и «2» получили также *«спид-дейтинг»* и *«статусинг»*.

Средние оценки для конкретных лексем (приводятся по убыванию):

игнорщик – 3,94
инстаграмищик – 3,71
инстаграмить – 3,48
твиттерищик – 3,14
фейсбукищик – 2,89
фейсбучиться – 2,21
флиртинг – 2,11
комплиментинг – 2,01
имиджборд – 1,98
спид-дейтинг – 1,58
имиджбордищик – 1,37
статусинг – 1,24
камингаутер – 1,17
смолтокер – 1,15

Анкетирование подтвердило наибольшее заполнение парадигмы «действие/акт ~ процесс/манера ~ роль/тип ~ жанр» для интернет-жанров, по сравнению с неинтернет-жанрами, а для интернет-жанров – некоторое преобладание имен жанров над глаголами.

Анкетирование продемонстрировало также преобладание лексических результатов над грамматическими. Ряд самих явлений, именуемых предлагаемыми варваризмами, оказались необщеизвестными, что было видно из некоторых комментариев: «Смолтокер – тот, про кого можно сказать “краткость – сестра таланта”». В целом результаты были производны от личного опыта интернет-общения: не имеющие такого опыта обычно вычеркивали всю цепочку, а проверка более тонких различий, например, между производящим варваризмом и глагольными дериватами, инговыми производными и т. д., темпоральный критерий, естественно, отходили на второй план.

К более частным (грамматическим) результатам можно отнести, например, отношения между глагольными производными (сов. и несов. вида, возвратными и невозвратными). Здесь, как мы и ожидали, тонкие различия между глаголами в парах (предположительно, как было задумано, «название речевого акта ~ процесса») фиксировались в целом слабо; в то же время показательно, что всю цепочку глаголов оставляли редко, обычно что-то вычеркивали.

Конкретные процентные данные по глагольным парам:

чатиться ~ *чатнуться*:

оставили *чатиться*, вычеркнули *чатнуться* – 36 %;

оставили *чатнуться*, вычеркнули *чатиться* – 12 %;

оставили оба – 21 %;

вычеркнули оба – 31 %;

инстаграмить ~ *инстаграмиться*:

оставили *инстаграмить*, вычеркнули *инстаграмиться* – 37 %;

оставили *инстаграмиться*, вычеркнули *инстаграмить* – 23 %;

оставили оба – 22 %;

вычеркнули оба – 19 %.

Как мы и ожидали, анкетирование показало некоторое преобладание темпоральности у инговых производных по сравнению с собственно именами жанров (в парах типа *чат* ~ *чаттинг*, *форум* ~ *форуминг*, *блог* ~ *блоггинг*, *фейсбук* ~ *фейсбучинг*, *инстаграм* ~ *инстаграминг*, *игнор* ~ *игноринг*, *флуд* ~ *флудинг*,

твиттер ~ *твиттинг*, *имиджборд* ~ *имиджбординг*) (хотя были единичные анкеты, где результаты были прямо противоположные).

Конкретные процентные данные по темпоральности у имен жанров и инговых производных:

во фразе «Это случилось во время...»

оставили инговое производное (*чаттинг*, *форуминг*, *блоггинг*, *инстаграминг*, *твиттинг*), вычеркнули имя жанра (*чат*, *форум*, *блог*, *инстаграм*, *твиттер*) – 38 %;
оставили имя жанра, вычеркнули инговое производное – 6 %;
вычеркнули и имя жанра, и инговое производное – 27 %;
оставили и имя жанра, и инговое производное – 3 %;
индивидуальные вычеркивания без прослеживаемой системы – 26 %.

К несколько неожиданным результатам можно отнести относительно частое вычеркивание из цепочки *троль* ~ *троллить* ~ *троллинг* имени типажа *троль* (казалось бы, словообразовательно исходного): вероятно, это связано с ассоциациями данного слова не столько с интернет-коммуникативными концептами, сколько с мифологией и литературой (книги «Властелин колец», «Гарри Поттер» и т. д.).

При заполнении анкеты информанты предложили целый ряд **новых слов**, подобных вынесенным в анкету именам коммуникативных концептов. Некоторые из них показались нам настолько удачными и важными, что по ходу работы были включены в основную таблицу (где мы дали их подчеркнутыми) и в дальнейшее анкетирование: *коммент* ~ *комментить*, *пост* ~ *постить* ~ *запостить*, *репост* ~ *репостить* ~ *репостнуть*, *лайк* ~ *лайкать* ~ *лайкнуть* ~ *лайкальщик*, *спам* ~ *спамить* ~ *спамщик*; над другими мы еще будем думать – такими как *фолловить* ~ *фолловер*, *холивар*, *эльфинг*.

Ряд предложенных слов мы решили не принимать во внимание, поскольку они, как нам показалось, не имеют отношения к рассматриваемому феномену – коммуникативным концептам: *тренинг*, *коучинг*, *спойлер* ~ *спойлерить*, *логиниться*, *генерить* (создавать), *крафтить* (мастерить), *лифтить* (*shoplifter* → воровать), *читерство* (мошенничество), *лойс* (выражение одобрения действий или высказываний в том числе в устной речи), *фликр* ~ *фликрищик*, *смурф* ~ *смурфить* ~ *смурф-ник*. (Впрочем, возможно, наше решение окажется неверным, и мы готовы в будущем пересмотреть его.)

На основе анализа варваризмов – имен коммуникативных концептов, анализа контекстов с соответствующими лексемами в интернет-общении, а также анализа анкет была составлена следующая таблица, в которой мы попытались упорядочить полученные данные по параметрам, обсуждавшимся выше: имена речевых жанров, актов, речевых действий и процессов, ролей, типажей, варваризмов на *-инг* и т. д. Жирным выделено то слово (те слова) из парадигмы, которые являются основными (производящими): чаще всего, как видим, это название жанра (или того, что мы можем условно идентифицировать как жанр за неимением пока лучших вариантов), но не всегда. (Конечно, ни в коем случае нельзя относиться к этим данным как к окончательным выводам).

	имя жанра – существит.	глагол – имя акта речи	глагол – имя процесса	существит. на -инг	название роли или типажа (существит.)	возможность « это случилось во время X »
	1	2	3	4	5	6
	party / пар-ти	–	–	–	?	+
	компли-мент	–	–	компли-ментинг	?	–
	флирт	–	–	флиртинг	?	+
	small talk / смолток	–	–	?	смолтокер	+
	(speed dating / спид-дейтинг)	?	?	speed dating / спид-дейтинг	?	+
	промоуш(е)н	?	?	промоутинг	промоутер	?
	интервью	–	–	интервью-инг	?	+
	презента-ция	?	?	–	?презентаци-онщик	+
	корпора-тив	–	корпорати-вить(ся)	?	копроратив-щик	+
	камингаут	??камингау-тить	?	?	камингаутер	–

интернет-жанры	(троллинг)	(по-, за) троллить	троллить	троллинг	тролль	–
	блог, блог-жик	?	?блужить	блог(г)инг	блог(г)ер	–
	форум	?	?форумить	??форуминг	форумчанин, аскер	–
	чат	(по)чатиться, чатнуться	чатиться	?чат(т)тинг	?чаттер, ?чатланин	?
	статус	?(от)статуситься	–	??статусинг	–	–
	трит, твиттер	твитнуть	твититься	твитинг	?твиттерщик	?
	LJ / ЖЖ, жежешка	–	–	–	?	–
	Facebook / фейсбук	?	фейсбу-чить(ся)	??фейсбу-чинг	?фейсбукщик	?
	Instagram / инстаграм	(за)инстаграмить	инстаграмить(ся)	?инстаграминг	инстаграмщик, инстаграмщица	?
	имиджборд	–	–	имиджбординг	??имиджбордщик	?
	бан	(за)банить	?	??банинг	?	–
	игнор	игнорить	игнорить	игноринг	игнорщик	–
	кат	?	?	?	??катщик	–
	флуд	флудить	?	флудинг	??флудщик, ?флудильщик	?
	–	–	–	??модераторинг	модератор	–
	?	?	?	–	геймер	?
	коммент	комментить	комментить	?	?	?
	пост	запостить	постить	?	?	?
	репост	репостнуть	репостить	?	?	?
	лайк	лайкнуть	лайкать	?	лайкальщик	?
спам	спамить	спамить	?	спамщик	?	

Таким образом, группа заимствованных жанров в русской / русскоязычной культуре, почерпнутых из культуры англоязычной и глобализованной (глобализованной, прежде всего, тоже на основе англоязычной), содержит элементы внутренней организации / структуры, соответствующие общим закономерностям организации группы коммуникативных концептов, таким, как соотношение речевых жанров, речевых актов, типажей и т. п., и весьма интересна. Группа соответствующих

варваризмов – имен этих жанров и смежных коммуникативных концептов – хотя и относительно невелика (по сравнению, например, с общей группой неологизмов-варваризмов, появившихся в русском языке в последнее время, особенно в нелитературных страхах – см., например, [Сосновская 2011]), но по-своему показательно организована и отражает важные тенденции как в лексической семантике современного русского языка, так и в структуре современной русскоязычной коммуникации и ее типов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. *Историческая подвижность категорий жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения.* М.: Наука, 1986. С. 104–116.
2. Алпатов В.М. *Заимствования из английского языка и жанровые особенности в японском языке // Жанры речи.* Саратов: ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 345–351.
3. *Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / Под ред. К.Ф. Седова.* М.: Лабиринт, 2007. 320 с.
4. Бахтин М.М. *Проблема речевых жанров // Собр. соч.: В 5 т.* М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 5. Работы 1940-х начала 1960-х годов. С. 159–206.
5. Берн Э. *Игры, в которые играют люди.* М.: Прогресс, 1988. 400 с.
6. Богданов К.А. *О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов.* М.: Новое литературное обозрение, 2006. Научное приложение. Вып. LVI. 352 с.
7. Вежбицка А. *Речевые жанры // Жанры речи.* Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 99–111.
8. Гольдин В.Е. *Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи.* Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 23–34.
9. Дементьев В.В. *Теория речевых жанров.* М.: Знак, 2010. 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
10. Карасик В.И. *Языковое проявление личности.* Волгоград: Парадигма, 2014. 450 с.
11. Кон И.С. *Введение в сексологию.* М.: Медицина, 1988. 224 с.

12. Лотман Ю.М. *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*. СПб.: Искусство – СПб., 1994. 558 с.
13. Люциньски К. *Языковые заимствования и ментальность: О влиянии заимствованных языковых средств на ментальность лингвокультурного коллектива. На материале русского языка в сопоставлении с польским*. Кельце, 2010. 193 с.
14. Маринова Е.В. *Иноязычные слова в современной русской речи: освоение и функционирование*. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012. 564 с.
15. Салимовский В.А. *Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст)*. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 236 с.
16. Седов К.Ф. *Жанры «праздноречевой» коммуникации: болтовня, светская беседа, разговор по душам // Проблемы речевой коммуникации*. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2006. Вып. 6. С. 85–97.
17. Седов К.Ф. *Речежанровая идентичность как компонент коммуникативной компетенции личности // Жанры речи*. Саратов, 2011. Вып. 7. *Жанр и языковая личность*. С. 25–47.
18. Сосновская А.А. *Метафоризация в сфере «новейшие техногенно опосредованные информационные и коммуникационные процессы» (на материале русского и английского сленга): Автореф. дис.... канд. филол. наук*. Саратов, 2011. 20 с.
19. Старобинский Ж. *Поэзия и знание: История литературы и культуры*. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
20. Стернин И.А. *Светское общение*. Воронеж, 1996. 18 с.
21. Фенина В.В. *Речевые жанры small talk и светская беседа в англо-американской и русской культурах: Дис. ... канд. филол. наук*. Саратов, 2005. 253 с.
22. Фрейденберг О.М. *Поэтика сюжета и жанра*. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
23. Шеффер Ж.-М. *Что такое литературный жанр?* М.: Едиториал УРСС, 2010. 192 с.
24. Hanks W.F. *Dialogic conversions and the field of missionary discourse in Colonial Yucatan // Les Rituels du Dialogue*, ed. By A. Monod Becquelin and Philippe Erikson. Nanterre: Société d'Ethnologie, 2000. P. 235–254.
25. Horecky J. *Anglické slová na -ing v slovenčině // Kultúra slova*. 1991, № 25. Č. 10. S. 324–326.

26. Lakoff R. *Identity à la carte: you are what you eat // Discourse and Identity / Ed. Anna DeFina, Deborah Schiffrin and Michael Bamberg. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. Pp. 142–165.*
27. Mustajoki A. *Title Risks of miscommunication in various speech genres // Understanding by Communication / Ed. E. Borisova & O. Souleimanova. Cambridge Scholars Publishing. Cambridge, 2013. Pp. 33–53.*
28. Przybylski R. *Gentleman i dandys // Style zachowań romantycznych. Propozycje i dyskusje sympozjum. Warszawa 6–7 grudnia 1982 r. / Pod red. M. Janion i M. Zielińskiej. Warszawa, 1986. S. 337–351.*
29. Rathmayr R. *Anglizismen in Russischen: Gamburgery, Bifšteksy und die Voucherisierung Russlands // Muhr R., Kettemann B. (Hrsg.): EVROSPEAK. Der Einfluss des Englischen auf europäische Sprachen zur Jahrtausendwende. Frankfurt aM., Berlin, Wien u.a. Peter Lang, 2002. Pp. 155–180.*
30. *Small talk / Ed. J. Coupland. Harlow: Longman, 2000. 319 p.*
31. Wierzbicka A. *Anglo scripts against 'putting pressure' on other people and their linguistic manifestations // Cliff Goddard (ed.) Ethnopragmatics: Understanding Discourse in Cultural Context. Mouton de Gruyter, 2006. Pp. 31–63.*

УДК 811.161.1'42

Ценностные приоритеты в аллюзивных афоризмах

VALUE PRIORITIES IN ALLUSIVE APHORISMS

*Карасик Владимир Ильич**Karasik Vladimir Ilyich*

Рассматриваются аллюзивные афоризмы, представляющие собой переосмысления аксиологически маркированных и обозначенных в языке ситуаций. Установлено, что они преимущественно являются ироническими и распадаются на несколько разновидностей: допускающие однозначную интерпретацию либо открытые для множества толкований, прямо либо косвенно апеллирующие к прецедентному тексту, опровергающие либо уточняющие смысл исходных фраз, более либо менее парадоксальные. В качестве механизмов построения таких единиц обычно используются парадоксальные определения, внутренние отрицания, сопоставление предметов речи, кажущийся алогизм, парадоксальная экземплификация. Существуют определённые темы, часто используемые в аллюзивной афористике (совершение ошибок, несоответствие внешности и внутреннего содержания и др.).

The article deals with allusive aphorisms treated as reconsidered evaluative situations fixed in the language. The study analyzes aphorisms by classic authors from antiquity to modern times on the basis of textology considering cognitive aspects as well as system of values, moral prescriptions and presuppositions. I argue that they are basically ironic and may be subdivided into the following groups: admitting a single or multiple interpretation, appealing to the precedent text explicitly or implicitly, disposing or specifying the precedent text meaning, more or less paradoxical. Such sentences are usually built with the help of paradoxical definitions, inner negations, topic juxtaposition, seeming allogism, paradoxical exemplification. Allusive aphorisms often refer to certain topics, e. g. making mistakes, appearance and content incongruity, etc. The present study provides a starting-point for further research in the sphere of allusive aphorisms.

Ключевые слова: ценность, смысл, афоризм, аллюзия, прецедентный текст

Keywords: value, meaning, aphorism, allusion, precedent text

ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В АЛЛЮЗИВНЫХ АФОРИЗМАХ

В.И. Карасик

Афоризмы – краткие авторские изречения с глубоким смыслом – постоянно привлекают к себе внимание исследователей [Дмитриева 1997; Дядык 2011; Землянская 2004; Карлик 2013; Кулишкина 2004; Манякина 1981; Мартемьянов 1999; Полчанинова 2012; Сазбандян 2008, Федоренко, Сокольская 1990]. Во-первых, в этих речениях содержится концентрированный опыт столкновения с жизненными проблемами, во-вторых, такие высказывания лишены прямолинейной назидательности, как правило, присущей пословицам, в-третьих, они обычно бывают оригинальными и интересными. Достаточно хорошо изучена структура этих текстов, показана их роль в аргументации, освещены их разновидности и сходные с ними коммуникативные образования. Вместе с тем в ряду афоризмов выделяются особые тексты вторичной природы, включающие прямую или косвенную отсылку на некий предшествующий текст. Речь идет о прецедентных феноменах [Красных 2003]. Как правило, такие аллюзивные афоризмы представляют собой переосмысление такого текста в юмористическом или серьезном ключе. Выявление типов такого переосмысления позволяет установить актуальные для коммуникантов ценности, образующие фундамент их мироощущения.

Для определения разновидностей аллюзивных афоризмов охарактеризуем содержательные типы афористики в целом. По своей основной функции мудрые изречения сводятся к определениям и предписаниям. Таковы высказывания Пифагора: *Что самое трудное? – Познать самого себя. Что самое лёгкое? – Жить по привычке.* Эти изречения следовало воспринимать как аксиомы бытия, т. е. без доказательств. В античной древности пифагорейцы установили различие между акусматическим и математическим обучением в исходном смысле этих слов, в первом случае предполагалось символическое осмысление высказываний, предназначенных для слушания и размышления, во втором случае – постижение универсального порядка в гармонии чисел, планет и музыкальных звуков. В базовых акусмах – основах мировоззрения – сформулированы важнейшие ориентиры поведения, которые можно было разъяснять на примерах, показывая, что само-

познание и познание мира составляет суть смысла жизни, а бездумная жизнь по привычке, какой бы приятной она ни была, унижает достоинство человека.

Афористические рассуждения могут иметь несколько степеней глубины, т. е. могут быть простыми и сложными для понимания. К числу простых, но весьма глубоких речений относятся следующие: *Чем больше человек любит самого себя, тем больше он зависит от чужого мнения* (Марк Аврелий); *Свободен лишь тот, кто живёт по руководству разума* (Б. Спиноза); *Смысл молитвы – в готовности получить отказ* (Дж. Сантаяна); *Выигравший никогда не скажет: «Это всего лишь игра»* (Г. Коупленд). Любовь к себе предполагает созвучное этой любви восхищение со стороны окружающих, и поэтому эгоист оказывается от них зависим; разум освобождает от страстей и поэтому делает человека истинно свободным; молитва основана на надежде, что просьба будет исполнена, а надежда не тождественна уверенности; выигравший, в отличие от проигравшего, считает, что удачный результат – это плод его умений и усилий, а не стечение обстоятельств. Приведенные интерпретации не требуют дальнейшей расшифровки, хотя в них можно увидеть спорные установки (допустимы возражения: можно любить себя, не обращая внимания на окружающих; освобождение от страстей – это душевная смерть; допуская отказ при обращении к Всевышнему, мы сомневаемся в Его исходной милости; удача – это любовь богов, а не результат личных усилий) (ср.: [Дементьев 2006; Филиппова 2004]).

Более сложные для понимания речения требуют нескольких интерпретативных ходов: *Достигнув цели, замечаешь, что ты – средство* (Г. Малкин); *Ни одно доброе дело не остается безнаказанным* (Т. Брукс); *Страх перед смертью есть результат неосуществившейся жизни* (Ф. Кафка). В рассуждении о соотношении цели и средств мы принимаем во внимание, что средство – это способ достижения цели, что достижение цели требует усилий и часто жертв, и поэтому абсолютизация цели оправдывает применение недостойных средств. Обычно девиз иезуитов «*Цель оправдывает средства*» приводят как аргумент для осуждения недостойных средств. В приведённом афоризме акцент сделан не столько на осуждении сделки с совестью, сколько на понимании того, что ценности, к которым мы стремимся, часто бывают сомнительными и не стоящими тех жертв, которые мы приносим для их достижения. Возникают ассоциации с темой кукловода и кукол. Грустное высказывание о напрасности доброго дела резко контрастирует с повторяющимся во многих пословицах и афоризмах тезисом о важности и благотворности добра. Ошибается тот, кто за каждое свое доброе дело ждёт вознаграждения. Такое вознаграждение – в самом творении добра. Возможным результатом такого поступка является неблагодарность. Известно, что люди злы и худших всегда большинство,

но считать доброе дело преступлением значит отрицать мораль как таковую. Допустимой трактовкой приведённого речения является, по-видимому, его ироническая (и немного циничная) интерпретация: *Не делай людям добра, и ты не получишь зла*. Сложные для понимания речения требуют изменения ценностных координат в картине мира. Это касается и тезиса о страхе перед смертью. Жизнь есть благо, и смерть неизбежна, страх перед смертью присущ всем. Не боится умереть тот, кто не ценит жизнь по глупости, или она причиняет невероятные страдания, или есть высокая цель, оправдывающая сознательный уход из жизни. Ф. Кафка противоречит Экклезиасту, призывающему ценить жизнь, «...ибо кто приведёт его посмотреть на то, что будет после него?». Возможно, в цитируемом афоризме речь идёт об особом страхе – умереть, так и не проявив себя. Такая позиция отражает ощущение горечи от несбывшегося. Приведённые мною интерпретации, разумеется, могут быть дополнены и оспорены. Но важно подчеркнуть, что афоризмы могут быть противопоставлены по признаку однозначности / неоднозначности толкования как простые и сложные. Из этого не вытекает, что банальности относятся к простым афоризмам, а бредовые либо бессмысленные фразы – к сложным.

Все афоризмы делятся на серьёзные и шуточные, но следует заметить, что в наши дни количество вторых резко возросло по сравнению с количеством первых. Сравним: *Льстивый человек мёд на языке, яд в сердце имеет* (М. Ломоносов) и *Если не знаете, как польстить человеку, скажите ему, что он не из тех, кого можно обмануть лестью* (NN). В первом речении прямо осуждается льстец, во втором – приводится пример того, как можно успешно польстить кому-либо, и это производит комический эффект. В итоге мы приходим к выводу о том, что всегда можно найти способ манипуляции человеком.

Как правило, пословицы характеризуются запоминающейся образностью, в то время как афоризмам она не свойственна, сравним: *Осла фиалками не накормишь* (арм.) и *Привычка – вторая натура* (Аристотель). Вместе с тем встречаются и образные афористические речения: *Нельзя дважды войти в одну и ту же реку* (Гераклит); *Школа – это место, где шлифуют булыжники и губят алмазы* (Р. Ингерсолл); *У всякого глупца хватает причин для уныния, и только мудрец разрывает смехом завесу бытия* (И. Бабель). Древнегреческий философ говорит об уникальности момента, наш современник критически оценивает основное назначение школы – социализацию, состоящую в том, чтобы сделать всех одинаковыми, в высказывании И. Бабеля акцентируется мужество мудреца, который смеётся, сталкиваясь с абсурдом. Некоторые образы в афоризмах приобретают символическую значимость: *Каждая сожжённая книга освещает мир* (Р. Эмерсон). Обычно костры

из книг возникают в самые тёмные эпохи, когда власть принадлежит мракобесам. Горящие книги символизируют гибель культуры и призывают к пробуждению совести у человечества. Горящая книга в этом контексте сравнивается со свечой, о которой хорошо сказано в поговорке: *Вся тьма вселенной не может погасить одну маленькую свечку*. Сожжённая книга – это вечный упрёк тем, кто эту книгу не спас, это голос совести.

К редким разновидностям афоризмов относятся текстовые инсценировки, выражающие важные аксиогенные ситуации: *Однажды Зенон порол раба за кражу. «Мне суждено было украсть!» – сказал ему раб. «И суждено было быть битым», – ответил Зенон* (Диоген Лаэртский). *«Слава – дым!» – сказал Герострат* (В. Колечицкий). Раб пытается оправдаться и снять с себя вину за преступление, сославшись на predeterminedность судьбы, однако его хитрость разгадана. Вывод: не следует переоценивать свою хитрость. В речении о Герострате, который поджёт один из прекрасных храмов, чтобы прославиться, юмористически обыгрывается распространённое сравнение славы с дымом, метафорически обозначающим нечто эфемерное и исчезающее, но в данном контексте имеет место ремотивация метафоры (дым как индикатор огня).

Аллюзивные афоризмы можно разбить на несколько классов по следующим признакам: тип аллюзии, оценочный вектор и степень парадоксальности. По типу аллюзии выделяются прямые и опосредованные отсылки к исходным речениям в афоризмах, по оценочному вектору – уточняющие и опровергающие трансформации в анализируемых речениях, по степени парадоксальности – парадоксальные и непарадоксальные высказывания, содержащие аллюзии.

Прямые отсылки к исходному тексту характерны для высказываний, в которых переосмысливаются авторитетные прецедентные тексты.

Это касается Библии: *Первое правило бизнеса – поступай с другим так, как он хотел бы поступить с тобой* (Ч. Диккенс); *Недостаточно пролезть в игольное ушко, после этого надо еще доказать, что ты не верблюд* (Г. Аронов); *Имеющий уши да заткнет их!* (В. Шендерович); *И познаете истину, и истина сведет вас с ума* (О. Хаксли). Речение Ч. Диккенса соотносится с известной фразой, которую называют золотым правилом этики: *И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними* (Евангелие от Луки); *Чего не желаешь себе, не делай и ближнему своему* (Гиллель). В отличие от библейского предписания Ч. Диккенс вкладывает радикально иной смысл в совет паритетно реагировать на действие партнёра: в Библии подчёркивается идеал поведения (мы хотим, что к нам относи-

лись хорошо), а в бизнесе ведут себя иначе в соответствии с законами конкурентной борьбы за существование. Аллюзивный афоризм фактически перечёркивает исходную норму поведения. Фраза, в которой фигурирует образ игольного ушка, соотносится с евангельским речением «*Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богачу войти в царствие небесное*» (Евангелие от Матфея). Суть этой исходной фразы – наглядная демонстрация невозможности действия. И исходный образ сводится либо к переводческой ошибке (в арамейском слово «верблюд» метонимически означало и канат из верблюжьей шерсти), либо к обозначению узенького проёма в городской стене, куда мог втиснуться лишь худощавый человек, а не корабль пустыни. В современном шутовском афоризме обыгрывается также русское разговорное речение «*Докажи, что ты не верблюд*», означающее попытку объяснить очевидное тем, кто всё прекрасно понимает, но делает вид, что не может понять. Обычно это относится к вышестоящим либо контролирующим инстанциям. Исходная евангельская фраза «*Имеющий уши да услышит*» (Евангелие от Матфея) проинтерпретирована саркастически в речении современного афориста. Смысл его сентенции состоит в том, что невозможно спокойно воспринимать определённую информацию, от неё нужно спасаться, затыкая уши. Евангельский текст об истине гласит: *И познаете истину, и истина сделает вас свободными* (Евангелие от Иоанна). В противовес этому жизнеутверждающему пророчеству английский сатирик рисует весьма мрачные перспективы: истина сведёт вас с ума, т. е. спасение в неведении. Все приведённые тексты современных аллюзивных афоризмов, отталкивающихся от библейских речений, опровергают эти речения иронически, саркастически или юмористически.

Аналогичным образом переосмысливаются изречения великих людей: *Дайте мне точку опоры – и вы у меня повертитесь!* (И. Иванюк). Мы видим здесь аллюзию к высказыванию Архимеда: *Дайте мне точку опоры – и я переверну Землю!* (Архимед). Пафос изречения великого учёного состоял в обосновании законов природы, в современном афоризме акцентируется угроза: многие пытаются вскарабкаться вверх по карьерной лестнице для того, чтобы заставить всех демонстрировать своё подчинение и унижение. Иронически интерпретируется исходное высказывание и в следующем тексте: *Краткость – сестра таланта, но мачеха гонорара* (А. Свободин). Исходная фраза А.П. Чехова, составляющая первую часть сентенции, требует от авторов умения кратко и точно излагать свои мысли. Современный афорист делает добавление, резко меняющее оценочный знак трансформированной фразы: за небольшой по объёму текст автор получит и небольшой гонорар. Контраст состоит в противопоставлении матери и мачехи, первая всегда любит детей, вторая относится к приёмным детям обычно значительно хуже, чем к своим.

К этому же типу переосмыслений относятся фразы из песен, сентенций или лозунгов: *Поделись улыбкою своей, и ее тебе не раз еще припомнят...* (М. Жванецкий). Исходный текст из песенки для детей из известного мультфильма: *Поделись улыбкою своей, и она к тебе не раз ещё вернётся*, – учит юных зрителей по-доброму относиться к людям, радовать их. В трансформированном высказывании говорится об обратном: люди не ответят добром на добро. Впрочем, возможно, дело – в улыбке, если это издевательская или ироническая улыбка, то и реакция окружающих будет соответствующей. Интересен пример с аллюзией к римской сентенции: *О власти или хорошо, или правду* (Г. Малкин). Исходный текст: *De mortuis aut bene, aut nihil* – *О мёртвых или хорошо, или ничего*. О мёртвых не следует говорить плохо по моральным соображениям, поскольку они не могут ничем ответить. О власти не рекомендуется говорить плохо, поскольку это может быть опасным для говорящего. Моральное предписание превращается в утилитарное. Такое заземление имеет юмористическую основу. Прямая параллель с известным речением прослеживается в следующем афоризме: *Свобода тоже развращает, а абсолютная свобода развращает абсолютно* (Г. Химмельфарб). Имеется в виду сентенция: *Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно* (Дж. Актон). Тезис о власти как искушении, которое увеличивает в человеке всё худшее, направлен на ограничение власти и закрепление демократических процедур её регулярной сменяемости. Трансформация этой сентенции имеет целью доказать тезис о необходимости дозированной свободы для населения. Это очень импонирует тем, кто любит говорить о вседозволенности.

Весьма распространены в современной афористике опосредованные отсылки к нормам поведения в виде аллюзий к некоторым действиям, персонажам и понятиям.

Заслуживают внимания определённые нормы поведения, например, нельзя бить лежачего, нельзя поднимать руку на женщину, нельзя предаваться унынию, не следует обижаться на правду, нельзя обижать слабых. Эти нормы карнавально переворачиваются в аллюзивных афоризмах: *Я никогда не ударю лежачего, разве что он попытается встать* (В. Брудзинский); *Джентльмен никогда не ударит женщину, не сняв шляпу* (Ф. Аллен); *Грех предаваться унынию, когда есть другие грехи* (Г. Малкин); *Не стоит обижаться на правду. Лучше ответить тем же* (Д. Рудый); *Не обижай слабого, если он сильнее тебя* (М. Генин). Лежачий, который пытается встать, остаётся удобной мишенью для битья, и говорящий открыто признаётся, что следует упреждать угрозу получения сдачи от поверженного противника. То, что при этом нарушается норма рыцарского поведения, в расчёт не принимается. Абсурдный характер приобретает трансформация запрета поднимать руку

на женщину, тем более что речь идёт о джентльмене, т. е. представителе мужчин, которые выступают образцом поведения. Джентльмены в Викторианской Англии и позже приветствовали друг друга и знакомых дам, приподнимая шляпу. Этот этикетный жест в сочетании с нарушением элементарных норм поведения превращает текст в смешной абсурд. Уныние, согласно религиозным предписаниям, относится к числу смертных грехов, поскольку предполагает отсутствие веры в Бога и надежды на спасение. Но в контексте приведённой фразы выстраивается иное прочтение отношения к грехам в целом: перед нами шутовское пожелание получать от жизни все удовольствия, даже если они считаются запретными. Речь, по-видимому, идет о плотских грехах – сладострастии, пьянстве и обжорстве. Известная прескрипция об отношении к правде, на которую не обижаются, сколь бы неприятной она ни была, выражена во многих пословицах, например: *Лучше горькая правда, чем сладкая ложь*. В цитируемом афоризме акцентируется другой выводимый смысл: если тебе сказали обидную правду, ответь тем же. Речь идёт не о правде, а о достойном ответе. Аналогичным образом трансформируется и ценностная установка в отношении слабых. Их следует защищать, но в приведённом афоризме имеет место парадоксальное сочетание смыслов: слабый, который сильнее тебя. Значит, этот человек только выглядит слабым, либо имеет сильных сторонников и покровителей, и поэтому общий вывод состоит в совете тщательнее присматриваться к противнику, который может быть сильнее, чем кажется.

Опосредованные отсылки к действиям, имеющим символическую ценность, по-новому осмыслены в трансформированных речениях: *Никому не поставит нас на колени! Мы лежали и будем лежать!* (М. Жванецкий); *Англичане обладают волшебным даром превращать вино в воду* (О. Уайльд); *Люди когда-нибудь станут братьями и снова начнут с Каина и Авеля* (С.Е. Лец). Исходные действия обозначают подвиги, чудеса, достижение идеалов, переосмысление этих действий критически раскрывает природу человека, который ленив, портит всё, к чему прикасается, обречён совершать те же самые ошибки и преступления. Трансформированные афоризмы резко меняют тональность исходных речений, устраняя патетику. Доминирующим отношением к реальности оказывается ирония.

Распространённой формой афоризмов бывают парадоксальные дефиниции. Например, *Демократия – это право делать неправильный выбор* (Дж. Патрик); *Труд – проклятие пьющего класса* (О. Уайльд); *Дипломат: человек, который дважды подумает, прежде чем ничего не сказать* (А. Дрейер); *Последняя иллюзия – вера в то, что ты уже потерял все иллюзии* (М. Шаплен). В основе подобных определений лежат некоторые канонические понятия, выступающие в качестве пресуппозиций в нашей картине мира: Демократия предполагает право выбирать

власть; Среди рабочих распространено пьянство; Дипломаты умеют взвешивать свои слова; Если нечто является последним, то за ним уже ничего нет. Афористы переворачивают эти пресуппозиции, добавляя к ним существенные элементы: выбор оказывается неправильным, и суть демократии ставится под вопрос; тяжёлый труд оказывается причиной алкоголизма у рабочих; тщательно взвешенное слово в устах дипломата превращается в молчание; иллюзии не теряются никогда. В этих выводах содержатся определённые ценностные установки, суть которых сводится к призыву не поддаваться давлению стереотипных представлений и норм.

Заслуживают внимания аллюзивные афоризмы, в содержании которых на первый план выступает кажущийся алогизм: *Все животные равны, но некоторые животные равнее других* (Дж. Оруэлл); *Человеку надо верить, даже когда он говорит правду* (Б. Крутиер); *Когда тебя все любят, то многим это не нравится* (А. Рас); *Если правительство недоволио своим народом, оно должно распустить его и выбрать себе новый* (Б. Брехт). Идея равенства не допускает градации, именно в этом и состоит пафос тезиса о равенстве, ставшего девизом Великой французской революции (*Свобода, равенство, братство*) и зафиксированного в Декларации независимости США (*Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными...*). Если же равенство допускает градацию, то переосмысливается его суть, речь идёт о чём-то ином, перед нами превращение смысла в тотальный абсурд. Общий вывод: равенства нет и не будет. Тезис о том, что людям следует верить, хотя есть вероятность, что тебя обманут, относится к базовым установкам рационального поведения. Вторая часть приведённого предложения (*даже когда он говорит правду*) карнавально переворачивает всё высказывание: оказывается, нужно допускать, что обычно люди лгут, и когда мы их слушаем, мы лишь делаем вид, что верим им. И если человек говорит правду, то он делает это только для того, чтобы нас окончательно запутать. В высказывании о несовпадении любви и одобрения мы сталкиваемся со странным расщеплением субъекта: все любят, но многим это не нравится. Исходная синонимичность предикатов «любить» и «нравиться» не трансформируется, но получается, что местоимение «все» допускает исключение кого-то из этой категории (не все, а некоторые). Из этой фразы следует, что не бывает любви со стороны всех, т. е. перед нами демонстрация любви, которой нет, либо здесь акцентируется идея зависти со стороны тех, кого любят не все. Можно выбрать новое правительство, но нельзя выбрать новое население, хотя у правительства возникают иногда иллюзии относительно возможности такого действия, метафорически это выражено в риторическом вопросе: *Хвост виляет собакой или собака хвостом?* Алогизм подобных высказываний заставляет читателя задуматься над системой ценностей в целом.

Механизмом создания парадоксальных аллюзивных афоризмов часто выступает внутреннее отрицание: *Золотое правило гласит, что нет золотых правил* (Дж.Б. Шоу); *Здоровые люди – это больные, которые еще не знают об этом* (Ж. Ромен); *Уроки истории заключаются в том, что люди ничего не извлекают из уроков истории* (О. Хаксли); *Мифология – совокупность первоначальных верований народа о его происхождении, древнейшей истории, героях, богах и пр., в отличие от достоверных сведений, выдуманных впоследствии* (А. Бирс); *Критиковать – значит доказывать автору, что он не сделал этого так, как сделал бы я, если б умел* (К. Чапек). Внутреннее отрицание радикально меняет модус таких высказываний, ставя по сомнению их истинность: не следует считать, что существует то, о чем говорится. Такое отрицание может быть выражено явно либо скрыто, т. е. через слова «нет, не», через антонимы (здоровые и больные, урок – то, что усвоено – и отсутствие усвоения, достоверное и выдуманное), грамматические формы слова («сделал» – «сделал бы»).

К числу способов неожиданного акцентирования смысла в аллюзивных афоризмах относится сопоставление предметов речи: *Есть только две бесконечные вещи: Вселенная и глупость. Хотя насчет Вселенной я не вполне уверен* (А. Эйнштейн); *Святое Писание велит нам прощать врагов, но о друзьях там ничего такого не сказано* (Ф. Бэкон); *Какие могут быть поклонники, когда кругом сплошь таланты!* (В. Чижев). Оказывается, что типичный пример проявления качества (бесконечность Вселенной) нуждается в замене (нет пределов глупости), что простить друга бывает сложнее, чем простить врага (это понятно, поскольку от врага мы ждём всяческих козней, а предательство друга всегда застаёт нас врасплох), что в ситуации, когда все вокруг высокого мнения о себе, смещаются нормы оценки.

Предельным типом парадоксальных аллюзивных афоризмов являются фразы, которые граничат с нонсенсом: *Никогда не верь первому встречному, например, самому себе* (Я. Васильковский); *Если тебя ударили по лицу, подставь другое!* (Г. Малкин); *В жизни всякое бывает, но с годами все реже* (Б. Крутиер); *Нам никто не мешает перевыполнить наши законы* (В. Черномырдин). Достаточно банальный призыв не доверять первому встречному превращается в запоминающийся парадокс, если этим встречным оказываешься ты сам. И тогда такой призыв развешивается и разворачивается на 180 градусов: людям следует верить. Фраза о том, как себя следует вести, когда тебе нанесли пощёчину, соотносится с известным евангельским предписанием подставить другую щеку, не отвечая на зло насилием. Однако вместо щеки мы сталкиваемся здесь с лицом, это значит, что у человека несколько лиц, т. е. он лицемер, и лицемерие позволяет спастись от неприятностей. Вряд ли афорист серьёзно говорит о такой ситуации, это – пример ироническо-

го обличения лицемеров. Распространённая тривиальная фраза о том, что всякое случается в жизни, получает новое прочтение в уточняющем добавлении – «но с годами всё реже». Мы понимаем, что под «всяким» подразумеваются моменты неожиданного счастья от встречи с симпатичным человеком. Изречение бывшего российского премьер-министра построено на типичном для него сочетании несочетаемых слов: можно перевыполнить план, но нельзя перевыполнить закон. Любое высказывание мы воспринимаем как осмысленное, а подобные фразы интерпретируем как афоризмы. Это изречение можно понять как типичное для наших современников отношение к законам – их пишут для проформы, редко соблюдают и часто переделывают.

Оценочный вектор в аллюзивном афоризме показывает новое осмысление известного тезиса: *Из двух зол обычно выбирают то, которое легче причинить* (Д. Рудый); *В жизни всегда есть место подвигу, но не всегда есть место герою* (К. Кушнер); *Весь мир – театр, но труппа никуда не годится* (О. Уайльд); *Иногда корабль перестает тонуть, как только его покидают крысы* (Л. Кумор); *Если бы змей был запретным, Адам и его бы съел* (М. Твен); *Все не так плохо: нас не продавали – нас выдали даром* (К. Чапек). Выбор из двух зол обычно предполагает возможность получения наименьшего ущерба, но в приведённом предложении показан неожиданный вариант прочтения этой ситуации – причинение вреда; подвиги заслуживают восхищения, но бывает так, что герои остаются в тени; шекспировская фраза «*Весь мир – театр, и люди в нём актёры*» существенно переосмыслена: большей частью это – неважные актёры; пословица *Крысы бегут с тонущего корабля* получает новую интерпретацию: корабль тонет из-за того, что на нём завелись крысы, т. е. те, для кого плавание (символическое обозначение любого дела) – это всего лишь способ пожить; людей привлекает всё запретное, и сюжет о запретном плоде в райском саду приобретает новое забавное осмысление. Предательство за вознаграждение вызывает осуждение, но измена без подобного вознаграждения не менее отвратительна, и фраза *Всё не так плохо* в этом контексте звучит издевательски.

Интересным типом аллюзии является парадоксальная экземплификация, предполагающая знакомство читателя с известным значением слова или смыслом ситуации: *Трагедия – это когда я порезал себе палец. Комедия – когда вы провалились в открытый канализационный люк и сломали себе шею* (М. Брукс); *Квалификация – то, что требуется от низших служащих. От высших служащих требуется отсутствие квалификаций* (К. Бартошевич); *Консерватор – государственный деятель, влюбленный в существующие неурядки, в отличие от либерала, стремящегося заменить их неурядками иного рода* (А. Бирс); *Лентяй: человек, который не*

делает вид, что работает (А. Алле). Мы знаем, что такое трагедия и комедия, но в новом ключе осмысливаем эти понятия применительно к эгоизму; приходится констатировать, что руководство весьма часто не понимает того, с чем оно сталкивается, по причине своей низкой квалификации; идеализм либералов на практике приводит к более опасным последствиям, чем прагматизм консерваторов; всем свойственно по возможности отлынивать от выполнения своих обязанностей, но лентяи делают это открыто. Отметим иронию как доминирующий стилистический приём выражения смысла в аллюзивных афоризмах.

Существуют определённые темы, притягивающие к себе внимание афористов. Такова тема ошибок. Латинская сентенция *Errare humanum est – Человеку свойственно ошибаться* – относится к числу таких излюбленных областей переосмысления: *Ошибаться – свойство человека, прощать – свойство богов* (А. Поп); *Опыт позволяет нам ошибаться гораздо увереннее* (Д. Финчер); *Человеку свойственно ошибаться, но для нечеловеческих ляпов нужен компьютер* (П. Эрлих); *Человеку свойственно ошибаться, но еще более свойственно сваливать вину на других* (NN). Развитие этой темы в аллюзивных речениях показывает, что люди часто застревают на своих и чужих ошибках и не способны прощать тех, кто ошибся, что опыт не гарантирует отсутствия ошибок, что не стоит обольщаться по поводу внедрения компьютеров в нашу обиходную жизнь, что нам присуще стремление выглядеть лучше, чем мы есть на самом деле. Доминирующим оценочным мотивом применительно к этой теме является самокритичность.

Несовпадение внешнего вида и внутреннего содержания явлений – типичная тема для афористических речений: *Нет задачи более достойной истинного либерала, как с доверием ожидать дальнейших разъяснений* (М. Салтыков-Щедрин); *Молчание – золото, но бывает, что и сребреник* (З. Земецкий); *Изгнание из рая часто совершается через триумфальную арку* (В. Брудзинский); *Его понесли на руках – на Голгофу* (У. Зыбура); *Дом мужчины – его крепость, но только снаружи. Внутри это чаще всего детская комната* (К. Люс). Либералы обычно критикуют правительство, но некоторые из них с готовностью начинают служить тем, кого они только что критиковали, и отсюда следует, что вся их критичность была лишь способом привлечь к себе внимание; известная пословица *Слово серебро, а молчание – золото*, призывающая думать, прежде чем говоришь, по-новому осмысливается применительно к ситуации, когда нужно вступить за кого-либо, а мы воздерживаемся от этого, фактически совершая предательство (аллюзия к тридцати сребреникам); наказание может выглядеть как награда: изгнание из рая – первое из наказаний человечества, а прохождение через триумфальную арку – ритуальное действие победителей в древнем Риме; аналогичным образом несут на руках тех,

кто добился исключительных успехов, но завершением этого может быть мучение: Голгофа – место распятия Христа; известная фраза *Мой дом – моя крепость*, характеризующая независимость и силу характера англичан, переосмысливается с позиций женщин в новом ключе: в поведении мужчин есть много детского.

ПОДВЕДЁМ ОСНОВНЫЕ ИТОГИ

Аллюзивные афоризмы представляют собой переосмысления аксиологически маркированных и обозначенных в языке ситуаций. Такие переосмысления, как правило, являются ироническими и распадаются на прямые и косвенные аллюзивные образования, опровергающие либо уточняющие смысл исходных фраз, более или менее парадоксальные. Выделяются аллюзивные афоризмы, допускающие однозначную интерпретацию и открытые для множества толкований. В качестве механизмов построения таких единиц обычно используются парадоксальные определения, внутренние отрицания, сопоставление предметов речи, кажущийся алогизм, парадоксальная экземплификация. Существуют определённые темы, часто используемые в аллюзивной афористике (совершение ошибок, несовпадение внешности и внутреннего содержания и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Дементьев В.В. *Непрямая коммуникация*. М.: Гнозис, 2006. 376 с.
2. Дмитриева О.А. *Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов (на материале французского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Волгоград, 1997. 16 с.
3. Дядык Н.Г. *Гносеологический анализ афоризма как специфической семиотической системы: автореф. дис. ... канд. фил. наук*. Челябинск, 2011. 20 с.
4. Землянская Е.В. *Структурно-семантические и функциональные особенности стилевой интертекстуальности в англоязычном афоризме: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. СПб., 2004. 18 с.
5. Карлик Н.А. *Теоретические основы выявления суггестивного потенциала малоформатных афористических текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук*. СПб., 2013. 28 с.
6. Красных В.В. *«Свой» среди «чужих»: миф или реальность?* М.: Гнозис, 2003. 375 с.

7. Кулишкина О.Н. *Русский афоризм XIX – начала XX веков: эволюция и сферы влияния: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. СПб., 2004. 41 с.*
8. Манякина Т.И. *Языково-стилистическая характеристика жанра афоризмов (на материале немецкого языка): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Киев, 1981. 24 с.*
9. Мартемьянов Ю.С. *Афоризм: проблема построения имплицитного текста // Имплицитность в языке и речи. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 115–123.*
10. Полчанинова Е.О. *Афоризм во фразеологии и фразеологизм в афористике современного немецкого языка: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 22 с.*
11. Сазбандян Т.В. *Функции афоризмов в структуре и динамике познавательной деятельности человека: автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 2008. 28 с.*
12. Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. *Афористика. М.: Наука, 1990. 419 с.*
13. Филиппова М.М. *Непрямая коммуникация и средства создания двусмысленного дискурса // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 75–90.*

КУЛЬТУРА РЕЧИ

УДК 811.161.1'271

Этико-речевые правила в современной теории культуры речи в свете эмпирических данных (речевые стратегии, тактики, техники, приемы, выбор языковых средств): современная концепция дисциплины культуры речи

ETHICAL AND SPEECH RULES IN THE MODERN THEORY OF SPEECH CULTURE IN THE LIGHT OF EMPIRICAL DATA: (SPEECH STRATEGIES, TACTICS, TECHNIQUES, METHODS, CHOICES OF LANGUAGE MEANS): THE MODERN CONCEPT OF THE DISCIPLINE "CULTURE OF SPEECH"

Лазуткина Елена Михайловна
Lazytkina Elena Mikhailovna

Статья посвящена рассмотрению в свете эмпирических данных базовых этико-речевых правил, представленных в современной теории культуры речи. С опорой на труды М.М. Бахтина рассматриваются этико-речевые нормы как металингвистика. В статье также представлены эмпирические данные, характеризующие этико-речевые нормы общения в начале XXI века, анализируются языковые средства диалогизации и интимизации общения. Также с позиций теории культуры речи уделяется внимание естественному развитию языка и вмешательству в этот процесс. Материалом исследования служат спонтанные бытовые диалоги современных носителей русского языка в ситуации неподготовленного общения. При этом выделяются два типа диалогов: интерпретативный и информативный, – и особо оговариваются различные речевые стратегии и приемы осуществления тактик общения. Делается вывод о том, что этический аспект в жизни языка играет значительную роль в нравственной атмосфере социума и оказывает влияние на формирование системы, вследствие чего он должен учитываться и в нормализаторской деятельности лингвистов.

The article presents the very notion of speech culture from the point of view of the modern theory and some fundamentals of the discipline "Culture of Speech". Modern Russian-speakers' spontaneous every-day dialogues are in focus. A theoretical framework

---

is based on classical works on communication by Russian, European and American linguists.

The study proposes two types of dialogues – interpretative and informative. On the basis of the analysis of different speech strategies, techniques and methods of communication, the study reveals some features of communication typical for the beginning of the XXIst century.

The present study argues and gives reasons for the need to consider the ethical aspect in the “normalizing” activities of linguists.

Ключевые слова: культура речи, этико-речевые нормы, речевые стратегии, тактики, приемы

Keywords: culture of speech, ethical and speech norms, speech strategies, tactics, techniques

ЭТИКО-РЕЧЕВЫЕ ПРАВИЛА В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ В СВЕТЕ ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ (РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ, ТАКТИКИ, ТЕХНИКИ, ПРИЕМЫ, ВЫБОР ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ): СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДИСЦИПЛИНЫ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Е.М. Лазуткина

На рубеже XX и XXI веков в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН, в отделе культуры речи, который основал С.И. Ожегов в 1952 году, была создана современная концепция науки культуры речи, сущность которой изложена в следующих работах [Виноградов 1996: 121–152; Граудина 1996: 152–176; Граудина 1998: 25–46; Лазуткина 1996: 65–121; Лазуткина 2003: 680–682; Скворцов 1980; Скворцов 1996: 40–65; Ширяев 1992; Ширяев 1994: 8–22; Ширяев 1996: 3–39; Ширяев 1998: 12–25; Ширяев 2003: 287–290].

Основу теории составляет концепт «диалог». Вследствие этого, весь комплекс дисциплин культуры речи – и прежде всего ортология, функциональная стилистика, прагматилистика, неориторика – решает проблемы достижения цели общения, обеспечения эффективности общения во всех сферах коммуникативного взаимодействия при акцентировании роли адресата.

Культура речи – это культура речевого поведения в разных жизненных сферах. Самое обобщенное определение культуры: «Культура – это каноны в выборе альтернатив». В соответствии с канонами русской национальной культуры, говорящему предписывается уважительное отношение к адресату своей речи, соблюдение языковых норм и правил речевого общения. Вежливость, доброжелательность проявляется и в построении фразы, и в выборе слов. Вот как подчеркивается особенность употребления словоформ в «Наставлении» М.В. Ломоносова: «В сем заключается учтивость: *покажи свою книгу* – сказано со властью: *покажи своей книги* – речь учтивее [М.В. Ломоносов 2011: 447]. Известный лингвист М.В. Панов

писал, что «в быту культурные люди говорят на литературном языке» [Панов 1972: 9–19].

В современном русском языке существуют особые этикетные речевые жанры, цель которых – осуществить самим фактом их исполнения определенное социальное действие, предусмотренное этикетом данного языкового коллектива», например, приветствие, поздравление, извинение и т. п. [Шмелева 2003: 786–787]. Эти жанры сложились в нашей национальной культуре, и эта проблематика является постоянной темой специальных исследований.

В данной статье мы привлекаем внимание к фактам разговорной речи и к тем произведениям публицистического стиля, в которых встречаются разговорные элементы разных языковых уровней.

«Культура речи» – наука о жизни языка в обществе [Лазуткина 2007: 93–110]. В первой половине XX века «культуре речи» традиционно отводилась роль регулятора свода правил и пропаганды аксиологических качеств «хорошей речи» («строй речь ясно», «говори правильно»), из которых наиболее неопределенным является «уместность», поскольку именно это качество перекидывает мостик от речи человека ко всей его деятельности, к структуре речевого общения и делает явным скрытый оценочный (а следовательно, социальный, психологический, когнитивный) компонент, вводящий в методологию научного анализа такие константы прагматики, как говорящий, цель речи, субъект оценки, личность адресата, планируемый результат общения, оценка эффективности общения с точки зрения всех участников, т. е. зона исследования представляет собой многофакторное пространство и параметр «уместность» следует использовать при анализе коммуникативной целесообразности и эстетической ценности каждого речевого образца.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТИКО-РЕЧЕВЫХ НОРМ КАК МЕТАЛИНГВИСТИКА

Современная теория культуры речи обращена к дискурсу, т. е. к анализу структуры и модальностей текста, поэтому ее методологический аппарат не сводится только к анализу высказывания, а базируется на правилах исследования текста. Лингвист должен учитывать характеристики стратегии, тактики, приемов, анализировать выбор говорящим средств в динамическом процессе речевого поведения – в диалоге или полилоге.

«Культура речи» в современной научной парадигме является обобщающей, металингвистической наукой, которой под силу делать прогноз влияния речевой практики на систему языка и на уровень владения языком в обществе. В соответствии с этим, палитра задач «культуры речи» разнообразна, ее интересы смыкаются с социолингвистикой, психолингвистикой, лингвистической прагматикой, когнитивной лингвистикой, риторикой и другими современными науками о языке [Лазуткина 2007: 93–110].

Речевая практика зависит от культурных стереотипов и этических принципов, выработанных людьми и принятых в социуме. Этический аспект речевого общения, который ощущается каждым носителем языка и который обуславливает стилистический модус дискурса или реплики-высказывания, играет значительную роль в речевом портрете каждого человека и оказывает большое влияние на формирование системы языка.

Речевое поведение может быть намеренным или безотчетным, неконтролируемым (в силу каких-нибудь биологических причин или причин асоциального поведения). Такие типы речевого поведения, помимо дисциплины культуры речи, обычно исследуются и в рамках психолингвистики или социопсихологии. Интерес к выявлению положительных и отрицательных факторов, влияющих на речевое поведение, возник в отечественном языкознании давно. Так, в XVIII веке в «Российской грамматике» М.В. Ломоносов к одному из своих Наставлений дает пример речения: *Не давай воли языку в пировании* [Ломоносов 2011: 447].

Предметом изучения «культуры речи» являются речевые образцы – высказывания-реплики и фрагменты дискурса (минимальный фрагмент – диалогический шаг – обмен репликами), – в которых воплощается замысел говорящего, связанный с его стремлением решить какие-либо экстралингвистические задачи. Всегда тема речи осуществляется в координатах времени и пространства и вбирает в себя все социальные параметры жизни. Речевое общение – более широкое понятие, чем диалог в обычном смысле этого слова. М.М. Бахтин пишет о «диалогической взаимоориентации» сознания: «Действительной реальностью языка-речи является не абстрактная система языковых форм, и не изолированное монологическое высказывание .... а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое высказыванием и высказываниями» [Волошинов (Бахтин) 1993: 312]. С конструктом «диалог» М.М. Бахтин связывает вопрос об алгоритме речевой деятельности. Он говорит о таком необходимом этапе порождения речи, как «коммуникативная заинтересованность», «поиск солидарности в общении», а также выделяет необходимую конструктивную составляющую речи, облигаторный компонент идеорече-

вого цикла – «высшую инстанцию ответного понимания». Строя сообщение, говорящий адресуется к высшей реальности – несубстанциальной [Бахтин 1996: 397].

В конце XX века теоретические постулаты М.М. Бахтина подтвердились экспериментальными исследованиями в психологии и психолингвистике, установившими, что диалог – основная категория процессов человеческого сознания, познания и общения [Радзиховский 1988: 27; Харитонов 1988: 55]. Идеи М.М. Бахтина о типах речевого поведения стали популярны в прагматике, в функциональной лингвистике, которая обратилась к разработке темы «Дискурс», и в дисциплине «культура речи», для которой приоритетным является понятие «уместность» при решении специфических задач: «Как сказать правильно?»; «Как лучше сказать об этом в данной ситуации?». С темой «диалог» в современной лингвистике связаны попытки построения общей теории языка [Chafe 1994; Givon 1995].

Многоаспектность направлений изучений речевого поведения человека дало основание критикам называть теорию М.М. Бахтина **металингвистикой**: «“Металингвистика” Бахтина потому и “мета” и “после”, что она признает для себя некую реальность помимо языковой» [Бонецкая 2002: 182]; «Его [Бахтина] учение о “слове”, неотделимом от человеческого поступка, а затем от ситуации человеческого общения, дает весомый повод относить его взгляды к области социальной онтологии и даже философии культуры» [Бонецкая 2002: 2000].

В связи с изучением этико-речевых норм актуальны следующие вопросы:

- описание типологии современных речевых жанров;
- обнаружение в неподготовленной диалогической речи субъектов оценки (модусов оценки);
- выявление специфической диалоговой текстовой структуры и модальности диалога («монофонии полилога») и изучение способов его конструирования;
- описание способов невыражения логических структур диалога (или полилога);
- описание тенденций развития спонтанного диалога;
- выявление техники и приемов мгновенного реплицирования;
- описаний условий применения техники намекания и его типологии;
- описание идиоматики, тропов и фигур, частотных в спонтанных диалогах.

ТИПИЗИРОВАННЫЕ ФОРМЫ ДИАЛОГОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

Из социальной природы языка («высказывание социально»; «Язык должен быть включен в единую сферу организованного социального общения» [Бахтин 1993: 258]) вытекает механизм его использования и формирование речевых навыков: «Слово должно было сначала родиться и созреть в процессе социального общения организмов, чтобы затем войти в организм и стать внутренним словом» [Бахтин 1993: 298].

Признание социальной природы языка ставит вопрос о типичных (стереотипных) ситуациях общения и о типических формах выражения, ориентированных на **восприятие адресатом**. Высказывания – ответы на вопросы. «То высказывание, которое не отвечает ни на какой вопрос, бессмысленно»; «Я» – отклик на зов другого, представление «меня в осознанной мерности, а не наоборот» («Высказывание с самого начала строится с учетом возможных ответных реакций, ради которых оно, в сущности, и создается» [Бахтин 1996: 199–200]).

В речевом общении М.М. Бахтин увидел типические формы высказываний – **речевые жанры**; обнаружил в речевых жанрах определенные жанровые схемы: «Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных или письменных) участников той или иной области человеческой деятельности» [Бахтин 1996: 159–176]. Существуют «устойчивые жанровые формы высказывания» [Там же: 180]. Речевой жанр имеет «типическую концепцию адресата» [Там же: 200]. «Речевые жанры даны нам почти так же, как дан родной язык... Научиться говорить – значит научиться строить высказывания» [Там же: 181].

М.М. Бахтин пишет, что в речи существует ценностная социальная ориентация. «Переживание *всегдашней*». «Каждое высказывание – прежде всего оценивающая ориентация. Оценка будет определять выбор и размещение всех основных значащих элементов высказывания» [Бахтин 1996: 303–323].

В процессе речепорождения оценочный фон возникает одновременно с содержательным импульсом высказывания. Мы называем этот оценочный фон **стилистическим модусом**. Таким образом, коммуникативный замысел автора всегда рождает стилистический модус, который участвует в формировании интонационной конструкции речи и линейных блоков фразы и всего фрагмента дискурса. Стилистический модус принадлежит культуре в широком смысле слова: он связан с культурой эпохи, с культурой социума и отношений в социуме, с культурой личности. Ср.: «Человеческое существо порождает многослойность культуры, а культу-

ра демонстрирует различные аспекты “восприятия мира и человеческой жизни”» [Бахтин 1990: 96].

Таким образом, стилистический модус участвует в репрезентации содержания высказывания, иначе говоря, он и есть главная часть содержания. Он руководит отбором синтаксических структур и лексического состава. Это подтверждают современные философы и лингвисты; ср: «Познание и ценностное отношение составляют две неразрывные и равные по своему значению стороны <...> к человеческому сознанию следует подходить не только как к знанию, но и как к отношению <...>. Познание является основой переживания любого объекта, как и, наоборот, интерес, страсть по отношению к объекту повышают эффективность его познания» [Мигунов 1986]. Н.Д. Арутюнова считает, что нет четких границ, разделяющих ментальную и эмоциональную сферы [Арутюнова 1989: 7].

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩИЕ О ХАРАКТЕРЕ ЭТИКО-РЕЧЕВЫХ НОРМ В XXI ВЕКЕ

Для каждого нового поколения культура социума предстает как многоаспектная структура, облигаторно включающая такие области, как культурный язык народа, мир знаний, убеждения, системы ценностей общества и этические принципы. Принято считать, что культурный язык народа – литературный язык – «репрезентирует нацию», является основой творческого потенциала народа и процветания национальной культуры. Вследствие этого феномен культуры речи естественным образом связан с понятием культуры человека вообще, общества – и конкретно – с культурой мировосприятия, мышления, речевого поведения. Индивидуальный культурный опыт человека позволяет говорить о нем как о личности, и прежде всего как о языковой личности [Караулов 1987].

Обратимся к анализу бытовых диалогов, неподготовленных речевых ситуаций в уличных сценках. Эти диалоги и полилоги могут быть разделены на два разряда – **интерпретативные и информативные.**

Речевые стратегии общения – определяются по коммуникативной установке, макроинтенции одного или всех участников диалога (полилога). Стратегия связана с поисками общего языка и выработкой основ диалогического сотрудничества: это выбор тональности общения между участниками, имеющими разные характеристики по возрасту, полу, по социальным и психологическим ролям и другим

критериям. Выработка стратегии разговора всегда осуществляется под влиянием требований *стилистической нормы*. По отношению участников диалога к такому принципу организации общения, как *солидарность*, или кооперация, речевые стратегии можно разделить на **кооперативные и некооперативные**.

К кооперативным относятся разные типы информативных и интерпретативных диалогов; например, сообщение информации, выяснение истинного положения вещей (при этом активны оба участника: спор, обмен репликами по какому-н. вопросу; просьба, совет, убеждение кого-н. в чем-н., увещевание кого-н.).

К средствам выражения кооперативной стратегии относятся разные способы оценки собственной речи говорящего: вводные слова, кавычки в письмах и в записках. См. диалог 2-х знакомых:

А.: – *Вчера сережку потеряла. Жалко... Помнишь, эти, с александритом?*

Б.: – *Где ж тебя так трепали? Извини, в какую толкучку, я хотела сказать, ты попала? Задела шапкой? Воротником?*

Здесь говорящий в ходе ответной реплики прогнозирует реакцию адресата, пытается выразиться мягче, деликатней, осознав неуместность первоначального варианта.

К некооперативным стратегиям относятся диалоги, в основе которых лежит нарушение правил общения – доброжелательного сотрудничества, искренности, соблюдения «кодекса» доверия; например: разговоры, направленные на выяснение отношений, конфликты, ссоры, перебранки, претензии, требования, приказы, угрозы, лукавство, ложь, уклонение от ответа. Насмешка, ирония, намек нередко становятся формой выражения злобы, агрессии.

Интересный материал представляют диалоги с «предписывающей» репликой инициатора общения в диалогах, в которых говорящий дает совет рекомендацию кому-либо, обращает внимание собеседника на что-либо, делает доброжелательное замечание. Ответная реплика несогласного собеседника часто представляет собой приведение парадоксальной ситуации на основе гиперболы, антитезы – в качестве довода, отстаивания, оправдания своей позиции – «довода от противного». Этот избитый прием свидетельствует о низкой речевой культуре собеседника. Ср.:

(1) А.: – *Ты легко одета. Не замерзнешь?*

Б.: – *А что, я шубу **должна была надеть** при нуле градусов?*

- (2) А.: – *Ваш сын много времени проводит на тренировках.*
 Б.: – *Хуже было бы, если б он вообще не занимался спортом.*

Довод от противного может имплицитно содержаться в отрицательных по смыслу репликах, имеющих форму вопросительного предложения; например:

- А.: – *А брат знает, что ты вечером с Татьяной идешь в Дом музыки?*
 Б.: – *А что, я должен всех об этом оповестить?*

Ирония обычно свидетельствует о несогласии с точкой зрения адресанта. См., например, иронические реплики с приемами повтора и паузирования.

- (1) А.: – *По виду ты вроде процветаешь.*
 Б.: – *Ага. Процветаю... цветочками на блузке.*
- (2) А.: – *Ваш сосед ждет, что при переезде вы отдадите ему гараж.*
 Б.: – *Сейчас. Отдадим! Догоним и еще дадим!*

Ассертивные синтаксические фразеологизмы обычно используются как экспрессивный синтаксический прием при выражении несогласия; например:

- А.: – *Говорят, в этой поликлинике хорошая зарплата.*
 Б.: – *Какая там зарплата!*

Споры на различные темы, бытовые диалоги и полилоги демонстрируют нам формирование **эпистемической модальности**. Собеседники следуют тактике солидарности в общении, тактике привлечения внимания к своему мнению. В репликах обычно отражается общая апперцепционная база, общие интересы. К такому диалогу подходят слова Ф. Абрамова «разговор-обмен симпатией»; например:

- А.: – *Тесто на дрожжах?*
 Б.: – *Да. Пеку на дрожжах, но не совсем обычно.*
 А.: – *Сейчас на сгущенке модно ставить тесто.*
 Б.: – *Можно и на сгущенке, и на твороге. Нет, я ставлю на кефире, дрожжей очень мало.*
 А.: – *А я кислое тесто ставлю так...*

Речевые тактики выполняют функцию способов осуществления стратегии речи: они формируют части диалога, группируя и чередуя модальные оттенки разговора (оценки общепринятые и собственные, мнения, эмотивные и аксиологические оценки).

Обычно тактики осуществления определенной стратегии речи несут печать и национальной психологии. Это убедительно показано в работе Е.М. Верещагина, Р. Ротмайер, Т. Ройтер на примере тактики «призыва к откровенности». В русской речевой культуре принята апелляция к высшему нравственному императиву, ценностям. В немецкой – только в общении с детьми, а в речи взрослых, в основном, тактика призыва к интересам собеседника.

Речевые тактики выполняют функцию способов осуществления стратегии речи: они формируют части диалога, группируя и чередуя модальные оттенки разговора (оценки общепринятые и собственные, мнения, эмотивные и аксиологические оценки).

Приемы речевого воплощения стратегий и тактик могут быть разделены на тривиальные способы выражения смысла (сложившиеся стереотипы речевого поведения) и нетривиальные. При выражении просьбы или извинения обычно используются прямые, а не косвенные речевые акты; например: *Извините, пожалуйста* (ср. некорректное выражение *Я извиняюсь); – и, наоборот, при выражении просьбы-предложения – используются косвенные речевые акты; например: *Вы не могли бы открыть окно?*

Отрицание обычных схем речевого поведения или отрицание ценностных ориентиров, принятых в данном микросоциуме, выявляет желание инициатора общения эпатировать собеседников и относится к нетривиальным приемам.

К нетривиальным приемам относится использование конструкций или фрагментов текста, в которых имеет место выражение смысла неявным способом, имплицитно. Они могут опираться на известные только собеседникам факты; например имплицитное выражение неудовольствия: *Он все-таки пришел на репетицию* (косвенный намек на контекст реплики и модальность отрицания – «не должен был приходиться»).

Молчание представляет собой важный прием осуществления целого ряда тактик при кооперативной и некооперативной стратегии. Молчание может быть эквивалентом реплики-утверждения, обещания, просьбы, согласия, ожидания, запинки, оценки. Демонстративное молчание может иметь аффективную природу и преследовать цель прекратить разговор. «Многозначительное» молчание может выявлять тактику разделения ролей в разговоре или социально-ролевых отношений. Особое явление – фоновое молчание согласия, которое выражает атмосферу солидарности в общении и согласия между собеседниками. Ср.: «Когда люди сочувственно

встречаются в исчезающих оттенках, они могут молчать о многом – очевидно, что они согласны в ярких цветах и густых тенях» (А.И. Герцен. Былое и думы).

При кооперативной стратегии *успех* коммуникативного взаимодействия – это всегда осуществление речевого замысла инициатора общения, убеждение адресата, а также его нужная эмоциональная реакция. Обычно используются аргументативные предложения, глаголы мнения, а также «неверифицируемые коммуникативные приемы», когда в пресуппозицию (первую часть высказывания) помещаются определения-эпитеты с непрозрачной семантикой; например: *Как все настоящие ученые, он был романтиком; Это шикарное платье будет всегда иметь успех.*

Тактика согласия с собеседником использует такой прием, как подхват адресатом реплики адресанта, подбор коммуникативного синонима тому выражению, которое использует инициатор общения.

Некооперативные стратегии используют все возможности грамматической системы, системно закрепленные образцы, образованные по законам транспозиции, имеющие особую стилистическую значимость. Так, к сожалению, в современном речевом общении получили распространение фразы с глаголами в прош. вр., которые не только выражают побуждение к действию, но и подчеркивают непаритетные отношения между участниками общения, разные социально-психологические роли, поскольку ещё не совершенное действие адресата говорящий обозначает как уже совершенное; например фраза учителя в классе: *Проверили диктант, закрыли тетради, положили на стол!*

Исторически сложившиеся культурные стереотипы общения, существующие в коллективном языковом сознании, проявляются и **в неподготовленной, спонтанной речи** – при случайно возникших обстоятельствах общения в городском транспорте, в магазине, в поликлинике, на детской площадке, во дворе и т. п.

Техника мгновенного реплицирования обычно не претерпевает изменений в зависимости от речевых жанров, однако вводит в перечень факторов учета знание этикетных правил речевого поведения. Главные стратегические направления неподготовленного обмена репликами, показывающими культурный уровень участников общения – это получение информации, желание повлиять на сложившуюся вдруг ситуацию, фатическое общение. При этом всегда имеет место заинтересованность в общении. Коммуникативная компетенция участников короткого разговора проявляется в умении говорящих выбрать ситуативно уместную форму представления знаний, тональность интерпретации реальных событий, интерес-

ный для собеседника прием оценки. Риторика рождается в стихийном реплицировании, в неподготовленном речетворчестве. Часто встречаются такие фигуры, как перифразы, аллюзии, гиперболы, литоты, градация, риторические вопросы и восклицания, эллипсис, анафора, антитеза; например силлепсис: *Мы живые или где? Я женщина или как? Пришел без никому.*

Следует помнить, что каждая речевая ситуация имеет свою эстетику, и все языковые средства выполняют эстетическую функцию, в том числе и модные словечки, которые заполняют паузы. Они выявляют категории красивого и безобразного, комического и трагического, гармонии и диссонанса, характерные для данного периода жизни общества. Поэтому необходимо соблюдение этических норм межличностного взаимодействия, демонстрация уважения к собеседнику, иначе остроты и шутки могут оказаться неуместными или оскорбительными. Как писал М.М. Бахтин, смех может не только раскрепощать, но и унижать человека.

СРЕДСТВА ДИАЛОГИЗАЦИИ И ИНТИМИЗАЦИИ ОБЩЕНИЯ

В структуре текстов разных речевых жанров получили закрепление средства, которые обычно используются для привлечения и активизации внимания собеседника, для создания благожелательной атмосферы в диалоге. К таким средствам относится частое повторение обращения в диалоге или в полилоге (это сигнал вежливости, внимания к собеседнику и доброго к нему отношения); суффиксы уменьшительности-ласкательности.

Смягчающими приемами ведения разговора являются также косвенное информирование, аллюзии, намеки, которые дают понять адресату истинные причины подобной формы высказывания. Кроме того, смягчение отказа или выговора может реализоваться приемом «смены адресата», при котором делается намек или проецируется ситуация на третьего участника разговора или на постороннее лицо; например высказывание преподавателя (при осуждении поведения отца по отношению к подростку): *Некоторые люди не понимают особенности возрастной психологии.*

Ты-общение и *вы*-общение зависит от многих факторов и обстоятельств коммуникативного взаимодействия. Здесь играет роль принадлежность коммуникантов к определенному социальному страту, возраст участников разговора, степень знакомства, образованности, а также степень душевной расположенности. *Ты*-общение и *вы*-общение также являются индикатором уважительного или неуважи-

тельного отношения между людьми в спонтанном речевом общении в городских сценках.

Ты-общение представляет собой сигнал общения близких людей. Но регулярно общающиеся и близкие по духу люди могут всю жизнь называть друг друга на *вы*, демонстрируя уважительное отношение к *личной сфере* своего адресата (так это было в общении профессора Ю.М. Лотмана с другом Борисом Егоровым). И, с другой стороны, естественно выглядит *ты*-общение незнакомцев (особенно среди мужчин), например, если пришедший на остановку общественного транспорта пожилой человек обращается к молодому человеку на *ты*, не собираясь продолжать разговор после получения ответной реплики; например: *Ты не видел, 471-й автобус уже прошел?*

Исторически в языковой системе сложились способы перифрастической номинации всего, что оскорбляет вкус адресата и нарушает культурные стереотипы общения. Это перифразы относительно ухода из жизни, половых отношений, физиологических отправлениях.

В традициях русского речевого этикета запрещается присутствующим говорить в третьем лице (*он, она, они*). Этот запрет является приемом лингвистической прагматики. Цель его – показать уважительное отношение ко всем участникам общения, он способствует тому, что все собеседники оказываются в одном дейктическом пространстве речевой ситуации: «я – ты (вы) – сейчас – здесь».

Считается некорректным речевым поведением перебивание собеседника.

Следует иметь в виду, что речевая ситуация *развивается во времени*, и каждая последующая реплика «наслаивается» на все сказанное ранее, взаимодействует с ним, и результат этого взаимодействия непредсказуем. В процессе общения атмосфера диалога или полилога становится не менее существенной, чем его содержание.

ЕСТЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА И ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ЕСТЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА

Исторические этапы жизни социума сопровождаются изменением практики речевого общения, поскольку меняется структура общества, возникают новые типы

социального взаимодействия и степень участия различных социальных групп в речевом общении. Особенно остро проблема культуры речи встает в эпоху социальных потрясений. Появление социальных групп, не знакомых с нормированной речью, использующих в своей жизни язык только на бытовом уровне, оторванных от дискурсов, в которых доминирует когнитивно-оценочная функция языка, скажется на языковом чутье носителей языка, на чувстве стиля и на грамотности, а во всем социуме – на состоянии языковой системы. Л.В. Щерба в 1931 году по этому поводу сказал следующее: «историю языка можно в сущности представить как ряд катастроф, происходящих от столкновения социальных групп» [Щерба 1974: 30]. Ср. мнение М. Холквиста: «Нормативные представления, которые в определенное время и в определенном месте имеют видимость вневременных и универсальных, на самом деле определяются конкретным историческим периодом, обусловлены той или иной системой культурных ценностей» [Холквист 2002: 270]. Аналогичное мнение находим в [Daneš 1986].

Однако обычная речевая практика носителей языка, жизнь языка в социуме может подвергаться опасности намеренного внедрения грубых выражений, нарушающих уважительное отношение к человеку, эпатажного вульгарного просторечия и формирования «снижающей» тенденции в речи (термин М.М. Бахтина). Бодуэн де Куртенэ предупреждал о «преступном вмешательстве в естественное развитие языка» [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 140]. А.А. Потебня писал, что «никто не имеет права впадать в язык народа того, чего сам этот народ в своем языке не находит» [Потебня 1989]. Тем не менее в СМИ и в речи политиков часто имеет место намеренное снижение культурного уровня речевого общения. При этом нарушаются этические нормы общения: в мир потенциальных зрителей или читателей агрессивно внедряется пошлость, «другой мир», чтобы он стал для них обычным. Происходит искусственное создание стилистически сниженных «вариантов» для общелитературных выражений путем включения в речевое сознание общности, узуальности употребления вульгарных выражений, жаргонных оборотов, тюремной лексики. *Блин, на хрен, хреновый, до хрена, мне всё по хрену, походу, по жизни* и т. д. слышим мы иногда в речи персонажей художественных фильмов, сериалов, участников ток-шоу. Так, телеведущий А. Гордон в разных ток-шоу иногда допускает употребление слов вульгарного просторечия, оскорбляющих вкус зрителей; см. например фразы в передаче «Мужское / Женское»: *Блин, думаю я, на хрен мне такая жена, которая считает кого-то лучше меня* (речь шла об увлеченности одной из зрительниц певцом Политовым); *Вы пошли бухать, а сына оставили мужу*.

Непринужденное речевое общение в деловой обстановке подчиняется как общим этическим правилам, так и установленным в том или ином коллективе нормам

межличностного общения. В быту употребление обращений, называние собеседника так, как принято в национальной культуре. Иной тип обращений в иностранных фирмах и корпорациях (по имени). Так, вне зависимости от возраста, в общении внутри корпорации или даже в деловой переписке между сотрудниками Майкрософт предписывает обращение без отчества. Иногда сотрудники называются полным именем (например *Павел, Виктор, Анна*), иногда кратким именем (например *Дима, Саша, Лена*). Письменные и устные правила внутрикорпоративного общения накладывают отпечаток на речевое общение людей вне рабочего времени и, в целом, на человеческие отношения, понижая уважительность, внедряя элемент панибратства, что несвойственно национальной речевой культуре.

Юмор, смех, комическое начало также может не только способствовать сближению собеседников, но и быть проявлением агрессии, освобождения от мира культурных ценностей, от стыда, от жалости, может быть требованием, чтобы адресат снизил оценку своего статуса, отказался от самого себя.

Таким образом, этический аспект в жизни языка играет значительную роль в нравственной атмосфере социума и оказывает влияние на формирование системы, вследствие этого он должен учитываться и в нормализаторской деятельности лингвистов.

Этика предполагает введение в обиход понятий «свобода», «желательность», «допустимость», а в рамках этого поля – введение категории «принуждение» как принуждение следовать языковым нормам, принуждение как сопротивление злу, как защита прав всего языкового сообщества.

Соблюдение этико-речевых правил особенно важно в наше время, когда планетарный процесс глобализации искусственно создает посредством политики, экономических условий и идеологии факторы разрушения языков, уничтожение общего коммуникативного пространства народа, уничтожения «органической связи между языком и его носителями» [Кирилина 2012: 10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // *Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов.* / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Наука, 1989. С. 7–31.

2. Арутюнова Н.Д. Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. М.: Наука, 1992. URL: <http://library.univer.kharkov.ua/ОраcUnicode/index.php?url=/notices/index/36403/default>. Дата последнего обращения: 15.11.2015.
3. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. М.: Русские словари, 1996. Т. 5. URL: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fphilologos.narod.ru>. Дата последнего обращения: 22.11.2015.
4. Бодуэн де Куртене И.А. К критике международных искусственных языков // Избранные работы по общему языкознанию. Т. II. М.: Изд-во АН, 1963. С. 139–140.
5. Бонецкая Н.К. М. Бахтин и двадцатые годы // Михаил Бахтин: pro et contra (антология). Том II. СПб.: РХГИ, 2002. С. 132–201.
6. Верещагин Е.М., Ротмайер Р., Ройтер Т. Речевые тактики «призыва к откровенности». Еще одна попытка проникнуть в идиоматику речевого поведения и русско-немецкий контрастивный подход // Вопросы языкознания. 1992, № 6. С. 82–93.
7. Виноградов С.И. Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М.: Наука, 1996. С. 121–152.
8. Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.). Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: Лабиринт, 1993. URL: <https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fsgulingv.narod.ru%2Fseminar%2Fbahtin2.doc&name=bahtin2.doc&lang=ru&c=5659b709cc62>. Дата последнего обращения: 28.11.2015.
9. Граудина Л.К. О современной концепции отечественной риторики и культуре речи // Культура русской речи и эффективность общения. М.: Наука: 1996. С. 152–176.
10. Граудина Л.К. Основные признаки культуры речи как языковедческой дисциплины // Культура русской речи. Учебник для вузов. М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА, 1998. С. 25–46.
11. Кирилина А.В. Некоторые аспекты формирования философии языка в эпоху глобализации // Жизнь языка в культуре и социуме–3. Материалы международной научной конференции. Москва, 20–21 апреля 2012 года. М.: Институт языкознания РАН, РУДН, 2012. С. 9–10.
12. Красных В.В. Место и роль культуры и лингвокультуры в культурной идентификации и самоидентификации // Жизнь языка в культуре и социуме–3. Мате-

- риалы международной научной конференции. Москва 20–21 апреля 2012 года. М.: Институт языкознания РАН, РУДН, 2012. С. 10–14.
13. Лазуткина Е.М. Культура речи среди других лингвистических дисциплин // Культура русской речи и эффективность общения. М.: Наука, 1996. С. 65–121.
  14. Лазуткина Е.М. Стилистика // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 680–682.
  15. Лазуткина Е.М. «Культура речи» как наука о жизни языка в обществе // Вопросы культуры речи. Вып. IX. М.: Наука, 2007. С. 93–110.
  16. Ломоносов М.В. Наставление шестое. Глава 3. «О сочинении глаголов» // Полное собрание сочинений. 2-е изд., испр. и доп. Том 7. Российская грамматика. §§ 502–503. СПб.: Наука, 2011. С. 447.
  17. Мигунов А.С. Искусство и наука: о некоторых тенденциях к сближению и взаимодействию // Вопросы философии. 1986, № 7.
  18. Панов М.В. О литературном языке // Русский язык в национальной школе. 1972, № 1. С. 9–19.
  19. Поттебня А.А. Мысль и язык // Слово и миф. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 17–282. URL: http://platonanet.org.ua/load/knigi_po_filosofii/istorija_ukrainskaja/potebnja_slovo_mif/69-1-0-4680. Дата последнего обращения: 28.11.2015.
  20. Радзиховский Л.А. Диалог как единица анализа сознания // Познание и общение. М.: Наука, 1988. С. 24–35.
  21. Скворцов Л.И. Теоретические основы культуры речи. М.: Наука, 1980. 352 с.
  22. Скворцов Л.И. Современные отечественные и зарубежные исследования в области культуры речи (в нормативном и коммуникативном аспектах) // Культура русской речи и эффективность общения. М.: Наука, 1996. С. 40–65.
  23. Харитонов А.Н. Переопосредствование как аспект понимания в диалоге // Познание и общение. М.: Наука, 1988. С. 52–63.
  24. Холквист М. Диалог истории и поэтики // Михаил Бахтин: pro et contra (антология). Том II. СПб.: РХГИ, 2002. С. 229–276.
  25. Ширяев Е.Н. Культура русской речи: теория, методика, практика // Известия АН. Сер. литературы и языка. 1992, № 2, Т. 51. URL: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1992/02/922-036.htm>. Дата последнего обращения: 28.11.2015.

26. Ширяев Е.Н. *Общая характеристика парламентской речи и ее особенностей // Культура парламентской речи. М.: Наука, 1994. С. 8–22.*
27. Ширяев Е.Н. *Предисловие: цели и задачи монографии. Культура речи как особая теоретическая дисциплина // Культура русской речи и эффективность общения. М.: Наука, 1996. С. 3–39.*
28. Ширяев Е.Н. *Современная теоретическая концепция культуры речи // Культура русской речи. Учебник для вузов. М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА, 1998. С. 12–25.*
29. Ширяев Е.Н. *Словарь и современная концепция культуры речи // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 9–12.*
30. Ширяев Е.Н. *Культура речи // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 287–290.*
31. Шмелева Т.В. *Этикетные речевые жанры // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 786–787.*
32. Щерба Л.В. *О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 24–39.*
33. Chafe W. *Discourse, Consciousness and Time. The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. Chicago – London: University of Chicago Press, 1994. 327 p.*
34. Daneš F. *Values and Attitudes in Language Standardization // Reader in Czech Sociolinguistics. Praha: Academia, 1986. Pp. 206–245.*
35. Givon T. *Functionalism and Grammar. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 1995. 486 p.*

ГОДУ КИНО В РОССИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

УДК 811.161.1'37+42

**Смена коммуникативных масок как основа стратегии
актера при создании образа (К. Хабенский
в «Деле о “Мертвых душах”»)**

**COMMUNICATIVE MASK CHANGING AS AN ACTOR'S STRATEGY
BASE FOR CREATING A CHARACTER (K. KHABENSKY IN 'DEAD
SOULS' CASE)**

*Коростелева Анна Александровна
Korosteleva Anna Aleksandrovna*

Исследование выполнено методом семантического коммуникативного анализа. Рассматривается работа коммуникативных средств русского языка при создании образа персонажа в кино («Дело о “Мертвых душах”», 2005). Применяемый актером прием дробления языковых личностей базируется на сверхчастотной смене коммуникативных характеристик речи персонажа. Характер героя создается главным образом за счет целенаправленного отбора актером собственно коммуникативных средств (частиц, междометий, интонации и малых средств звучания). Разбор коммуникативной дорожки фильма расширяет наши представления о возможностях русских коммуникативных единиц при формировании характера в кино. Результаты исследования могут быть полезны при дальнейшем изучении эстетической функции средств коммуникативного уровня, а также в изучении вопросов, связанных с понятием языковой личности и индивидуальной коммуникативной стратегии. Данный материал может использоваться в дальнейшем в курсах по поэтике художественного произведения, по фонетике и интонации, в специализированных курсах по семантике коммуникативного уровня для студентов-филологов, в практике преподавания русского языка как иностранного на продвинутом этапе, а также при работе со студентами театральных вузов по обучению их актерскому мастерству.

The study is conducted within the methodological framework of semantic communicative analysis. It shows the creation of a movie character with thy help of the communicative means of Russian language ('Dead Souls' Case / Delo o 'Myortvykh dushakh', 2005). The method of fragmentation of linguistic personality, used by the actor, is based on high frequency change of communicative characteristics of the character's speech. The

actor creates his character mainly using a targeted selection of communicative means (particles, interjections, tone and minor vocal tools). The examination of a movie's communicative track expands our understanding of Russian communicative units' potential for creating a character.

The results of this study can be used for further research on the aesthetic function of the communicative means, as well as on the concepts of linguistic identity and individual communicative strategy. The material can be used for courses on poetics of a spoken text, phonetics and intonation, for special courses on semantics of the communicative level for philology students, for advanced courses of Russian as a foreign language and also for teaching acting to theater students.

Ключевые слова: эстетическая нагрузка коммуникативных средств, коммуникативная семантика, звучащий кинодиалог, коммуникативная стратегия актера.

Keywords: aesthetic function of communicative means, communicative semantics, spoken film dialogue, actor's communicative strategy.

СМЕНА КОММУНИКАТИВНЫХ МАСОК КАК ОСНОВА СТРАТЕГИИ АКТЕРА ПРИ СОЗДАНИИ ОБРАЗА (К. ХАБЕНСКИЙ В «ДЕЛЕ О “МЕРТВЫХ ДУШАХ”»)

А.А. Коростелева

Разработанный М.Г. Безяевой метод семантического коммуникативного анализа [Безяева 2002, 2005, 2006, 2008а, б, 2010а, б, 2012, 2013а, б, 2014, 2015а, б] открывает принципиально новые возможности по исследованию устройства русской коммуникативной системы и функционирования ее в различных условиях, на различном материале – в частности, при изучении коммуникативных дорожек в кинематографе.

Метод семантического коммуникативного анализа предполагает выделение в рамках системы языка номинативного и коммуникативного уровней, которые представляют собой две отдельные системы, принципиально различно организованные, каждая со своими законами функционирования. Семантика единиц номинативного уровня связана с передачей информации о действительности, преломленной в языковом сознании говорящего. Семантика коммуникативного уровня языка связана с соотношением позиции говорящего, позиции слушающего и оцениваемой и квалифицируемой ими ситуации. Коммуникативная система русского языка до недавнего времени оставалась практически неизученной; явления этого уровня крайне редко попадали в поле зрения лингвистов и не могли быть верно интерпретированы в отсутствие разработанного научного аппарата, и исследования в русистике были сосредоточены на материале номинативного уровня.

Коммуникативный уровень русского языка включает в себя чрезвычайно разнородные единицы – от **собственно коммуникативных** (наклонения, частицы, междометия, интонация, другие средства звучания, порядок слов) до **средств, способных выполнять наряду с коммуникативной и номинативную функцию** (словоформы полнозначных лексических единиц, части речи, грамматические категории). Организующими понятиями для коммуникативного уровня являются понятия **целеустановки, вариативного ряда конструкций, ее обслуживающих, и инвариантных параметров средств, входящих в эти конструкции.** Коммуни-

кативная конструкция объединяет в себе конкретные реализации инвариантных параметров единиц, подчиняющиеся особому алгоритму развертывания семантических параметров. Почти все инварианты русских коммуникативных единиц способны к антонимическому развертыванию. Помимо этого, сами параметры и их реализации могут относиться к позиции говорящего, к позиции слушающего или к ситуации, быть распределены между ними и т.д. Возможно также варьирование по отнесенности к различным временным планам и по аспекту реальности-ирреальности¹.

В работе используется описание системы русской интонации, принадлежащее Е.А. Брызгуновой, а также разработанная ею усложненная интонационная транскрипция [Брызгунова 1980, 1982]².

Исследуя звучащий кинодиалог методом семантического коммуникативного анализа, мы получаем возможность рассматривать проблемы коммуникативной интерпретации, индивидуальные стратегии актеров, специфику коммуникативной композиции, роли коммуникативных средств языка в формировании образов персонажей, отношений героев в ансамбле, жанра фильма и т.д. Ниже рассматривается применение актером сложного приема «жонглирования» языковыми личностями при создании характера персонажа (мена коммуникативных характеристик речи, игра коммуникативными масками) с точки зрения целенаправленного отбора им коммуникативных средств языка.

Кинофильм «Дело о “Мертвых душах”» (Россия, 2005) представляет собой макабрическую фантазию по мотивам произведений Н.В. Гоголя, и образ Павла Ивановича Чичикова в нем, подвергшийся фантастической переработке, имеет не так много общего с гоголевским Чичиковым. Как охарактеризовал эту фигуру режиссер фильма, Павел Лунгин, Чичиков – «искуситель легкими деньгами и мертвечиной, темная сторона русской души, человек-бес»³. Этот герой-манипулятор од-

---

¹ При анализе материала мы опираемся на труды М.Г. Безяевой, а также на курсы «Инвариантные параметры коммуникативных средств русского языка» и «Анализ коммуникативной семантики звучащего текста», прочитанные ею на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в 2006–2015 гг. Используемые в работе инвариантные семантические параметры всех коммуникативных единиц, за исключением кинесических, сформулированы М.Г. Безяевой.

² Также Е.А. Брызгуновой принадлежат первые образцы анализа интонационных средств в русском художественном тексте [Брызгунова 1984].

³ См.: Цит. по материалам статьи в газете «Известия», 25.11.2004, <http://izvestia.ru/news/296935>.

новременно комичен и страшен, окружен дьявольской атрибутикой (исчезает и появляется по своей воле в любых местах, оставляет пылающий след козлиного копыта и т.п.). Уникальность этой роли, порученной К. Хабенскому, в том, что его персонаж чрезвычайно многолик. По сути, актеру необходимо сыграть дьявола, который сам перевоплощается едва ли не поминутно. Он не только предстает в принципиально разных обликах в каждом из эпизодов (характерно, что его не узнают собеседники, которые с ним раньше встречались и хорошо знают его в лицо, более того – которые разыскивают его), свободно меняет род занятий и социальный статус (арестант-подследственный, путешественник-дворянин, негодник, портной, цирюльник, прокурор), но и в пределах одного эпизода с конкретно очерченной социальной функцией, как мы увидим ниже, всегда успевает сменить несколько разных лиц. При этом нет никакого разумного внешнего фактора, который заставлял бы его играть, изображать кого-то (подобно тому, как Лиза в «Барышне-крестянке» изображает Акулину и т.п.), «переключение» на другую маску происходит исключительно по внутренним, а не по внешним причинам. Разумеется, колоссальную роль во всем этом играет речь актера и в первую очередь – ее коммуникативный аспект.

Первая из выбранных нами для анализа сцен – единственная в фильме сцена с участием Чичикова, которую с большой долей условности можно считать восходящей к гоголевскому сюжету. Это визит Чичикова к Плюшкину с целью покупки мертвых душ, однако в фильме это **повторный визит**, предметом сделки оказываются не абстрактные имена на бумаге, а мертвецы, совсем не фигурально присутствующие здесь же, в гробах, и осматриваемые покупщиком, кроме того, за переговорами тайно наблюдает Шиллер, дознаватель из Петербурга.

Как подлинный гоголевский герой ловко менял тактики в разговоре, приспособившись к собеседнику, так и в данном случае Чичиков, торгуясь с Плюшкиным, несколько раз за время беседы прибегает к резкой смене речевых тактик, причем соседствующие тактики иногда настолько полярны, что затруднительно приписать их одному человеку со сколько-нибудь цельным характером: их смена действительно воспринимается как смена масок. Однако этим Чичиков Хабенского не ограничивается: фантазмагорийный замысел фильма проявляется в еще большем дроблении «сменных» личностей (и, соответственно, языковых личностей) героя, чем это необходимо Чичикову-негоднику собственно для того, чтобы уговорить Плюшкина продать умерших крестьян.

Эпизод I

Разговор Чичикова с Плюшкиным (Чичиков – К. Хабенский, Плюшкин – Л. Ярмольник, дознаватель Шиллер из Петербурга – П. Деревянко)

Шиллер: ⁶Ведь я ²знаю, что ²торговал у вас по ²мешику! // А? // ^{3²}Ведь он ⁶мертвых душ у вас ²торговал!

Плюшкин: ²Боже ²упаси! /

Шиллер: ²Отвечайте! // ^{3 \ /}Мертвых душ?

Плюшкин: ²Боже ^{2³}упаси! // ^{2¹}Часы ^{2¹}бьют! // Он ^{2¹}сейчас я ^{2¹}вится. // Он так ^{2¹}↑ ска- за л. // ^{2³}Вам ^{2³}надо ^{2³}пря таться.

Шиллер: ²Куда ?

Плюшкин: ¹Нехорошо, если он ^{1²}вас здесь ^{1²}заста нет.

Шиллер: ²Куда ¹пря таться? (...)

Плюшкин: ^{2³}Я вас ^{2³}в сунду к ^{2³}спря чу, / ^{2³}са ми ^{2³}все ^{2³}услышите.

Шиллер (в сундуке): ²Ой-й (с усилием ²приоткрывает ²крышку).

Плюшкин (Чичикову): ²...Тепебрь... / ²смотримте, ²какой... / ²скве рный ²анек- дот, / ³а? // ⁶Ни ¹клочка ¹соломы...

Чичиков: ^{2³}Та к.

Плюшкин: ⁶А ^{1²}мужик ^{1²}наско[кѣ] ³лени в! // < ³Работа ⁶ть ^{1²}вообще ^{1²}не ^{1²}хочет, / (Чи- чиков ^{1²}слегка ^{1²}кивает) ^{1²}а ^{1²}если ^{1²}работает, ^{1²}то ^{1²}все ^{1²}в ^{1²}каба к ^{1²}несет. // ^{1²}Того ^{1²}и ^{1²}гляди ^{1²}стари- ка ^{1²}к ^{1²}концу ^{1²}жизни ^{1²}пустят ^{1²}по ^{1²}миру...

Шиллер ²в сундуке (узнав ²воротник ²ранее ²виденного ²им ²Чичикова): ²Бобровый!..

Плюшкин: ¹...с ¹протянутой ¹руко й. // ¹И ¹еще ¹э то... (стучит ¹по ¹гробу) / ¹вот ¹последние ¹две ¹неде ли... / < ¹горя чка ¹выморила... // ¹целый ¹ку ш ¹мужиков.

Чичиков (кладет руку ему на плечо): Это же пре-кра сно.

Плюшкин: ↓ < Да?

Чичиков: Это прекра сно. // Это соверше нно... / есте ственная, / здорова я сме рть. // Вот са м бы так умер. // (Кивок). Если б.мо г.. // Сколько вы мори ло?

Плюшкин (машет рукой): Да! // Душ три дцать.

Чичиков: М-г, / м-г, / м-г, / м-г. // (С улыбкой) Мне кажется, вы преуменьша ете, / а? // М-м-м, / преуменьша ете. // Чтoб у тако го... рачи тельно го хо зяина - / и вымори ло всего тридцать д[у:]шо нок, / да? // (С улыбкой трясет его) Преуменьша ете, / а? // Ну? // Ну? // Ну?

Плюшкин (смеется): От вас ничего не ↓ скро ешь.

Чичиков: Ну. сқо [кѣ], сқо [кѣ], сқо [кѣ], сқо [кѣ], сқо [кѣ]?

Плюшкин: Ла дно, / я ... / ва м откroю сь. // Восемьдесят ду ш.

Чичиков: Во т. (Кивает) // ↓ Вот это уже де ло.

Плюшкин: Во семьдесят, / и во т... // все зде сь.

Чичиков: Мг.

Плюшкин: Все ва с дожидаются. // (Чичиков смеется). Я как знал, что вы ... / прие дете.

Чичиков: Посмотреть мо жно?

Плюшкин: А не стра шно?

Чичиков (с улыбкой цокает языком и имитирует дрожь, как от страха): Ой-й! (Плюшкин смеется). О н! // (Приподнимают крышку гроба). ↓ Ну, [эт] как раз то что мне на до!

Плюшкин: А это Кири лл.

Чичиков: Хе-хе. // Сложение кре пкое... / и ти х. // Как лесно е... / оzero.

Плюшкин: ⁶И извольте заметить...

Чичиков: ²Что?

Плюшкин: ⁶...ни каких хлопот он вам не доставит. ¹

Чичиков (кивая): ^{\ 1² 2³}Совершенно верно. // А там кто? (Перекладывают гроб).

Чичиков: ^{6 6' 6 / 2 \ 2 3}Ну-ка... Кирилл... / наверх... // Она! // А кто же здесь? // А? //
(Приподнимает крышку гроба). ^{2 6'}Ох, / о!

Плюшкин: ^{1²}Тимофей.

Чичиков: ^{2 6 6 1}Сократовский лоб! // Чело, по лное... / уснувших / мыслей. (Отряхивает перчатки).

Плюшкин: ^{2³ \ 2³}А при жизни-то как смешно было: // бывает, вон... крикнешь
так - / «Тимофей!» // ^{6 1 6 6 2}А он идет так, глазами / луп... / луп. // < Ни черта не
соображает. // ^{6 1² 6 6 1²}Дурак дураком. // Зато... не знает / и скажкам <научит
(?)>.

Чичиков: ^{2 6 3}Замечательно. // Всего-то сколько, говорите? // Во семьдесят?

Плюшкин (вздыхает): ^{/ 1²}Семьдесят девять.

Чичиков: ⁶А...

Плюшкин: ^{\ 2³}Восьмидесятый на подходе.

Чичиков: ^{2³}Беру.

Плюшкин: ³Всех?

Чичиков: ²Всех.

Плюшкин: ^{6 6 6 6}Вот в другое время... // < вот так сейчас почувствовал... // ¹взял
бы / и... (махнет рукой) ↓ < подарил просто так.

Чичиков (с улыбкой): ^{2н}< За что дарить?

Плюшкин: ^{\ 1²}А сейчас в стесненных обстоятельствах.

Чичиков: Понимаю.

Плюшкин: Посуди те: // шум такой по всей округе... / про вас идет - / так?
// Ищут вас везде. // И горячка об эту пору случилась только у меня в имени.
// Причина?

Чичиков: Причина.

Плюшкин: Так что... / за душу по два рубля.

Чичиков: Это ж черт знает что такое. // Где же вы дели-то по два рубля за душу? // Пятнадцать копеек от силы. (Оба начинают смеяться).

Плюшкин: Смеешься?

Чичиков: Ну нет.

Плюшкин: Пятнадцать копеек...

Чичиков: Пятнадцать. // Пятнадцать.

Плюшкин: ...за крестьянскую душу?

Чичиков: Ну конечно. // Где вы душу-то видели, / а? // ↓ Где вы душу-то видели? // Нет ее! // Это ж тлен! // Продукт распада. // Ничто. // Туман. // За туман / пятнадцать копеек...

Плюшкин: Нет-нет.

Чичиков: ...красная цена.

Плюшкин: Туман?

Чичиков: Туман.

Плюшкин: За туман два рубля. // Но: // купчая за мой счет.

Чичиков: Значит, так. // (Громко) Тридцать копеек за туман, / и купчую я беру на себя. Последнее слово. // Нет? // Оставьте себе.

Плюшкин: Согласен. // Согласен.

Чичиков: По рука м. // По рука м.

Плюшкин: Гра бѣте, / гра бѣте старика.

Чичиков: Но, но, но, но ...

Плюшкин: В моем положении кто угодно может уни зить...

Чичиков: Но, но // °Но, но, но ... // °Но, но, но ... // °Но, но, но ...

Плюшкин: Но при одном усло вии.

Чичиков: При како м?

Плюшкин: Прошу вас: // купи те у меня... / коллекцию дѣ рок.

Чичиков: Да вы, оказывается... / па-ра-доксали ст, / а?

Плюшкин: А?

Чичиков: Парадоксали ст? // А? // Агно стик. // Да? // Ды рочка к дырочке. // И ка к же они, ваши... дырочки, / вы глядят?

Плюшкин: Обыкновенно, я их пришивал... к овчи нке.

Чичиков: Та к.

Плюшкин: Ды рочка к ды рочке, / большая к ма ленькой. // Да чего я вам все... рассказываю? // Я же... показа ть могу.

Чичиков: Ну покажи те, / сделайте милость.

Плюшкин: А... /. ↓ У меня коллекция наверху. // Подни мемтесь наверх.

Чичиков: Наве рх. // (Пауза). Из кромешного ада... / да в чисти лище. // (Кивает) Мг.

Прежде всего, персонаж Хабенского появляется так, как должна появляться нечистая сила, окружается потусторонним ореолом. В начале эпизода это делается впрямую, несложными средствами (Плюшкин предваряет явление покупателя словами: «Часы бьют! // Он сейчас я вится. // Он так ↑ сказа л», – и его испуг напоминает о появлении нечисти вместе с боем часов, в полночь). Но значительно интереснее

рассмотреть под этим углом зрения речь самого Чичикова, где «дьявольская» линия проведена более тонким способом.

Плюшкин: ...³ вот последние две недели... / < ¹ горячка выморила... // ¹ целый куш мужиков.

Чичиков (кладет руку ему на плечо): Это же ¹ / ² пре-кра сно.

Плюшкин: ↓ < ³ Да ?

Чичиков: Это ¹ / ² прекра сно. // Это ⁶ соверше нно... / ^{б'} есте ственная, / ^б здоровая ¹ сме рть. // Вот са м бы так умер. // (Кивок). Если б мо г.

Оговорка «если б мог», использованная сразу после выражения желания говорящего «Вот сам бы так умер», будь она иначе оформлена в звучании, могла бы восприниматься как философское замечание, констатация того, что человек не волен выбирать, какой смертью умрет. Эта трактовка здесь ожидаема и наиболее естественна. Однако когда Хабенский выносит это уточнение в отдельную синтагму, произносит его с убыстрением темпа и с ИК-2 на слове *мог* (реализован противоположный вариант, ‘я именно что не могу’), он открывает возможность второй трактовки: говорящий словно бы спохватился, **он вспомнил, что не может умереть**, он бессмертен. Вместо значения ‘я хотел бы так умереть, если бы мог выбирать способ смерти’ Хабенский дает неоднозначность и сильный крен в сторону значения ‘я хотел бы так умереть, если бы я вообще мог умереть, не был бы бессмертным’.

Также герой выражает сомнение, когда перед ним встает необходимость подняться наверх, то есть, условно говоря, «покинуть преисподнюю»:

Плюшкин: А ... / . ↓ У меня коллекция наверху. // Подни мемтесь наверх.

Чичиков: ² Наве рх. // (Пауза). Из ^{б'} кро мешного ада... / да в ² чисти лице. // (Кивает) Мг.

Наряду с общим символизмом этих реплик (отсылка к гоголевскому замыслу относительно структуры «Мертвых душ» и т.д.) можно отметить и то, что персонаж Хабенского вовсе не стремится покинуть крошечный ад, где ему вполне комфортно, поскольку он и есть обитатель ада. В его ответе есть элемент сомнения. ИК-2 при повторе реплики собеседника означает здесь ‘я понял, какой вариант

вы хотите реализовать, я обдумываю его, пауза дополнительно подчеркивает, что он соглашается не очень охотно, *да* показывает, что говорящий оценивает предлагаемое собеседником действие (переход в чистилище) с точки зрения его адекватности или неадекватности ситуации; наконец *кивок* маркирует его солидаризацию с позицией адресата, а *мг* – понимание говорящим соответствия позиции слушающего и ситуации после пропуска им информации через свою базу знаний и представлений.

Помимо откровенно «дьявольской» ипостаси, у Чичикова в этой сцене есть еще маска «благожелательного гостя», которая из-за макабричности сцены и самой темы разговора начинает примыкать к «дьявольской». Как образованный гость, пребывающий в философско-поэтическом настрое, Чичиков пунктиром проводит через беседу своеобразную «похвалу смерти»:

- Это же пре-кра сно. // Это прекра сно. // Это соверше нно... / есте ствен-
^{^ ^ ^ 6} / ^{2³} / ^{2³} / ^б / ^{б'}
^{1²}
 ная / здоровая сме рть.

- Чтоб у такого... рачи тельного хозяина – / и выморило всего тридцать
² / ³ / ^б / ^б / ^б
 д[у:]шо нок, / да?

- Сложение кре пкое... / и ти х. // Как лесно е ... / озеро.
^б / ² / ^{б×} / ¹

- Сокра товский лоб! // Чело, по лное... / усну вших / мы слей.
² / ^б / ^б / ¹

Интонационное высказывание «поэтически настроенной» ипостаси Чичикова передает восхищение, одобрение; там, где это необходимо, появляется элемент внушения (удлинение гласных центра в «Это же пре-кра сно. // Это прекра сно», – поскольку собеседник не уверен в том, что это ^{^ ^ ^}прекрасно). ИК-6 в ряде случаев используется так, как это типично для поэтической декламации, то есть для указания на закадровые образы, которые должны возникать в воображении (Как лесно е ... / озеро; Чело, полное... / уснувших / мы слей).

Замечания Чичикова на темы, связанные со смертью, тесно соседствуют с репликами другой его маски – «негоцианта», «делового человека». Границы, моменты смены масок видны очень хорошо:

Чичиков: Это же пре-кра сно. // Это прекра сно. // Это соверше нно... /
 есте ственная, / здоровая сме рть. // Вот са м бы так умер. // Если б.мо г. //

Сколько вы морило?

Чичиков: Сокра товский лоб! // Чело, по лное... / уснувших / мы слей. // (От-
 ряхивает перчатки).

Плюшкин: (...) Зато... не сни знает / и ска зкам <научит (?)>.

Чичиков: Замеча тельно. // Всего-то ско лько, говорите? // Во семьдесят?

«Деловой человек» Чичиков, таким образом, держится линии торговых перегово-
 ров и ведет эту линию очень жестко. При этом оказывается, что его абстрактные
 расчеты и сухие уточнения выглядят в глазах зрителей менее жутко, чем добро-
 душе и вежливость другой маски («приятного гостя»). Из-за того, что товаром
 являются мертвецы, все шуточка с интимизацией регистра общения, все попытки
 сказать хозяину любезность, контрастируя с предметом речи, покидают область
 обыденного и наделяют героя зловещими чертами: он словно бы снова и снова
 подтверждает, что он даже не то чтобы аморален, а вовсе не человек.

Плюшкин: А не стра ишно?

Чичиков (с улыбкой цокает языком и имитирует дрожь, как от страха):

Ой-й! // О п! // (Приподнимают крышку гроба). ↓ Ну, [эт] как раз то что
 мне на до!

Ироническое «Ой-й!» (псевдоиспуг: 'хотя я показываю, что не готов заглянуть в
 гроб, на самом деле я более чем готов и даже предвкушаю это'), развязное, сма-
 занное произношение ([эт]), непонятное удовлетворение ('я под впечатлением от
 такой удачи' – модальная реализация ИК-2 с удлинением), указание на то, что уви-
 денное реализует некую потребность минисоциума (надо), выводят персонажа за
 рамки нашего понимания.

Если литературно образованный гость, философски рассуждающий о смерти,
 как будто бы вовсе не заинтересован в купле-продаже, а «деловой человек» край-
 не черств, механистичен и скуп на слова, то третья маска – «благожелательного
 гостя, не забывающего о деле», – это и есть, собственно, та языковая личность,
 которая продвигает переговоры. Для этой тактики характерно обилие повторов
 при высокой степени ориентированности на собеседника. Это тактика активного,

непрерывного воздействия, мягкого, но очень настойчивого, «целенаправленной бомбардировки», при которой часть высказываний не имеет ярко выраженных границ, а создает что-то вроде непрерывного фона:

Чичиков: $\overset{\underset{6}{\cup}}{1}$ М-г, / $\overset{\underset{6}{\cup}}{1}$ м-г, / $\overset{\underset{6}{\cup}}{1}$ м-г, / $\overset{\underset{6}{\cup}}{1}$ м-г. // (С улыбкой) Мне кажется, вы преуменьша ете, / а? // М-м-м, / $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ преуменьша ете. // $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ Чтоб у такого... $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ рачительного $\overset{\underset{6}{\cup}}{6}$ хозяина - / и $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ выморило $\overset{\underset{6}{\cup}}{3}$ всего $\overset{\underset{6}{\cup}}{3}$ тридцать $\overset{\underset{6}{\cup}}{3^2}$ д[у:]шонок, / $\overset{\underset{6}{\cup}}{3^2}$ да? // (С улыбкой трясет его) $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ Преуменьша ете, / а? // Ну? // Ну? // Ну?

Плюшкин (смеется): $\overset{\underset{6}{\cup}}{1}$ От вас ничего не ↓ $\overset{\underset{6}{\cup}}{1}$ скро ешь.

Чичиков: $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ Ну. $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ ско [кѣ], $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ ско[кѣ], $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ ско[кѣ], $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ ско[кѣ], $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ ско[кѣ]?

Плюшкин: $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ Ла дно, / $\overset{\underset{6}{\cup}}{6}$ я ... / $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ ва м $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ откроюсь. // $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ Восемьдесят $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ ду ш.

Чичиков: $\overset{\underset{6}{\cup}}{-2}$ В от. (Кивает) // ↓ $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ Вот это уже $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ де ло.

Плюшкин: $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ Гра бьте, / $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ гра бьте $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ старика.

Чичиков: $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ Но, но, но, но...

Плюшкин: $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ В моем $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ положении $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ кто $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ угодно $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ может $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ уни зить...

Чичиков: $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ Но, но. // $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ °Но, но, но... // $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ °Но, но, но... // $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ °Но, но, но...

Эта модель речевого поведения включает в себя лезть («у такого рачительного хозяина»), игривость («душонка», «Да вы, оказывается... / $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ па-ра-доксали ст, / а?»), одобрение (↓ $\overset{\underset{6}{\cup}}{2}$ Вот это уже дело), уговаривание, внушение (удлинение гласных центра), подбадривание (многократные повторы, ну в значении ‘я жду, постарайтесь соответствовать моим ожиданиям’; а, имеющее целью ускорить вход собеседника в новую ситуацию), успокаивание, утешение и сочувствие (но-но в значении ‘перестаньте думать о таких вещах, это вам же во вред’; лабиализация).

Характерный момент смены масок наступает в то самое мгновение, когда заключается сделка: торговался с Плюшкиным Чичиков-«деловой человек», а утешает его после состоявшейся сделки Чичиков-«благожелательный гость» (происходит резкая интимизация регистра).

Чичиков: Ну ⁶коне ²ч ²но. // Где ²вы ³душу-то ²видели, / а? // ↓ Где ²вы ²душу-то ¹ви
³дели? // ³Нет ²ее! // ³Это ²ж ²тле ³н! // ²Продукт ²распа ²да. // ²Ничто. // ²Тума ²н. //
²За ⁶тума ²н / ²пятна ²дцать ²копе ²ек... / ²красная ²цена.

Торгуется Чичиков крайне резко: множество ИК-2, в том числе двуцентровых, в значении ‘реализован / будет реализован именно названный мною вариант’, ИК-3, призывающая слушающего сориентироваться на реальное положение дел, «прийти в себя», же в значении ‘вы должны понимать, но не понимаете’, смычки на центрах, маркирующие резкое расхождение представления говорящего и слушающего о ценности товара (отсюда – оттенок презрения), понижение фонетического регистра и повышенная громкость, вносящие элемент угрозы.

Чичиков: ²Значит, ⁶так. // (Громко) ⁶Три ¹дцать ⁶копеек ¹за ⁶тума ¹н, / ¹и ¹куп ¹чую ¹я
²беру ²на ²себя. // ²Послед ³нее ²слово. // ³Нет? // ²Оста ²вля ²йте ²себе.

Говорящий приписывает себе более высокий уровень компетентности и контроля над ситуацией (так в значении ‘я оцениваю сложившуюся у меня сейчас в голове информацию для вас как более или менее соответствующую моему представлению о норме и актуализирую идею следствий из этого, бенефактивных для нас обоих’) и, называя последнюю цену, дает понять с помощью модалной реализации ИК-2, что, вопреки представлению слушающего о том, будто он станет и дальше настаивать на сделке, он на ней настаивать не станет.

Он демонстрирует, таким образом, способность к очень большому давлению на слушающего, к уверенному напору без малейшего учета интересов и потребностей адресата. Но едва только Плюшкин произносит слова согласия, из речи гостя уходит агрессия и моментально появляется ориентированность на его позицию (ИК-3):

Плюшкин: ²Согла ²сен. // ²Согла ²сен.

Чичиков: ³По ³рука ³м. // ³По ³рука ³м.

Заметим, что торговался Чичиков с опорой на рациональные доводы, апеллируя к логике собеседника, в то время как утешение он избирает самое примитивное, «низшей ступени», равно действенное при успокаивании маленьких детей и жи-
²вотных – просто ритмизованный повтор, не отягощенный аргументацией: «²Ну, ²но. // ²Но, ²но, ²но... // ²Но, ²но, ²но... // ²Но, ²но, ²но...» (лабиализация, центр ИК-2 на первом ²но, “затухающий” постцентр с понижением громкости и – цикличное повторение этого рисунка вплоть до достижения результата).

Таким образом, дьявол чрезвычайно многолик: мы видим, что в лице Чичикова Плюшкин фактически беседует с несколькими разными людьми с отчетливо вычленимыми и несходными тактиками речевого поведения. Обратимся к следующему по ходу фильма эпизоду, в котором появляется персонаж Хабенского.

Эпизод II

Чичиков предстает перед Шиллером в роли портного и цирюльника в заведении под вывеской «Модный портной иностранец Петров из Лондона и Парижа». Шиллер не узнает его и принимает происходящее как должное. В результате работы над костюмом и прической клиента Чичиков превращает Шиллера в точную свою копию.

Шиллер: У меня, понимаете, э... некий... э... реприманд вышел с моим мунди ром...

Чичиков: Ничего не надо говорить, / ничего, / все ви жу, / все прекра сно ви жу, / ничего стра шного! // (Треплет Шиллера по животу) < Вы росли-с.

Шиллер: Да-а!

Чичиков (с улыбкой мотает головой): Ничего стра шного. // Были (кивает) ме лким, / сейчас (кивает) посредне ли-с.

Шиллер: Посредне ли...

Чичиков: М-г.

Шиллер: Предста... И ° за одну но чь!

Чичиков (кивает): М-г.

Шиллер: Ну... (разводит руками) ра зве такое бывает?

Чичиков: Бывает, с госуда рственными мужьями то лько такое и быва ет.

Шиллер: Да?

Чичиков: Иные увеличиваются за ча с, / ну, или за два, / все зависит от того, / рядом с кем... сидят.

Шиллер: А-а.

Чичиков: А если провести ночь... в доме... с губерна тором, / так можно увеличиться и втрое, / и в смысле при... приращения капитала то же.

Шиллер: А вы откуда про губернатора зна...

Чичиков: А все про это знают.

Шиллер: Серьезно?

Чичиков: Мг.

Шиллер (надев костюм – точную копию костюма Чичикова): ↑ Хорошо?

Чичиков: Как я и думал. // Сидит как влитой.

Шиллер: Пра вда?

Чичиков: Просто как влитой. // (Вертит Шиллера) Ну как, / а...? // Как, / а...?

Шиллер: И мне / нра вится.

Чичиков: А! // Только вы знаете что... // Э-э...

Шиллер: Что?

Чичиков: Голова.

Шиллер: Что?

Чичиков: ° Голова у вас... / не гори т.

Шиллер: ↓ Почему?

Чичиков: ° Не знаю, надо что-то делать с голо вой.

Шиллер: Что ж это?

Чичиков (усаживает его перед зеркалом): Ну посмотри те.

Шиллер (на вдохе): О-о!

Чичиков (с уменьшением голосовой составляющей): Да, / да, / да, / да.

Шиллер: Ой, какая... прѣ лѣсть!

Чичиков: Но надо (разводит руками) что-то делать с головой.

Шиллер: Кака... // Так а что ж делать? // Я совсем недавно... / полный онду-
ласъ он делал.

Чичиков: Но этого мало, / вы ж сами понимаете, / этого мало, / это просто,
извините меня... сами видите... / компромисс, / а не голова! (барабанит
пальцами по плечам Шиллера).

Шиллер: М-м // А-а... если без / компромисса?

Чичиков: Вот. // Так. // Хорошо. // Какую... причеку предпочитаете? //
→ Чайльд-Гарольд? // Или нет, / нет, нет, нет. // Наполеон. // Или, может
быть... Кампанелла? // М?

Шиллер: Да-а... неужели Кампанелла в... в моде?

Чичиков: Был. // Лет пятнадцать назад. // Представьте себе : / лысый
череп, / с одним-единственным волоском посередине.

Шиллер: Да что вы?

Чичиков (кивает): Да-а.

Шиллер: ↓ Неужели Кампанелла лысый?

Чичиков: Т-ш-ш-ш-ш-ш. // (Тихо) Как бильярдный шар.

Шиллер: Какой кош[м:]ар, / м-м-м...

Чичиков: Он лыс / до такой степени был, / что голова его светилась днем...
как солнце. // Горло. Со рта!

Шиллер: Ка... кая трагедия!

Чичиков: Эсхи л! // «Прикованный Прометей»! (начинает стричь) // Ти-ш, ти-ш, ти-ш...

Шиллер: А! // А! // А й! // Стойте!

Чичиков: Та-ак, так, так.

Шиллер: Стойте! // Стойте!

Чичиков: Ти-ш, ти-ш, ти-ш... // Ти-ш, ти-ш, ти-ш...

Шиллер: А й, / не на до так... // Ай, / < погоди те!

Чичиков: Что-что-что-что?

Шиллер: Да что вы, милостивый государь?

Чичиков: Что-что-что-что?

Шиллер: Вы мне... // Мы не договорились... / какую вы мне стрижку производите. // (Чичиков точит друг о друга ножницы). Н-не договори лись ведь!

Чичиков (демонстративно точит ножницы): А вы сами не дога дываетесь?

Шиллер: Нет.

Чичиков: Алекса ндра... / Христофо ровича.

Шиллер: Ка-ак?

Чичиков: Та-ак. // Ти-ш-ш...

Шиллер (на вдохе): А-ах!

Чичиков: Да-а.

Шиллер: Его превосходи тельства?

Чичиков: Конеч но.

Шиллер: Графа Бенкендорфа?

Чичиков: Его самого (?).

^ ^ ^ ^ ^

Шиллер: Стойте. // Погодите, погодите.

Чичиков: Ти-ш-ш... // Что-что-что-что-что?

Шиллер: А, а, а... а вы думаете... // [а]-она на меня... / нале зет? // В смы...
в смысле... его... голова?

Чичиков: По-дой-де т.

Шиллер: Да?

Чичиков: И после дний штришок, / после дний...

Шиллер: А, а! // < Что вы делаете, а?

Чичиков: Последний штрих...

Шиллер: Н-не нужно так...

Чичиков: Ну ничего, / сейчас, / подожди те...

Шиллер: Чё вы делаете... // Ну не нужно...

Чичиков: ...последний штришок. // (Шиллер хочет тронуть рукой прическу). Ти-ти-ти-ти-ти-ти-ти (отводит его руку).

Шиллер: Это... (Тянет к причёске другую руку).

Чичиков (отводит его руку): Ти-ти-ти-ти-ти-ти-ти.

Шиллер: Это что такое? // Откуда это? // Я не хочу!

Чичиков: Не отстанет. // Теперь навеки прилипло. // Потому что это...
ваше.

Шиллер: Ка к мое? // Как?..

Чичиков: Ти-ти-ти-ти-ти-[ти:]... // Ти-ти-ти-ти-ти-[ти:]...

Шиллер: А... почему... / почему вы мои волосы... в конверт... кладе те?

Чичиков: А я всегда во ло^бсы остав²ляю... // На па²мять-с.

Шиллер: Но... сто^бит ли... // Понима⁴ете, в этом е³сть ка³кой-то... и... ин-
тимный мом³ент...

Чичиков: Что ж, вы... / понти ру²ете? // А я уравни^{3²}ю. // Изво¹льте. // Изво^{1²}льте.

Шиллер: Не понима¹ю вас.

Чичиков: Извольте. // Я уравни³ю. // Реж^{2³}ьте.

Шиллер: За^{2³}че м?

Чичиков: Чтоб² избе⁶жать бестак²тности. // Как я вас, / так и вы меня. //
Ре^{3²}жьте. // Во^{2³}-от. // В па²ке тик, / в па²ке тик, / в па²ке тик, / во-от. // Во т⁶
мы... / и об⁶менялись. // Об⁶менялись... // Мы ж те⁶перь с ва⁶ми... как бра¹тья. //
Что кр⁶ста ми... об¹меня⁴ться, / что волоса⁴ ми... // Волоса^{1²}ми да^{1²}же... лу^{1²}чше.

Начать с того, что портной и цирюльник – это два совершенно разных ремесла (и обоими странный мастер, по-видимому, владеет безукоризненно), однако их совмещение предусмотрено самим сценарием, то есть в этом случае слияние двух различных масок идет не от актера. Игра же актера «раздваивает» как портного, так и цирюльника, заставляет каждого из них обнаружить две разные натуры.

Пока портной ведет речь на профессиональную тему (об изменениях в фигуре клиента), он проявляет понимание (на уровне структур – «Ничего не надо говорить, /
2 2 2 \ / ничего, / все ви²жу, / все прекра²сно ви²жу», – и семантики отдельных средств: мг – ‘пропу-
скаю информацию через свою систему представлений и понимаю соответствие
позиции собеседника ситуации’, кивок в значении слияния позиций говорящего
и слушающего, и как маркёр соответствия аналогии, такой – ‘соответствие по-
лученной визуальным путем информации представлению говорящего о норме’:
только такое и бывает) и подбострастие (< Вы росли-с; Посредне ли-с), отчетливо ста-
вя себя ниже собеседника. Он не гнушается косвенной лестью, как бы вскользь
именуя собеседника государственным мужем. Понятно, что его угодливость – это
некая условность, своеобразная вежливость. Однако далее, проявляя свое все-
ведение, необъяснимую осведомленность обо всех делах и чаяниях посетителя,
«портной» вдруг ставит себя с ним на равных. Очень хорошо это заметно в выборе
целеустановок: разъяснение, поучение, – но также и в использовании отдельных
единиц, например:

2
Шиллер: А вы откуда про губернатора зна...

2³
Чичиков: А все про это знают.

«Модный портной» не только перебивает собеседника (что уже подразумевает пренебрежение, панибратское отношение), но еще и использует начальное *a* в ответ на аналогичное *a* в речи Шиллера, что образует значение 'в ответ на ваше желание ввести меня в новую ситуацию я предлагаю лучше вам самому войти в новую ситуацию, обрисованную мной'. Это возможно только при разговоре равных. Следовательно, каким-то образом услужливый профессионал, соблюдающий субординацию, для которого маленькое ритуальное самоуничижение не проблема, вдруг превращается во всезнающего, саркастичного, равного собеседнику по образованию и далеко превосходящего его по опыту и знаниям светского собеседника.

Далее персонаж Хабенского переходит на новый виток отношений. Поначалу он хотя и держался на равных, но сохранял дистанцию – ненормальную для портного, но нормальную для равного по положению, дворянина. Однако как только на Шиллере оказывается надет костюм, идентичный его собственному, хозяин заведения реагирует на это интимизацией регистра общения в звучании: «Как я и думал // Сидит как влитой» (уменьшение голосовой составляющей). (Интересно, что в области кинесических средств интимизация и воздействие на личную сферу адресата присутствуют с самого начала – жест *потрепать по животу*, – и сохраняются в дальнейшем – жест *барабанить пальцами по плечам собеседника*). Позднее эта «интимная» линия будет развита и даже под конец вербализована на номинативном уровне (Понимаете, в этом есть какой-то... и... интимный момент; Мы ж теперь с вами... как братья. // Что крестами... обменяться, / что волосами... // Волосами даже... лучше). После переодевания Шиллера в новый костюм в речи Чичикова возникает первый сигнал к этой будущей мистической близости.

Когда тот же человек, работающий под вывеской портного, оказывается внезапно цирюльником и теперь уже профессионально рассуждает о прическах, униженности в его речи больше нет, напротив, появляется напор, профессиональные обороты (Голова у вас... / не гори т; Какую... приче ску. предпочтаете?) и обилие фатики, призванной «подавить» недоумение и даже возмущение клиента (Да, / да, / да, / да; Что-что-что-что?; Ти-ти-ти-ти-ти-ти-ти). В его речи все больше и больше становится структур, связанных с интимизацией регистра общения (А вы сами не догады-

Чичиков: Чтоб избежать бестактности. // Как я вас, / так и вы меня.
^{3²}
 // Режьте.

В данном случае к Шиллеру несомненно обращается человек, равный ему по статусу: об этом говорит уже сам тот факт, что он пользуется метафорой, связанной с карточной игрой (трудно себе вообразить, чтобы дворянин сел за карточный стол с цирюльником). Кроме того, в его речи появляется и настойчиво повторяется личное местоимение я (цирюльник не смел говорить о своей персоне и полностью избегал этого местоимения). Ранее по ходу эпизода также встречались реплики, свидетельствующие о существовании этой второй личины, точнее, о том, что собеседник Шиллера более образован, чем того можно ожидать от парикмахера (⁶Город. ²Солнца!; ^{2³}Эхсл! // ⁶«Прикованный Прометей!»). Именно с этим, другим человеком Шиллер предположительно и меняется в конце волосами, несмотря на то, что волосы «на память-с» любил сохранять цирюльник. Произнести слова: «⁶Мы ж теперь с ¹вами... как братья», – мог только социально равный Шиллеру собеседник (оборот *мы с вами* объединяет говорящего и слушающего в единый минисоциум, в известном смысле ставит на одну доску), в то время как уверенность в себе и бесцеремонность цирюльника все же заканчивались там, где заканчивается его профессиональная сфера.

В последний раз Павел Иванович Чичиков появляется в финальной сцене фильма – и вновь в совершенно иных декорациях.

Эпизод III

Присланный в город N новый, «честный» прокурор необъяснимым образом оказывается все тем же Чичиковым. Он выступает на заседании суда с обвинительной речью против Шиллера по делу о мертвых душах.

Унтер-офицерская вдова: А ⁶новый ²прокурор-то / какой строгий! //
^{3²} Вы слышали, / что он сказал на первом заседании?
¹

⁴
 Дама в розовом: И что же, милочка?

Унтер-офицерская вдова: Он сказал: «Я не потерплю, / чтобы всякий
ракаليون / мог своей ногой попира^{2 \}ть!»

Дама в розовом: \ 2 \
Что и менно попира^{2 \}ть?

Унтер-офицерская вдова: А х, все равно, / ну не все ли... / все равно, / я не
расслышала.

Прокурор: Бесчестное де^бло, / господин судья! // Бесчестное де^бло брать
взятки / стало необходи³мостью. // Необходи^бмостью даже для тех людей,
/ которые не были рождены... / быть бесчестными. // Попра^бние пра^{1²}в, /
достоинства, / (указывая на семью губернатора) ч... (кричит) семьи, /
(указывая на Марию Антоновну) чести, / и да же... (указывая на Свисту-
нова) / обыкнове^бнного / здра^бвого см^бысла / происходи²т по²лно, / и ги²бнет
/ земля на ша-а / уже не от наше^бствия врагов...

Бенкендорф (Дубельту, в дверях): Ка²к думаешь – / успе^бли?

Прокурор: ...а от нас с ва^бми...

Дубельт: Судя по толпе, как раз во¹ время.

Прокурор (согнувшись, шепотом): Ваше сиятельство! // Ваше сиятель-
ство, прошу. // Ш, ш! (жестом сгоняет с места несколько человек).

Бенкендорф: Ни¹чего. // Ни¹чего, / ни¹чего. // Мы^б-ы... / по-просто³му. // Мы^б
/ как инко^{1²}гнито э-э... // Мы^б... продо¹лжа¹йте.

Прокурор (шепотом): По-просто^бму. // Вы как инко^бгнито. // Может быть,
вы сами хотели бы что-то сказать, ваше сиятельство?

Дубельт: ²Послушайте, / ну вам же ^бобъяснили, / что мы инкогнито...

Прокурор (шепотом): Хорошо, / тогда я с вашего позволения продолжу.

Дама в розовом: ^бТеперь Антон Антонычу / ^бпетля / и ¹крюк.

Унтер-офицерская вдова: ²Вот и слава богу, / ³похороним / и с ^{1²}почестями (крестится, улыбается, прикрывает рот рукой. Дама в розовом хихикает).

Прокурор: ^{б'}Помимо... / ^бзакононого... / ^{б'}государственного управления... / образовалась ^{б'}другое, / ^{б'}более могущественное / и ^{б'}сильное, / чем всякое законное. // И ^{б'}всяк... / ²подавлен / и ^{б'}растоптан ^{б'}дурными чиновниками, / ^{б'}призванными ^{б'}следить за ^{б'}другими / ^{б'}дурными чиновниками, / которые, ^{б'}в свою очередь, ^{б'}присматривают (указывает на губернатора) за ^{б'}подлецами, / ^{б'}казнокрадами... // (Заглядывает в лицо Бенкендорфу, указывает на Шиллера на скамье подсудимых) ^{б'}Лишение ^{б'}чина, // ^{б'}имуществва, / ^{б'}[ф:]сех гражданских ^{б'}пра [ф:]...

Бенкендорф: ¹Наш-то как ¹влип.

Дубельт: ^бЗа ^{1²}то и ^бутопили.

Прокурор: ²...во ^бт ^бчто ^бможет ^бсделать... / ^бо ^ббщество, - // ^бто ^бса ^бмое ^бма ^блое, / ^бдля ^бтого ^бчтобы ^богради ^бть ^бсебя / и ^бзащити ^бть / ^бот ^бподо ^ббных / ^бве[и'ч]е ^бй. // ^бНо ^бэ ^бтого... / ^бмало. // ^бЯ... / ^бвластью, ^бданной ^бмне... ^бгосударем ^бимпера ^бтором, / и ^бвами, / ^бваше ^бсиятельство, / ^бставлю ^бвопрос / ^бо ^бго ^бсу ^бдарстве ^бнно ^бй и ^бзме ^бне .

Бенкендорф: ^бМ-м... ^{1²}да .

Прокурор: ^{3/}Да ?

Бенкендорф: Да.¹

Прокурор: Да? // ...О государственной измене, / и требую / передачи
дела... о мертвых душах... / в военный... / суд...

Бенкендорф: Но это же... / конец всей жизни.³

Прокурор: ...со всеми...^{6'}

Бенкендорф: Не слишком ли?²

Прокурор: ...вытекающими оттуда...⁶

Дубельт: Ну вы же сами хотели честного прокурора.⁶ / ¹

Прокурор: ...последствиями.²
^   ^ ^ ^

Голос: Бра-во!^{6 2\}

Публика: Бра во! // Бра-во! // Бра во! (Аплодисменты).^{2 6 2\ 2}

Бенкендорф: Кто это так красно говорит?²

Дубельт: Чи чиков / Пал Иваныч, / ваш про-те-же.^{6 1 6 2}

Публика: Бра-во! // Бра во! // (Аплодисменты). <...>^{6 2\ 2}

Судья: Ваше сиятельство, / еще одну минуточку. // Подсуди мому / предо-
ставляет последнее слово.^{3 2³ 6}
2¹

На этот раз мы видим героя в ситуации публичного выступления, и здесь у него вновь имеются две сменные маски. В зале словно присутствуют два разных человека – честный, неподкупный прокурор, произносящий страстную обличительную речь, и лизоблюд, трепещущий перед Бенкендорфом, лебезящий перед ним и боящийся лишней раз дохнуть без его санкции. Все это Хабенский органично

совмещает в фигуре Чичикова. Все прежние «воплощения» Чичикова к этому времени как будто забыты, никто из присутствующих не узнает в нем ни бывшего беспокойного арестанта из городской тюрьмы, ни портного иностранца Петрова, ни кого-либо еще: произошел своеобразный «сброс», обнуление информации – для горожан, но, конечно же, не для зрителя.

В данном случае две ипостаси героя противопоставлены очень явно – их различает громкость речи и наличие / отсутствие голосовой составляющей, отчего распознать момент «переключения» не составляет никакого труда (Чичиков-подхалим говорит почти исключительно шепотом). Кроме того, у них разные адресаты: подхалим обращается только к Бенкендорфу и Дубельту, «честный прокурор» адресуется к залу и к членам суда.

Прокурор, как того и следует ожидать, пользуется набором типичных ораторских приемов: это ИК-6 (классическая и с усилением интенсивности тембра) при частом синтагматическом членении, приковывающая внимание слушающих к неизвестной им информации, которую говорящий намерен далее ввести, ИК-2 (в том числе – ярко выраженная двуцентровая), которая отмечает в этой обличительной речи реализованный резко отклоняющийся от нормы вариант, ИК-3 как призыв к аудитории сориентироваться на имеющееся (возмутительное) положение дел:

б' 3
 - Бесчестное дело брать взятки / стало необходи мостью. // Необходи-
 мостью даже для тех людей, / которые не были рождены... / быть бесче- 2
 стными;

б 1² б' б' б'
 - Попра ние пра в, / досто инства, / ч... семьи , / чести, / и да же... / обык-
 нове нного / здра вого см ы сла / происходит по лное <...> 2

Среди приемов выступающего есть и удлинение гласного центра (модальная реализация ИК-2) как способ воздействия на слушающих, запечатления в их памяти своих слов:

2 б и б 1 \
 - ...И ги бнет / земля на ша-а / уже не от наше ствия врагов... // а от
 б 2
 нас с ва ми...

Прибегает оратор и к иронии: «Помимо... / зако^{б'}нного... / государственного управления... / образовалось дру^бго е» (предцентровые колебания тона в сочетании с удлинением гласного образуют значение 'мы с вами учитываем следствия из введенной информации, мы понимаем, какое это другое управление образовалось на месте законного, и мы под впечатлением от этого'). Произнесение *ш* как [ш'ч] в слове *вещей* (при обычном для говорящего [ш̄]) – *могущественный, имущество, общество* и др.) также дает эффект иронического осуждения.

Вторая языковая личность не задействована во время судебной речи. Она появляется только одновременно с приходом высокопоставленных гостей.

Прокурор (согнувшись, шепотом): Ваше сиятельство! // Ваше сиятельство, прошу. // Ш, ш! (жестом сгоняет с места несколько человек).

Бенкендорф: Ничего¹. // Ничего¹, / ничего. // Мы-ы... / по-простому^б. // Мы³ / как инко^{1²}гнито э-э... // Мы...^б продолжайте¹.

Прокурор (шепотом): По-простому. // Вы как инкогнито. // Может быть, вы сами хотели бы что-то сказать, ваше сиятельство?

Дубельт: Послушайте², / ну вам же объяснили^б, / что мы инкогнито...

Прокурор (шепотом): Хорошо, / тогда я с вашего позволения продолжу.

Чичиков предельно ориентирован на позицию Бенкендорфа и непрерывно подчеркивает его более высокое положение: он многократно повторяет обращение *ваше сиятельство*, использует оборот *с вашего позволения* и подхватывает слова Бенкендорфа (*По-простому // Вы как инкогнито*), отчего формируется смысл 'понял, уяснил себе' и даже 'понял и восхищен'. Меркой почтения Чичикова к Бенкендорфу оказывается его презрение к людям, которых он сгоняет с кресел, освобождая место для начальства: он не только не прибегает к целеустановке просьбы, но и вообще не вводит для этого никаких номинативных единиц; его «Ш, ш!» направлено на *как можно более быстрое* исполнение требования (возможность неисполнения вообще не рассматривается). «Честный прокурор» говорит громогласно, Чичиков – подчиненный Бенкендорфа старается производить как можно меньше шума.

Нельзя не заметить, что Хабенский представил здесь живую иллюстрацию к известному гоголевскому описанию:

Положим, например, существует канцелярия, не здесь, а в тридевятом государстве, а в канцелярии, положим, существует правитель канцелярии. Прошу смотреть на него, когда он сидит среди своих подчиненных, – да просто от страха и слова не выговоришь! гордость и благородство, и уж чего не выражает лицо его? просто бери кисть, да и рисуй: Прометей, решительный Прометей! Высматривает орлом, выступает плавно, мерно. Тот же самый орел, как только вышел из комнаты и приближается к кабинету своего начальника, куропаткой такой спешит с бумагами под мышкой, что мочи нет. В обществе и на вечеринке, будь все небольшого чина, Прометей так и останется Прометеем, а чуть немного повыше его, с Прометеем сделается такое превращение, какого и Овидий не выдумает: муха, меньше даже мухи, уничтожился в песчинку! «Да это не Иван Петрович, – говоришь, глядя на него. – Иван Петрович выше ростом, а этот и низенький и худенький; тот говорит громко, басит и никогда не смеется, а этот черт знает что: пищит птицей и все смеется». Подходишь ближе, глядишь – точно Иван Петрович! «Эхе-хе», – думаешь себе...

(Н.В. Гоголь. *Мертвые души*. Глава третья)

Интересно, что и Гоголь прямо указывает на полное изменение языковой личности.

Помимо приемов хорошего профессионального оратора, в речи выступающего есть характеристики, создающие образ человека, который говорит отчаянно смелые вещи и берет на себя ответственность за непростые решения. Акцентируя местоимение я, обособляя его и отделяя паузой (Я... / властью, данной мне... государем императором...), он подчеркивает, что принятие решения было его прерогативой и ответственность лежит всецело на нем. Но здесь наступает самый впечатляющий момент смены масок (виден отчетливый перелом на середине фразы, после слов *государем императором*; после второго переспроса «Да ? » происходит обратное переключение): вторая, униженно-подчиненная личность героя подобострастно испрашивает у Бенкендорфа позволения объявить об этом радикальном решении:

Прокурор: Я... / властью, данной мне... государем императором, / и вами,
 / ваше сиятельство, / ставлю вопрос / ↓ о го су да рстве нно й и зме не .
 Бенкендорф: М-м... да .

Прокурор: Да?

Бенкендорф: Да.

Прокурор: Да? // ...О госуда^брственной^{б'} измене, / и тре^{б'}бую / передачи
дела... о мертвых^{б'} душах... / в военный^б... / суд².

Здесь наблюдается уменьшение голосовой составляющей с переходом на шепот, дважды повторяющийся восхищенный переспрос «Да?» (говорящий хочет убедиться, что вышестоящее лицо действительно одобрило его замысел, и принимает это известие не без восторга) и назализация в момент введения собственно ключевой формулировки «↓ о го суда^брстве нно й и зме^{б'}не» (говорящий предоставляет слушающему соотнести предлагаемый им вариант действий с известной им обоим нормой, причем таким образом, чтобы это осталось между ними'). Таким образом, то, что представлено прокурором как его собственное бескомпромиссное решение, которое должно как громом поразить публику, одновременно представлено его двойником как некая удачная идея, требующая санкции со стороны начальства, так как сам он не смеет принимать таких решений.

Анализ показывает, что роль Хабенского в «Деле о “мертвых душах”» распадается на целый ряд масок (языковых личностей), количество которых трудно с точностью исчислить. Актеру фактически поручено изображать дьявола, который многолик, и его цель – отобразить эту многоликость. Во многом это решение предусмотрено сценарным замыслом, однако виртуозное использование актером средств коммуникативного уровня языка обеспечивает дополнительное разбиение характера персонажа на разные языковые личности (в первую очередь – при помощи частиц, междометий, интонации и малых средств звучания), и, таким образом, одна роль начинает вмещать в себя уже более десятка ролей, далеко не все из которых были заложены в таком виде в сценарии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безяева М.Г. *Инвариантные коммуникативные параметры русского вон (материалы к словарю коммуникативных средств)* // *Язык, культура, коммуникация*. М., 2013а. С. 58–73.
2. Безяева М.Г. *К вопросу о коммуникативных параметрах вводных слов главное и между прочим* // *Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения*

- и преподавания. Сборник научных и научно-методических статей. Вып. 11. М., 2015а. С. 18–41.
3. Безяева М.Г. Коммуникативная семантика как объект филологического исследования // *Филология вечная и молодая*. М., 2012. С. 63–78.
  4. Безяева М.Г. Коммуникативное поле как единица языка и текста // *Слово. Грамматика. Речь*. Вып. XV. М., 2014. С. 101–118.
  5. Безяева М.Г. О коммуникативных параметрах сакральных единиц русского языка (Господи, Боже). Материалы к словарю коммуникативных средств // *Слово, Грамматика Речь*. Вып. 10. М., 2008а. С. 10–27.
  6. Безяева М.Г. О номинативном и коммуникативном в значении слова. На примере русского «тут» // *Язык, культура, человек*. М., 2008б. С. 11–38.
  7. Безяева М.Г. О семантических основаниях коммуникативной моды // *Вопросы русского языкознания*. Выпуск 13. Фонетика и грамматика. Настоящее, прошедшее, будущее. М., 2010. С. 159–170.
  8. Безяева М.Г. О специфике коммуникативной интерпретации текста (на материале соотношения письменной основы и звучащего варианта) // *Вестник МГУ*. Сер. 9. Филология. №2, 2013б. С. 19–36.
  9. Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002. 752 с.
  10. Безяева М.Г. Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия) // *Слово. Грамматика. Речь*. Вып. VII. М., 2005. С. 105–129.
  11. Безяева М.Г. Слово правда как средство коммуникативного уровня русского языка // *Stephanos*. Сетевое издание. Рецензируемый мультиязычный научный журнал. № 6, 2015б. С. 35–59.
  12. Брызгунова Е.А. Интонация // *Русская грамматика*. Т. 1, М., 1980. Т. 2, М., 1982.
  13. Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984. 116 с.
  14. Коростелева А.А. Диалогизация монологической речи в процессе создания образа (К.Ю. Хабенский в «Утиной охоте») // *Язык, литература, культура*. Вып. 6. М., 2010. С. 152–170.
  15. Коростелева А.А. О возможностях русских коммуникативных средств при создании принципиально противоположных образов в кино (коммуникативное противопоставление персонажей в к/с «Небесный суд») // *Слово. Грамматика. Речь*. Вып. XIV. М., 2013. С. 103–121.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 808

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «РИТОРИКА. СЕМИОТИКА. ЯЗЫКОЗНАНИЕ: СБОРНИК СТАТЕЙ К 70-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА А.А. ВОЛКОВА»

А.Н. Качалкин
A.N. Kachalkin

РИТОРИКА. СЕМИОТИКА. ЯЗЫКОЗНАНИЕ: СБОРНИК СТАТЕЙ К 70-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА А.А. ВОЛКОВА / Ред. И.И. БОГАТЫРЁВА, О.В. НИКИТИН, А.С. СЕЛЮТИНА (АНГЛ.), В.В. СМОЛЕНЕНКОВА. М.: «ДОБРОСВЕТ», ИД «ГОРОДЕЦ», 2016. 446 с. (STUDIA ACADEMICA)

В конце апреля совместными усилиями издательства «Добросвет» и издательского дома «Городец» был выпущен в свет сборник научных статей, приуроченный к 70-летию видного российского ученого, заведующего кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ, профессора, доктора филологической науки Александра Александровича Волкова.

Это издание объединило работы коллег, учеников, друзей и, как сказано в предисловии, «научных детей и научных внуков» профессора А.А. Волкова. Отличительной особенностью издания стало совмещение статей маститых ученых, среди которых встречаем имена проф. д.ф.н. А.А. Аннушкина, проф. д.ф.н. Ю.Н. Марчука, проф. д.ф.н. О.В. Никитина, доц. д.ф.н. Е.Л. Пастернак, так и совсем юных исследователей – аспирантов, выпускников и даже студентов кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания. Отсюда и оригинальная структура сборника: он разделен на четыре тематических раздела в соответствии с научными интересами юбиляра, при этом каждый раздел состоит из двух частей: «профессорско-преподавательской» и «аспирантско-студенческой лепты». Всего в сборник вошли 33 статьи 34 авторов. Кроме того, представлена библиография профес-

сора А.А. Волкова (по состоянию на середину 2016 года) и список диссертаций, защищенных под его руководством.

Открывает сборник раздел **«Риторика и теория аргументации»**, в который вошли девять статей. Профессор, д.ф.н. Владимир Иванович Аннушкин в статье «Об исторической и современной классификации жанров научной филологической словесности» предпринимает попытку построить систематическую классификацию жанров ученой (научной) и учебной речи на основе теории фактур и технологии создания речи. Особо рассматривается жанровая специфика таких современных форм научной и учебной речи, как научные жанры в Интернете, учебная журналистика, учебные жанры Интернета. В работе проф. д.ф.н. Юрия Николаевича Марчука обсуждается состояние, проблемы и пути корректировки современной деловой речи. Профессор д.ф.н. Олег Викторович Никитин в статье «Наука наук: филология сквозь призму образа слова» рассматривает проблемы словесной культуры начала XXI века и созидательный потенциал риторики, способный восполнить потери речевой и личной культуры современника. Ключевые функции и возможности риторики как науки о разумном и целесообразном слове разбираются автором с опорой на труды профессора А.А. Волкова. Четвертая статья этого раздела, принадлежащая к.ф.н. Юлии Викторовне Шуйской, носит более практический характер: в ней на основе анализа более ста выступлений официальных лиц обобщаются типовые структуры речей-приветствий, которые звучат при открытии конференций, симпозиумов, фестивалей.

Раздел «Риторика и теория аргументации» продолжается работами аспирантов кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания. Так, в своей статье «Строение делового диалога в различных речевых фактурах» В.А. Истомина на основе предложенной Ю.В. Рождественским классификации диалогической речи предпринимает попытку описать и систематизировать диалоги в корпоративной коммуникации. П.Б. Кудрявцева в статье «Ключевое слово как инструмент анализа текста» систематизирует и обобщает основные критерии выделения ключевого слова, предложенные учеными за последние десятилетия; уделяется особое внимание противопоставлению семантического и формального подхода к поиску ключевых слов в тексте. Весьма познавательной представляется работа А.М. Левандовской о китайской риторической традиции, сформировавшейся независимо от европейской и тяготеющей к регламентации письменной, а не устной речи. Для описания специфики китайской речевой культуры автору статьи потребовалось перевести и проанализировать фундаментальный труд по теории китайской словесности «Резной дракон изящной литературы», написанный Лю Се в начале VI века. Статья И.С. Рихтер посвящена основным моделям описания аргумен-

тации, принятым в современной науке: статико-описательной и динамической. Первая решает педагогические задачи и связана с позицией говорящего, вторая же связана с воспринимающим сознанием и призвана объяснить технику риторического присоединения. Именно эта, пока еще мало изученная модель описания аргументации и разбирается автором с опорой на теорию статусов. Т.С. Юртаева в статье «Теория ошибок и паралогизмы» пытается соотнести и систематизировать такие важные для аргументации понятия, как ошибки, заблуждения, уловки, парадоксы, паралогизмы, а также определить их место в ряду асистемных явлений языка и речи.

Второй раздел сборника «**Риторическая критика и анализ текста**» посвящен новой для отечественной филологии дисциплине, введенной в научный обиход в конце XX – начале XXI века трудами А.А. Волкова и его учеников. Открывает раздел большая статья к.ф.н. Валерии Владимировны Смолененковой «Риторика Сталина военного времени». Анализируя все публичные выступления и тексты праздничных приказов 1941–1945 годов, автор статьи выделяет основные тематические, композиционные и стилистические приемы риторики И.В. Сталина этого периода. Особое внимание уделяется тактике аргументации исторически значимого текста – Приказа № 70 от 1 мая 1944 года, в котором была обоснована необходимость воевать за пределами освобожденного СССР, а также впервые прозвучало словосочетание «советский народ».

Анализу аргументации конкретных текстов и риторической критике посвящены работы и восьми студентов и аспирантов. А.Е. Головачева на примере анализа трех различных текстов выдающегося ученого-физика и педагога Л.В. Ландау показывает, как на уровне словоупотребления, стиля, композиции меняется структура научного текста на одну и ту же тему в зависимости от фактуры речи и типа аудитории, тем самым доказывается риторическая природа научного текста. Метод статистического анализа текста (с применением компьютерных программ) использован в работе Е.В. Дарьиной, сопоставившей выступления Петена и де Голля за один и тот же период. Интересно, что статистический метод позволил точно зафиксировать время смены стиля этих двух публичных деятелей, вызванной переломом хода войны в 1942 году. Примечательна и статья самой юной исследовательницы этого коллективного сборника В.А. Ежковой. Её статья посвящена анализу способов выражения и значений модальности в дипломатических нотах. Автор обнаруживает еще не описанное в научных трудах регулярное модальное средство – двойное изъявительное наклонение, выражающее категоричность позиции («Советское правительство считает, как и раньше считало...», «Правительство Соединенных Штатов придерживалось и продолжает придерживаться...»).

Кроме того, статья содержит еще одну смелую гипотезу и обосновывающую эту гипотезу анализы текстов: утверждения, входящие в доказательство определенной тезы, связаны с ней общей модальностью. В статье О.А. Захаровой «Семантическая реконструкция глаголов в “Преступлении и наказании” Ф.М. Достоевского» анализируются глаголы, вводящие прямую речь персонажа, за счет которых писатель задает оценку своих героев и формирует систему образов романа. Ю.А. Мареева сопоставляет риторический стиль ключевых ораторов 20–30-х годов XX века: И.В. Сталина, В.М. Молотова, Г.Е. Зиновьева, Н.И. Бухарина, Л.Б. Каменева. Другой юный автор – Е.Н. Марченко обращается уже к текстам современных адвокатов и обвинителей, иллюстрируя риторические тактики и приемы дискредитации позиции оппонента в суде. В центре исследования Е.А. Петровой, автора следующей статьи, оказывается этос медицинского дискурса. В статье анализируется тип апелляций, ценностей и этических норм текстов медицинских клятв, произносившихся начинающими врачами в различные периоды нашей истории, проводится анализ бесед «доктор – пациент» с точки зрения реализации в них этоса, делается авторская классификация медицинских эвфемизмов, являющихся наиболее характерной особенностью медицинского дискурса. К.А. Старикова, применяя методы риторической мифологической критики, разбирает тексты С.Е. Кургиняна и С.Г. Кара-Мурзы, в которых последние развенчивают некоторые современные мифы общественного сознания. Автор статьи показывает две различных тактики разрушения мифа и дает определение мифа с опорой на теорию аргументации.

Третий раздел книги «**Семиотика и теория языка**» включает семь статей. Доцент к.ф.н. Инна Ивановна Богатырева в статье «Межвидовая коммуникация: язык человека и коммуникативные системы животных» оспаривает упрощенные представления о языке животных в учебной лингвистической литературе и показывает, какими сложными могут быть формы мыслительной деятельности у животных, как близок оказывается зачастую язык животных языку человека, особенно в тех случаях, когда коммуникация происходит между этими двумя видами. В статье доцента к.ф.н. Ларисы Алексеевны Чижовой «Бабочка в метафорическом зеркале языка» на обширном языковом и литературном материале рассматривается фреймовая структура концепта «бабочка» и функционирующие на ее основе метафоры в русском языке. К.ф.н. Оксана Николаевна Шувалова посвящает свою статью «Интернет-лингвистика: предубеждения, мифы и реальность» вопросам, связанным с изучением и созданием авторских вымышленных языков, представленных в Интернете.

Не менее интересны и разнообразны по тематике работы, составившие аспирантско-студенческую лепту этого раздела. Семиотика театральных постановок

затрагивается в статье Е.И. Гордиенко о законах трансформации текста при постановке недраматургических текстов на сцене. О мемах как инструменте Интернет-коммуникации подростков пишет П.Д. Доронина. Специфику семиотически гетерогенных произведений массовой коммуникации рассматривает в своей статье Ю.Ю. Лапшина. История метафоры «русский медведь», её полуторавековая эволюция в зарубежных СМИ, в первую очередь в британской и американской прессе, восстановлены Ю.С. Патисовой.

Четвертый раздел сборника **«История науки о языке и история языка»** объединяет работы по компаративистике и истории лингвистики. В статье д.ф.н. доцента Алексея Михайловича Белова на материале мало изученных античных источников описываются возможные следы стоической философии в понимании основных древних фонетических терминов. В фокусе внимания доцента к.ф.н. Александра Викторовича Блинова в статье «Несколько страниц из истории компаративистики в Германии» оказываются мало исследованные грамматики М. Раппа и Р. Вестфаля, незаслуженно забытые авторами учебной литературы по истории сравнительно-исторического языкознания. Доцент к.ф.н. Оксана Анатольевна Волошина также привлекает мало исследованный материал – древнеиндийский словарь синонимов «Амаракоша». Анализируя семантические связи между членами синонимических рядов и их состав, автор статьи проливает свет на картину мира древних индусов. Компаративистов привлечет статья доцента к.ф.н. Вартана Казаровича Казаряна о глаголах с суффиксом *-и*, о возможном происхождении этой морфемы и её эволюции в армянском и других индоевропейских языках. Доцент д.ф.н. Елена Леонидовна Пастернак в статье «Изложение некоторых принципов исследования языков во французской научной переписке XVIII века» обращается к эпистолярному наследию французских миссионеров, изучавших языки Индии в XVIII веке, в частности, к письмам Г.-Л. Керду. В числе тем переписки оказываются вопросы составления санскритско-французского словаря, история и родство индоевропейских языков. Формированию науки о языке посвящены еще две статьи этого раздела: «Функции грамматического примера в контексте первых трактатов романских языков XV–XVI вв.» сестер Е.Э. Кистеровой и М.Э. Кистеревой и статья «О некоторых вопросах обучения итальянскому языку в эпоху Чинквеченто в трудах П. Бембо, Дж. Триссино, Б. Кастильоне, К. Толемеи», написанной Л.Е. Макаровой. В первой работе на материале грамматических трактатов эпохи Возрождения описываются три основные функции примера; во второй излагаются и сопоставляются взгляды итальянских интеллектуалов и ученых XVI века на принципы формирования общеитальянского литературного языка и предпочтительные способы обучения ему. Также в этот раздел входит статья Л.К. Левчук «Сложение русской «конституции»». В этой работе на материале законодательных

памятников от Русской Правды до Конституции РСФСР 1918 года описывается развитие формуляра, структуры и состава тем русских конституций.

Завершая обзор сборника статей «Риторика. Семиотика. Языкознание», посвященный 70-летию профессора Александра Александровича Волкова, хотел бы присоединиться к поздравлениям и благопожеланиям авторов этой книги, адресованных уважаемому юбиляру. Рассмотренное нами издание, разнообразие и количество тем, число участвовавших в проекте молодых исследователей свидетельствует о сформировавшейся на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ научной школе под руководством авторитетного ученого и опытного педагога. Пожелаем Александру Александровичу крепости душевных и телесных сил, новых научных достижений, талантливых учеников и последователей.

Профессор, д.ф.н.

А.Н. Качалкин

ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ: МЕТАФОРА

Классическое определение метафоры, оказавшее значительное влияние на представление о ней на несколько веков вперед, принадлежит античной философии: «Метафора есть перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или по аналогии...» (Аристотель, Поэтика). Традиционная модель метафоры, предложенная Аристотелем и основанная на сходстве сопоставляемых предметов или явлений, трактует ее как сугубо лексический феномен. Современной науке метафора известна не только как фигура речи, но и как одно из фундаментальных свойств человеческого мышления.

Представляется небесполезным обсудить на страницах журнала следующие темы:

- динамический подход к метафоре: метафоризация и задействованные в ней семантические процессы;
- функции метафоры: когнитивная, номинативная, эстетическая, аксиологическая, смыслообразующая, текстообразующая, миромоделирующая и др.;
- морфологические, словообразовательные, синтаксические свойства метафоры;
- метафора как средство концептуализации действительности, национальная специфика метафоры;
- метафора в контексте порождения и восприятия речи;
- метафора и язык науки;
- соотношение художественной и языковой метафоры;
- метафора в ряду других тропов и фигур речи.

CALL FOR PAPERS: METAPHOR

The classic definition of metaphor that had a significant impact on its perception and interpretation for several centuries dates back to Ancient Greek philosophy: “Metaphor consists in giving the thing a name that belongs to something else; the transference being either from genus to species, or from species to genus, or from species to species, on the grounds of analogy” (Aristotle, *The Poetics*). The traditional model of metaphor, proposed by Aristotle and based on the similarity of the compared objects, treats it as a purely lexical phenomenon. Today metaphor is known not only as a figure of speech, but also as one of the fundamental properties of the human mind.

The following issues are of interest and topicality and are suggested for discussion:

- dynamic approach to metaphor: metaphorization and semantic processes involved;
- functions of metaphor: cognitive, nominative, aesthetic, axiological, semantic, text-forming, world-modelling, etc .;
- morphological, word-formation, syntax of metaphor;
- metaphor as a way of conceptualizing reality, national specificity of metaphors;
- metaphor in the context of speech production and perception;
- metaphor and the language of science;
- artistic and linguistic metaphors;
- metaphor among other tropes and figures of speech.

ОБРАЩАЕМ ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ НАШИХ БУДУЩИХ АВТОРОВ!

Статьи, представляемые в редколлегию, должны быть оформлены в соответствии с требованиями (см.: <http://www.pushkin.ee/ru/strukturny-i-funktsii-issledovaniya-po-rusistike>). Рукописи, оформленные не по правилам, к рассмотрению не принимаются.

Все присылаемые в журнал статьи подвергаются обязательному анонимному рецензированию членами экспертного совета, которые оценивают ясность, логичность и четкость изложения, качество оформления текста, структурированность и содержательность статьи, ее методологическую основу и актуальность. Окончательное решение о публикации принимается редколлегией журнала на основе экспертного заключения и не подлежит обсуждению.

Все статьи, предлагаемые для публикации в нашем журнале, должны быть написаны специально для данного издания и не могут дублировать уже опубликованные работы.

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с ее безгонорарным опубликованием в журнале в печатном и/или электронном виде.

Является желательным (но не обязательным) цитирование работ, ранее опубликованных в нашем журнале.

Редколлегия

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ВЫПУСКА CONTRIBUTORS

Бубнова Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной филологии Института гуманитарных наук ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет» (Москва, Россия).

Bubnova Irina Alexandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of Foreign Philology Dept., Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University (Moscow, Russia).

E-mail: aribubnova@gmail.com

Дементьев Вадим Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия).

Dementyev Vadim Viktorovich – Doctor of Philology, Professor of the Dept. of Theory, History of Language and Applied Linguistics, National Research Saratov State University (Saratov, Russia).

E-mail: dementevvv@yandex.ru

Карасик Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Волгоград, Россия).

Karasik Vladimir Ilyich – Doctor of Philology, Professor, Professor and Chair of the Dept. of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia).

E-mail: vkarasik@yandex.ru

Качалкин Анатолий Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Kachalkin Anatoly Nicolaevich – Doctor of Philology, Professor of the Dept. of General and Comparative Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: general@philol.msu.ru

Korosteleva Anna Aleksandrovna – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Korosteleva Anna Aleksandrovna – PhD, Assistant Professor of the Dept. of Russian Language for Foreign Students of Natural sciences, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Krasnykh Viktoriya Vladimirovna – доктор филологических наук, профессор филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Krasnykh Victoria Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: victoryvk@gmail.com

Lazutkina Elena Mikhailovna – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела культуры русской речи Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва, Россия).

Lazytkina Elena Mikhailovna – PhD, leading research fellow at the Dept. of Culture of Russian Speech, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: lazutkina@ruslang.ru